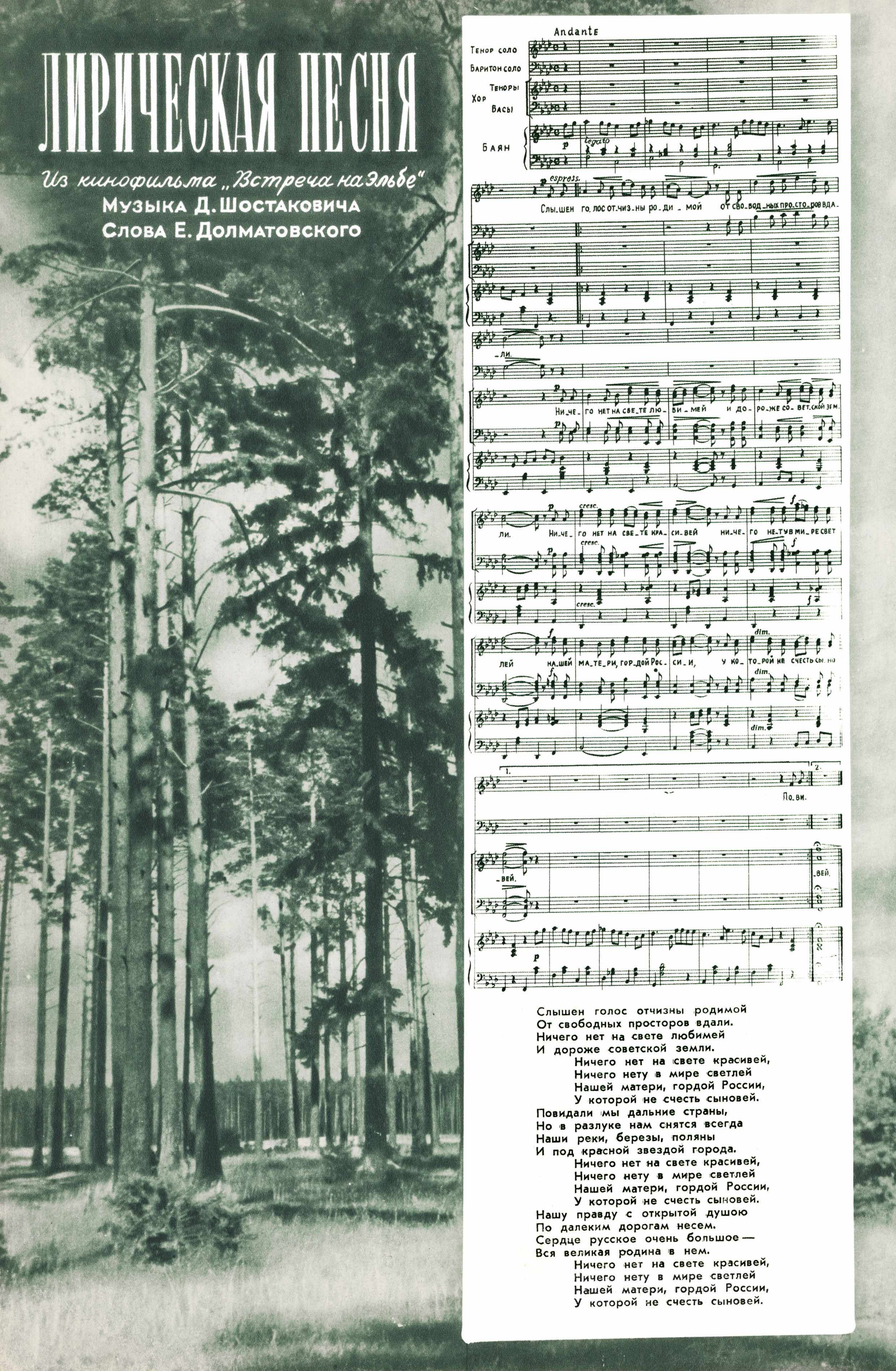
ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Из кинофильма „Встреча на Эльбе"

Музыка Д. Шостаковича

Слова Е. Долматовского

Слышен голос отчизны родимой
От свободных просторов вдали.
Ничего нет на свете любимей
И дороже советской земли.
    Ничего нет на свете красивей,
    Ничего нету в мире светлей
    Нашей матери, гордой России,
    У которой не счесть сыновей.
Повидали мы дальние страны,
Но в разлуке нам снятся всегда
Наши реки, березы, поляны
И под красной звездой города.
    Ничего нет на свете красивей,
    Ничего нету в мире светлей
    Нашей матери, гордой России,
    У которой не счесть сыновей.
Нашу правду с открытой душою
По далеким дорогам несем.
Сердце русское очень большое —
Вся великая родина в нем.
    Ничего нет на свете красивей,
    Ничего нету в мире светлей
    Нашей матери, гордой России,
    У которой не счесть сыновей.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 19 (1144)

8 МАЯ 1949

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

27-й год издания

ВСЯ СТРАНА ПРАЗДНОВАЛА ПЕРВОЕ МАЯ

С огромным воодушевлением встретил советский народ первомайский праздник — день смотра боевых сил трудящихся всего мира. В Москве, на Красной площади, состоялись военный парад и демонстрация трудящихся, в которой приняли участие 1250 тысяч рабочих, служащих, интеллигенции столицы. Многолюдные демонстрации прошли в Ленинграде, Киеве, Минске, Тбилиси, Баку, во всех городах Советского Союза.

Ровно в десять часов на трибуну ленинского мавзолея поднимается Иосиф Виссарионович Сталин. Все присутствующие на площади приветствуют великого вождя советского народа бурей аплодисментов. Вместе с товарищем Сталиным на трибуну поднимаются руководители партии и правительства, встречаемые долго не смолкающими аплодисментами.

Министр Вооруженных Сил СССР маршал Советского Союза тов. А. М. Василевский, приняв рапорт командующего парадом маршала Советского Союза тов. К. А. Мерецкова, объезжает войска, здоровается с ними и поздравляет с праздником 1 Мая. Затем с трибуны мавзолея он обращается с речью к войскам и трудящимся Советского Союза.

— Наш народ может быть уверен, — говорит тов. Василевский, — что его мирный труд сберегает испытанная в боях сила — Советская Армия, Авиация и Флот, всегда готовые с честью выполнить свой священный долг перед Родиной.

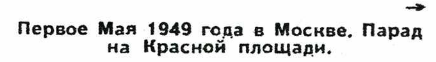
Парад войск открывает Военная академия имени Фрунзе. Мимо трибун проходят командиры, преподаватели и слушатели военных академий и училищ, военные моряки и пограничники. Появляются боевые самолеты. Впереди — огромный четырехмоторный корабль, сопровождаемый истребителями. На борту флагмана — командующий воздушным парадом гвардии генерал-майор авиации тов. В. И. Сталин. После бомбардировщиков и штурмовиков над площадью проносятся реактивные самолеты. На земле продолжается марш сухопутных войск. Идут суворовские и нахимовские училища, кавалерия, пехота и артиллерия, десантные войска и танки.

Торжественный марш войск Московского гарнизона продолжался около часа. С большой гордостью восприняли все советские люди этот замечательный, исполненный силы и мощи парад.

После парада началась первомайская демонстрация трудящихся Москвы — демонстрация преданности советских людей социалистической Родине, партии большевиков, великому вождю и учителю товарищу Сталину. В течение пяти часов через площадь шли москвичи, объединенные горячим чувством советского патриотизма. Они несли плакаты, диаграммы, транспаранты, рассказывающие о том новом, что родилось в соревновании в нынешнем году. Москвичи — в первых рядах активных борцов за выполнение послевоенной сталинской пятилетки в четыре года, за новый мощный подъем народного хозяйства.

Первомайские демонстрации ярко показали великую силу морально-политического единства нашего народа, силу советского патриотизма и дружбы народов СССР.

Отмечая светлый первомайский праздник, все народы нашей страны продемонстрировали свою непреклонную волю: новыми победами в труде еще более прославить великую социалистическую Родину.



→

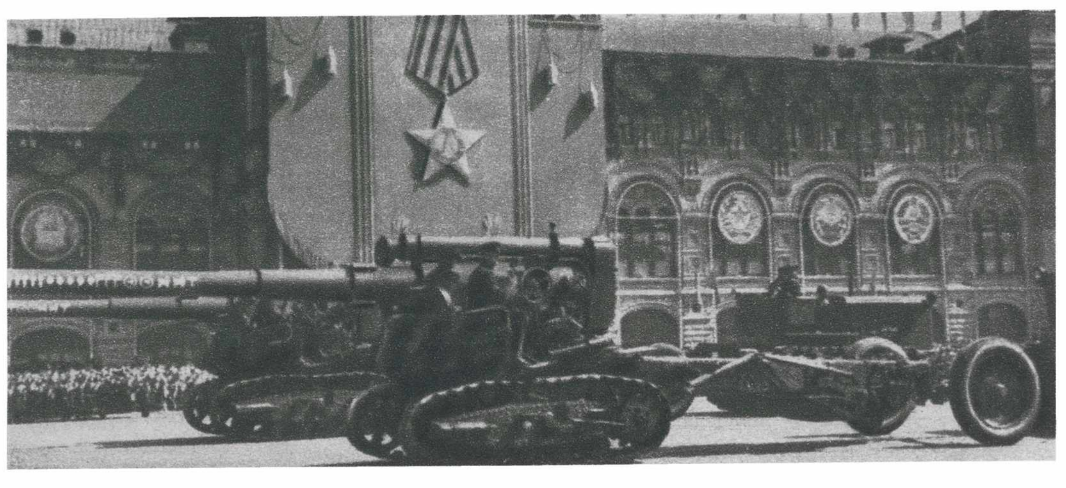
Первое Мая 1949 года в Москве. Парад на Красной площади.

Фото М. Савина.

ПАРАД И ДЕМОНСТРАЦИЯ ТРУДЯЩИХСЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ

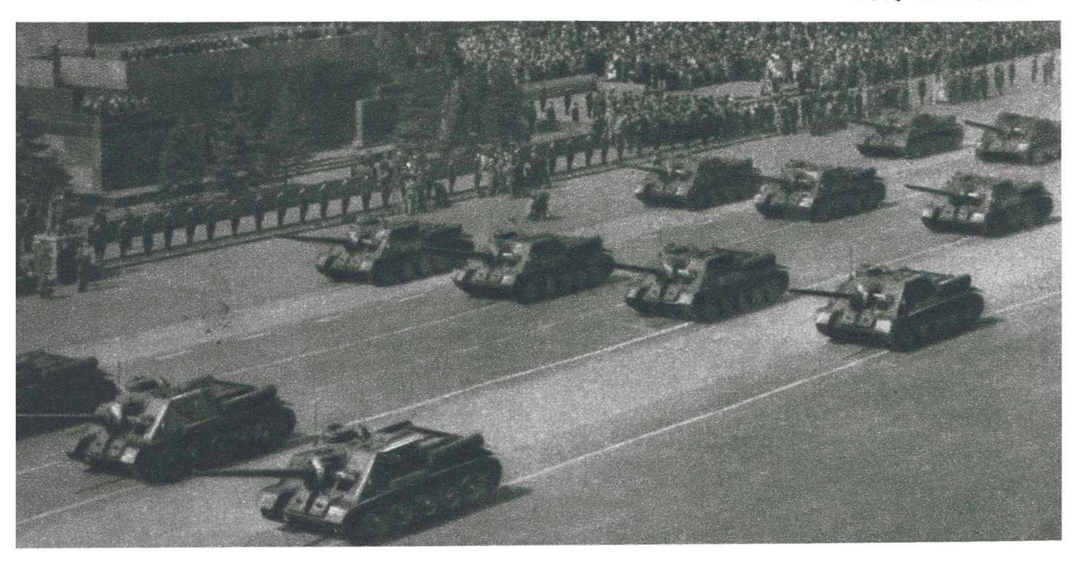
Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева и М. Савина

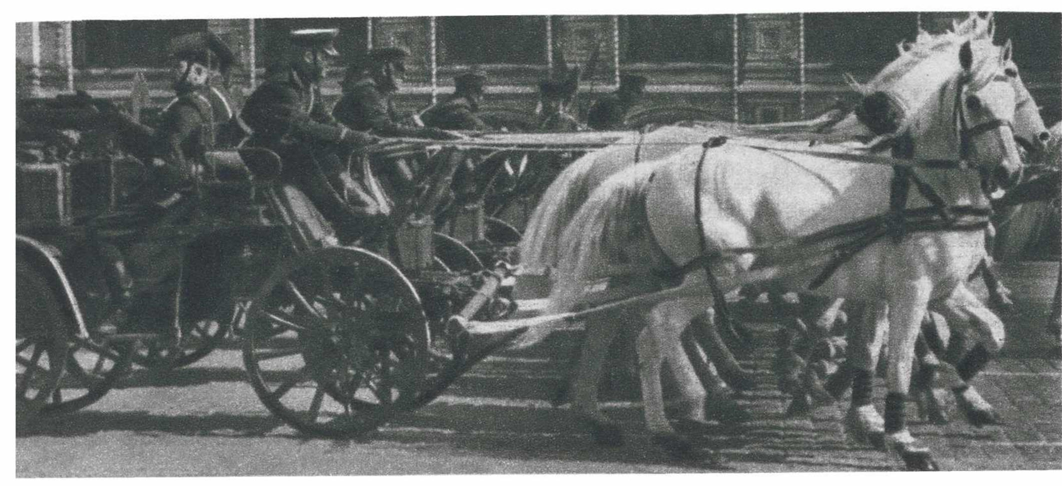
Принимающий парад Министр Вооружённых Сил СССР маршал Советского Союза А. М. Василевский объезжает войска.



НА ТРИБУНЕ МАВЗОЛЕЯ 1 МАЯ 1949 ГОДА. Слева направо: товарищи **С. М. Будённый, А. В. Хрулёв, И. С. Юмашев, Н. Н. Воронов, С. М. Штеменко, К. А. Вершинин, И. С. Конев, В. Д. Соколовский, К. А. Мерецков, А. М. Василевский, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Н. М. Шверник, Г. М. Попов, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятов.**

Фото Ф. Кислова



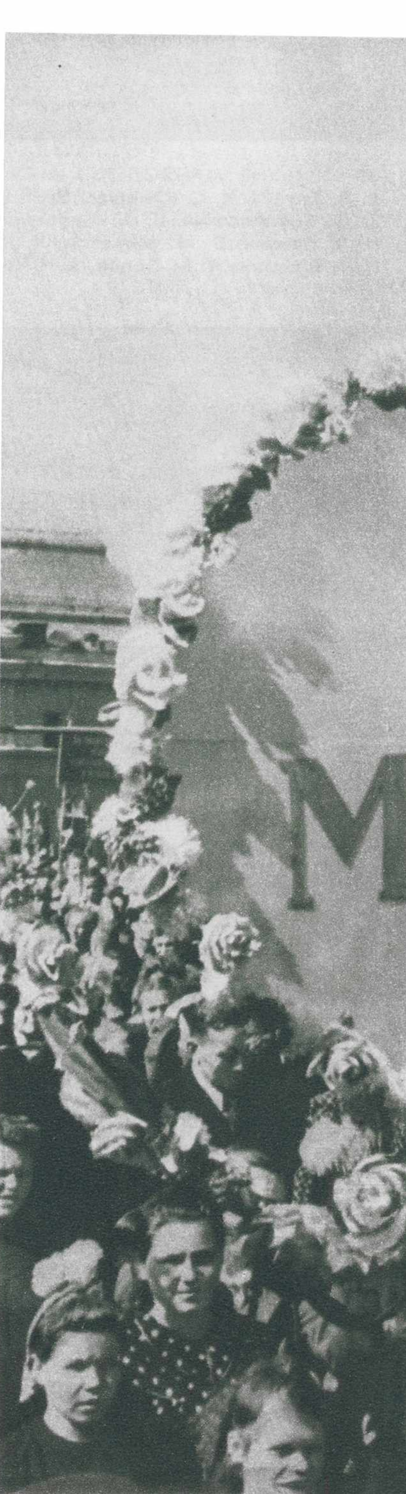


На снимках слева: москвичи на первомайской демонстрации — пляски в колоннах демонстрантов; ниже — Герой Советского Союза Ю. М. Сагайдачный, полный георгиевский кавалер казак-пулеметчик С. Ф. Баринов и подполковник И. С. Соколов.

Фото О. Кнорринга

На снимке вверху: ЛЕНИНГРАД. На Дворцовой площади. Курсанты военно-морского училища на параде.

Фото Д. Трахтенберга



На снимке вверху: МОСКВА. Колонна физкультурников на Красной площади.

На снимках сверху вниз: РИГА. Парад войск Рижского гарнизона на площади Победы. ТАШКЕНТ. В колоннах демонстрантов. ТБИЛИСИ. Нахимовцы на параде.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, А. Моклецова, В. Соболева (ТАСС) и С. Фридлянда

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Борис ПОЛЕВОЙ

Четыре года тому назад мне посчастливилось присутствовать при последнем величественном аккорде Отечественной войны с фашистской Германией. Это было в дни, когда посланные Генералиссимусом Сталиным бронетанковые армии Рыбалко и Лелюшенко, совершив за одну ночь стремительный марш-маневр через чешские Рудные горы, с боем прорвались к столице Чехословакии и, освободив прекрасную Прагу, спасли ее от пожаров и разрушений. Уже тогда ликующие пражане назвали эту блестящую операцию Советской Армии майским чудом. И действительно это походило на чудо, так как за день до этого наши танкисты еще дрались западнее Берлина с отборными фашистскими мотодивизиями. От Праги их отделяли сотни километров, высокие и крутые горные хребты и целая немецкая воинская группировка, не сложившая оружия после капитуляции, блокировавшая дороги и двигавшаяся на столицу Чехословакии. Да, это было настоящее чудо, чудо великого сталинского стратегического искусства, чудо торжества первоклассной советской военной техники, чудо отличной выучки, непревзойденной выносливости и героизма советских воинов.

Прага ликовала. Впервые после лет жесточайшей оккупации развевались на ее древних улицах раздуваемые весенним ветром трехцветные национальные флаги. Ее проспекты и площади были заполнены радостными толпами. Огромные советские танки, замасленные и запыленные за длинный и трудный боевой путь, осторожно двигались по улицам, и на их броне, хранившей, как лицо старого воина, шрамы и царапины многих битв, сидели рядом с чумазыми танкистами молоденькие девушки в национальных чешских «кроях». Матери протягивали советским офицерам своих маленьких детей и просили поцеловать их «на счастье». И стоило советскому воину появиться в районе, где еще не проходили наши части, как ликующие толпы поднимали его на руки и несли по улицам, выкрикивая здравицы в честь Советской Армии-освободительницы, бесконечно и радостно скандируя дорогое имя — Сталин.

И нам, советским офицерам, которые были свидетелями и участниками этой блестящей, завершающей битвы с фашистской Германией, все время приходилось отвечать на один и тот же вопрос, задаваемый счастливыми пражанами: в чем же «секрет» великих побед Советской Армии, что дало возможность советскому народу в великом единоборстве со всеми силами фашизма сломить хребет фашистскому зверю, считавшемуся в Европе непобедимым, почему после стольких лет войны, после стольких гигантских битв Советская Армия стала еще более могущественной, чем была?

«Откройте нам «секреты» вашей непобедимости»,— просили пражане.

Мы мысленно пробегали весь трудный путь Отечественной войны — от того страшного июньского утра, когда фашистские изверги сбросили свой смертоносный груз на наши мирно спавшие города и пограничные части приняли на себя первый удар вероломно напавших на них гитлеровских дивизий, до момента, когда победное советское знамя взвилось над куполом горящего рейхстага,— до этого вот светлого майского дня, когда освобождением дружеской столицы Советская Армия заканчивала свой великий поход. И мы, советские офицеры, отвечали пражанам, что секрет огромных побед нашей Армии в том, что во главе ее стоял и направлял ее во всех сражениях и боях величайший стратег Генералиссимус Сталин, что воинов ее в дни труднейших испытаний воодушевляли высокие идеи большевизма, что каждый из воинов, от маршала до солдата, любит свое советское Отечество больше собственной жизни. Люди, только что освобожденные после многолетней оккупации, с восхищением смотря на советских воинов, говорили: «Счастливая страна, счастливый народ!» В этих восклицаниях мы слышали тогда не только восхищение мощью и благородством освободителей, но и особую, хорошую зависть и желание учиться жить у великого народа страны победившего социализма.

А недавно мне снова привелось посетить Чехословакию. Мы бывали на заводах, уже перешедших в народное управление, в Карловом университете — одном из старейших в Европе, в редакциях газет и в театрах, в новых рабочих клубах и в партийных школах. Мы встречались с множеством различных людей — со знаменитыми писателями и токарями, поднимающими на народных заводах знамя трудового соревнования, со студентами и бывшими партизанами, с министрами и рядовыми служащими. И всюду мы видели проявление самого трогательного интереса к нашей социалистической Родине, к нашему народу, интереса к истории и великому боевому опыту партии большевиков, идеи которой немеркнущим факелом светят всему свободолюбивому человечеству. Нам задавали множество вопросов, свидетельствующих о живом интересе трудящихся чехов и словаков к великому опыту строительства социализма в нашей стране. И среди многих вопросов обязательно звучал один: нас просили рассказать о «секрете» замечательных послевоенных трудовых побед советского народа, о новом «чуде» трудового созидания, поражающего весь мир своими гигантскими масштабами, своими небывалыми темпами и тем подлинно всенародным энтузиазмом, которым охвачена сейчас наша страна.

И так же, как четыре года тому назад на улицах освобожденной ликующей Праги, мы отвечали, что качества советских людей, воспитанные в нашем народе большевистской партией за годы советской власти, являются секретом замечательного чуда послевоенного восстановления и строительства, чуда, которое сейчас по сталинским планам совершает советский народ.

Возвращаясь домой из дальних походов, советские воины — победители Берлина, Кенигсберга, Вены, освободители Белграда, Праги, Варшавы — ехали в глубь своей страны по местам, где еще недавно бушевала война. С болью в сердце видели они огромные пространства сожженной, изуродованной земли, поля, исклеванные снарядами и изрытые окопами, руины городов, бесконечные пепелища деревень. В развалинах лежали Киев и Минск, Каунас и Харьков. Там, где до войны дымились гигантские заводы, возвышались поросшие бурьяном бесформенные груды бетона, железа и кирпича. Целые районы жили в землянках, готовили пищу на кострах. Были села, где после изгнания оккупантов не осталось не только ни одной коровы, но даже и курицы. Возвращаясь домой, освободители Европы, наблюдая в двери теплушек дорогие сердцу пейзажи Родины, убеждались, что ни одна из стран, где довелось им воевать, не была так разрушена и сожжена, как большие пространства советской земли, где побывали фашистские оккупанты. И казалось, пройдут многие десятилетия, прежде чем удастся вдохнуть жизнь в эти бесформенные руины, прежде чем снова зацветут забурьяненные поля, поднимутся из развалин домны, задымят трубы заводов и города восстанут из пепла.

Четыре года, прошедших со дня, когда победное знамя Советской Армии взвилось над поставленной на колени столицей гитлеровской Германии,— небольшой исторический срок. Но в эти четыре года советский народ, победитель фашизма, поразил мир новым чудом восстановления и строительства. И когда сейчас едешь по районам страны, даже наиболее пострадавшим от фашистского нашествия, по местам исторических битв, где еще недавно глаз видел только пустынные и печальные пожарища,— теперь всюду наблюдаешь жизнь, созидание, кипучий и радостный труд. Сейчас разрушенные города наши становятся еще более прекрасными и благоустроенными, их восстанавливают с подлинно социалистическим размахом. Новый облик приобретают возрожденные деревни. В них уничтожаются оставшиеся от прошлого следы идиотизма деревенской жизни, колхозные улицы разбиваются по новым планам, отражающим жизнь социалистического села, с каменными колхозными службами, с клубами в центре, со специальными домами для ясель и других культурно-бытовых учреждений. На полях, где еще можно различить следы снарядов, люди собирают невиданные до войны урожаи. И всюду жизнь бьет ключом, идет стройка огромного размаха, всюду советские люди, охваченные пафосом созидания, мечтают, планируют, учатся, работают, творят. Вчерашние советские воины — покорители Берлина — штурмуют сейчас высоты техники и культуры труда, освободители Белграда сражаются за ускорение сроков выполнения пятилетки, герои боев за Варшаву стали героями социалистического труда на полях, в шахтах, на заводах...

И эти-то послевоенные жизнеутверждающие победы социализма больше всего пугают и выводят из себя тех, кто принял у гитлеровцев эстафетную палочку расизма, кто, вопя о коммунистической опасности, в то же время провозглашает неофашистскую теорию о мировом господстве англо-саксонской расы, кто начиняет атомные бомбы с помощью миллиардов, украденных у простых людей, кто на костях трудового народа строит по всему миру военные базы и, болтая о мире, подписывает агрессивные военные пакты.

В это время наш советский народ, охваченный пафосом восстановления и строительства, в сознании своей мощи и силы с величественным спокойствием и энтузиазмом осуществляет гениальный сталинский план строительства коммунизма. Мы построили мощную советскую индустрию. Мы перестроили сельское хозяйство на социалистический лад. Мы неузнаваемо изменили экономику нашей страны и научились переделывать природу. Теперь, стоя у порога коммунизма, мы начинаем выполнять гигантский по своим масштабам, гениальный по своему замыслу сталинский план переделки лица земли, переделки климата. Мы заставим ветры переменить свое знойное, иссушающее течение, заставим течь новые реки, напоим земли мертвых пустынь, заставим их цвести, плодоносить на благо человеку. Разве этот самый дерзновенный из планов, какие только рождал человеческий ум, принятый нами в дни, когда за океаном царит военный психоз,— разве это не высший показатель силы, мощи и твердого миролюбия нашего социалистического государства!

Так же, как в дни войны, все советские люди, мужчины и женщины, старики и дети, посильно помогали Советской Армии выполнять гениальные стратегические планы великого Сталина, так теперь, в дни мира, весь советский народ с неменьшим энтузиазмом, самоотверженностью, героизмом и упорством выполняет сталинские планы строительства коммунизма... И планы эти выполняются досрочно. Народная инициатива превращает наши планы в действительность намного раньше указанных в них сроков. Трудом и волей советских людей, вдохновленных бессмертными идеями ленинизма, страна наша становится богаче, краше, сильней и могущественней не только с каждым годом, месяцем, но с каждым часом, с каждой минутой.

На огромные достижения великой миролюбивой державы — Советского Союза — с гордостью и с надеждой устремлены взгляды всех простых людей земного шара. В Советском Союзе и в странах народной демократии, тоже охваченных пафосом свободного труда, видят они оплот мира и безопасности.

И когда сейчас, в день четвертой годовщины со дня Победы, задумываешься о секрете замечательных послевоенных достижений нашей Родины, когда вчитываешься в письма трудящихся товарищу Сталину, сообщающих вождю о новых успехах в борьбе за пятилетку,— становится ясным, что «секрет» этого в том же, в чем был «секрет» побед военных: в гениальности сталинского руководства, в озаренности советских людей высокими идеями большевизма, в их безграничной любви к своей матери-Родине, к великой стране, где созидается коммунизм.

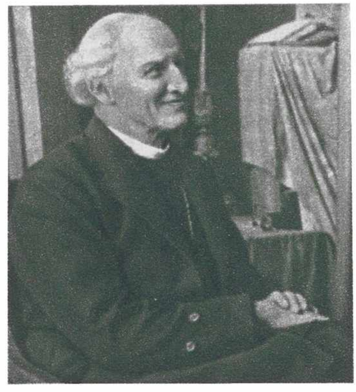
Путь народов — путь мира

Всемирный конгресс сторонников мира ознаменовал собой важный этап в борьбе прогрессивного человечества против сил империализма и агрессии.

В этом номере редакция журнала «Огонек» продолжает публиковать полученные ею высказывания прогрессивных деятелей зарубежных стран о задачах борьбы за мир.

Хьюлетт ДЖОНСОН,

настоятель Кентерберийского собора (Англия)



Сегодня человечество нуждается в мире.

Я, видевший, что принесла война Европе и особенно Советскому Союзу и странам Восточной Европы, знаю, что нужно будет целое поколение, прежде чем будут исцелены страшные раны войны. Но ничто не может вернуть миллионы жизней, которые поглотил зловещий Молох войны, навязанной человечеству.

Советский Союз желал мира, предлагал мир, действовал в пользу мира и вступил в войну только потому, что подвергся нападению. Советскому Союзу война не могла принести никаких выгод, а лишь потери и разрушения тех ценностей, которые были созданы мирным трудом. Советский Союз в этой войне потерял многих из лучших и храбрейших своих сынов.

Вот почему Советский Союз и трудовые люди всей земли хотят мира. Они лишь теряют от войны, которая уносит плоды их труда.

Каждый из нас обязан бороться за мир всеми своими силами и со всей энергией. Те, кто не теряет, а выигрывает от войны,— фабриканты оружия, политиканы, биржевики — неустанно делают за кулисами свое черное дело. Мы же обязаны действовать открыто, рассказывая всю правду народам — тем, кто платит страшную цену войны.

Мы возвещаем народам всего мира, что мы стоим за мир. Только враги человечества желают войны. Мы должны воевать против военных союзов, против тех, кто хочет разрушать. Мы должны трудиться для дела дружбы и взаимопонимания народов. Мы стоим за мир. Благословенны творцы мира!

Марсель ПРЕНАН,

профессор (Франция)

Народы хотят мира. Но только в Советском Союзе и в странах народной демократии правительства на деле выражают эту народную волю и тем самым обрекают на неудачу замыслы поджигателей войны, представляющих интересы капиталистических клик. Эта истина должна вдохновлять всю нашу борьбу за прочный и длительный мир.

В то время, когда французское правительство все больше подчиняется приказам воинствующего американского империализма, — нашей важнейшей задачей является разъяснять своим соотечественникам, что Советский Союз — самый надежный оплот мира, человеческих свобод и национальной независимости. Мы должны призывать к единению всех людей доброй воли — у нас и за пределами наших границ, — чтобы заставить замолчать поджигателей войны и помешать им нанести непоправимый вред человечеству.

Все вместе — интеллигенция рука об руку с рабочими всего мира, в союзе со странами, где у власти стоит народ,— мы спасем мир.

Ян ДЕМБОВСКИЙ,

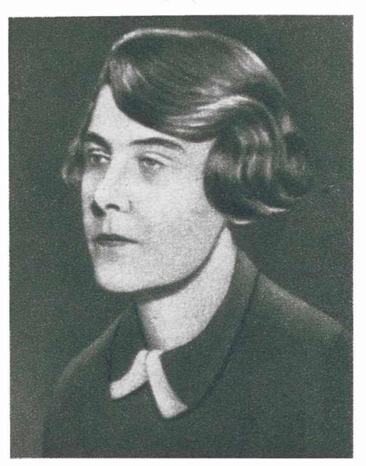
профессор (Польша)

Борьба за прочный мир нарастает, как лавина. Если прошлогодний Конгресс во Вроцлаве был первым шагом на пути к мобилизации сил прогресса, то Конгресс в Париже явился могучей манифестацией непреклонной воли к миру сотен миллионов трудящихся всех стран.

Конгресс показал, что существует вполне реальная, осязаемая сила, которая сумеет удержать преступную руку, занесенную над счастьем и благополучием человечества.

Мария ПУЙМАНОВА,

писательница (Чехословакия)



Я считаю лучшей защитой мира путь к социализму. Там, где нет торговцев судьбой народов, нет и войны. Мы хотим мира для своей работы, для своих детей, братьев и товарищей, для всех честных людей земного шара.

Мы должны крепко держаться Советского Союза, ведомого Сталиным.

Джон Д. БЕРНАЛ,

профессор (Англия)

Английские ученые вместе с учеными всего мира желают, чтобы наука служила мирным целям.

Мы восхищены той работой, которую вы делаете в Советском Союзе для реконструкции и, в частности, для осуществления великой задачи защиты ваших южных районов от засухи. Мы были бы рады возможности сотрудничать с вами в решении таких задач, которые помогают прогрессу науки на благо человечества.

Но это будет возможно лишь тогда, когда народы всего мира покажут свою решимость не допустить втягивания их в подготовку новой войны. Этому положил начало большой Конгресс мира в Париже, и его дело будет поддержано многими учеными Великобритании.

Шандор ГЕРГЕЛЬ,

председатель Союза писателей Венгрии

Трудящиеся Венгрии благодаря Советскому Союзу вот уже четыре года видят на практике, что значит свободно распоряжаться собственной судьбой. Они глубоко уверены в том, что эта свободная жизнь, которую они получили в итоге великого героизма Советской Армии, будет и дальше с неодолимой силой развиваться по пути к социализму. Социализм — это мир. Поэтому для нас защита социализма есть защита мира.

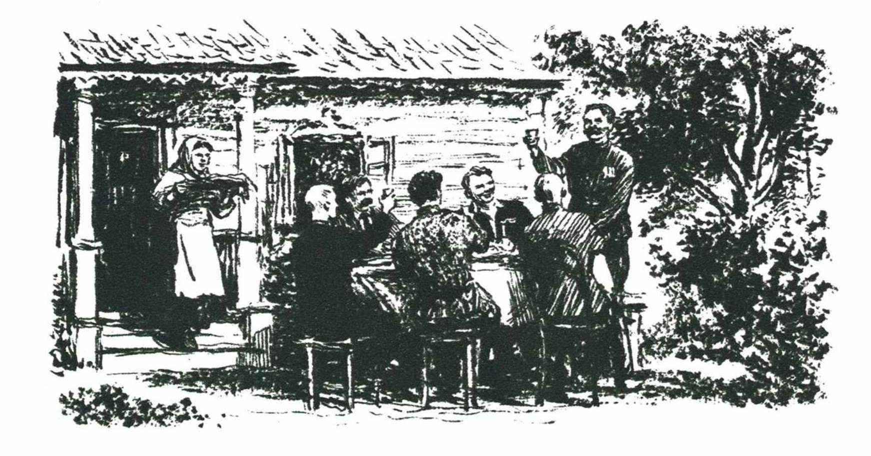
Лацо НОВОМЕССКИЙ,

словацкий писатель

Первая задача прогрессивного человечества в борьбе за прочный мир — это решительная и неуклонная поддержка Советского Союза, отпор всем, кто пытается запятнать чистую и безукоризненную репутацию страны социализма как непреклонного стража мира, как могущественной силы, стоящей за мир.

Вторая задача прогрессивных людей всех стран — честно и объективно изучать действительное положение в народно-демократических государствах, сплотившихся вокруг СССР в борьбе за мир; изучать эти страны и распространять о них правду, разъяснять неосведомленным или сбитым с толку людям, что эти страны, где победил народ, вышли на дорогу небывалого расцвета.

Третья задача прогрессивных людей вытекает из первых двух задач: вскрывать замыслы поджигателей войны, разоблачать лживые доводы, которыми они хотят оправдать свой заговор против мира, бороться с ними до конца, до полного торжества дела мира.



РОЖЬ

Рассказ однополчанина-бригадира

ИЗ КНИГИ «ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ»

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунки О. Верейского

На обед у бригадира
мы пришли ватагой всей...
Трижды чарка обходила
боевых дружков-гостей,
и за гомоном веселым
про геройские дела
трижды смена разносолов
объявлялась вдоль стола;
был пирог душист и сладок,
мясо в соусе крутом...
Похвалили мы достаток,
что пришел в солдатский дом,
а хозяин:
— Было всяко! —
и, поправив ус густой:
— Жаркой та была атака,
трудный, хлопцы, был тот бой!..

Залечив в санбатах раны,
возвернулись в отчий дом,
вышли в поле... Лес бурьяна,
рвы, ежи на поле том;
на меже, как пес, притих
«фердинанд»,
а рядом «тигр»,
или, скажем, пушка-дура
в краснотале молодом
задирает к небу дуло,
воет в тучи черным ртом...

Там еще
на минах скот
подрывался в этот год,
там зерно ложилось рядом
с невзорвавшимся снарядом.
Пахарь ты
и ты сапер, —
кто кого! —
со смертью спор.

Плуг-калека... Пара кляч
плуг не тянет тот, хоть плачь,
да и сам еще ты вроде
жив,
а ходишь кое-как:
раны ноют к непогоде,
ржа коростой на руках;
хлеб — овсянка с лебедою,
съел ее, запил водою,
повертел в руках кисет
и гадай:
обедал, нет!..

Ждали хлеба — хлынул дождь:
на корню споткнулась рожь,
по рядам сопрело сено.
Осень — вот она
и на:
что там сеяно, не сеяно —
собрали семена...

Страшен зной второго лета:
день вставал, от пыли желт;
ни росы тебе, ни ветра;
тень, и та, бывало, жжет,
ночь, и та томит, бывало,
словно печь накалена.
Ярь почахла,
рожь повяла —
ни соломы, ни зерна.

В самый раз селу зимой
по снегам трясти сумой;
в самый раз в большак морозный
кое-как стучать клюкой,
если б только не колхозы,
не родной советский строй,
если б —
будь вовеки славен! —
не послал подмоги Сталин,
если б в сердце не взрастил
мудрым словом
новых сил!..

Третий год... На третий год,
как в атаку, встал народ:
по округе сходки в школах,
комсомольцы по селу
баб ограбили на щелок,
то есть, проще, на золу,
камышовыми щитами
снег держали с зимних стуж,
инвентарь пересчитали —
каждый плуг и каждый гуж,
да еще парторг сказал нам:
— Лишь наука не соврет,
не молитвами,
а знаньем
одолеем недород;
без него
отныне нет
ни успехов, ни побед!

Только день свое отсветит,
только звездам брызнуть срок —
мы за парты,
словно дети,
каждый свой зубрит урок,
учим с дьявольским терпеньем —
нас ведь только разозли! —
всю механику растений,
всю механику земли,
что — азот, зачем он, калий,
капиллярность,
осмос,
свет...
Вымокли в тумане дали,
дунул ветер-снегоед;
колокольцем жаворонок
взмыл,
и почва горяча,
и уже во всходах ровных
встанет грач — и нет грача;
и, набрав к июлю силу,
стенка — пушкой не пробьешь! —
встала в рост,
заколосилась,
налилась — и зреет рожь...

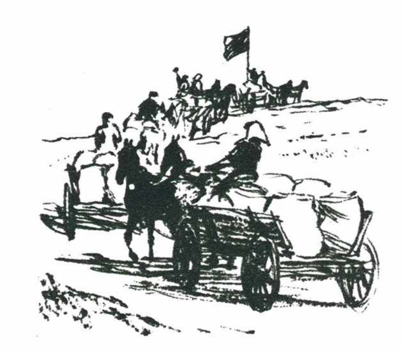
Рожь!.. Да с чем оно сравнится,
как, зарей озарено,
поле в колос отгранится,
отшлифуется в зерно,
как пойдет волной веселой
завиваться там и тут!
Поглядишь кругом,
а села
в теплом золоте плывут,
где-то роща дремлет чутко,
где-то
чей-то напрямик
пенный след взобьет, как щука,
над дорогой грузовик
и пропал уже,
и только
слышно: каждый колосок
перезванивает тонко,
пьет, сгущает в зернах сок.

Что ж, скажу не по секрету,
речь не раз о том вели, —
только мы раскрыли эту
душу светлую земли,
только мы, как силу взяли,
как прошли через войну,
всю ее теперь познали —
что в длину,
что в ширину!..

И когда комбайн вошел
в это золото и шелк,
слышу — плачет звеньевая,
хоть резона нет слезам.
— Ты чего! — кричу.
— Не знаю...
— Глупая! — кричу,
а сам...
сам, брат, тоже вижу плохо,
как от солнца вдруг ослеп:
где он, лес, и где дорога! —
нету...
хлеб...
хлеб...
хлеб!

Председатель, вижу, тоже
снял картуз, стоит, немой...
и, сдается, стал моложе,
вырос... А подводы с рожью
на дорогу — и домой
и у нас, и в «Партизане»,
в «Маяке»,
в «Большевике»...
Только ветер за возами
пыль вздувает налегке,
только вслед платки да кепки,
словно батька — с фронта в дом..
До чего ж на нервы крепкий
наш народ, а этим днем
как пошел к селу обоз —
было радости до слез!

На страде, как на пожаре:
стар ли, млад, что смог — тащи.
День и ночь комбайны жали,
серп, коса в работу шли,



дети-суслики по щетке:
колос — что он! — колос мал,
а, гляди, в конечном счете
пуд и центнер набегал...

Руки, вспухшие от ости,
млеют жилы,
ноют кости,
а привалом стать опасно,
ты домой — и дождь во двор..
До сих пор вот отоспаться
не могу
с тех самых пор!

И пошли с того удачи,
глядь — рабочим легче жить,
хлеб без карточек,
а дальше
поднажмем еще — так даже
и без денег, может быть,
все в коммуне совместится,
все в прибытке, как сочтешь:
тот — машину,
этот — ситцы,
те — бензин,
а мы вот — рожь...
Может, нынче рановато,
а у нас уж думка есть...

Ветер выпорхнул из сада,
в ароматах сада весь,
тронул ус у бригадира,
птиц на ветке покачал...
Так
кончался
праздник мирный
шестерых однополчан.

А. Лактионов. ПИСЬМО С ФРОНТА.

«Огонек». 1949.

МОЛОДАЯ РУМЫНИЯ

Ал. СУРКОВ

Фото автора

Дорога Бухарест — Брашов.

1. ДОРОГА НА БРАШОВ

Отполированная шинами асфальтовая автомагистраль берет начало на весенних, залитых солнцем окраинах Бухареста. Справа и слева от магистрали, на широкой равнине — хутора и деревни. На полях волы и лошади тянут тяжелые плуги пахарей. Разбухшие почки на придорожных деревьях и кустарниках лопаются и пробрызгивают зеленью молодой листвы.

Перед Плоешти местность начинает бугриться. Быстро промелькнула панорама нефтяного города. Громады крекинг-заводов. Лес вышек на равнине и недальних холмах. За Кымпина равнинный пейзаж сменяют горные ландшафты. По извилистому «серпантину» крутых подъемов дорога взбегает вверх. На смену оголенным лиственным лесам встают на горных склонах сосны и ели. Вокруг все чаще и чаще появляются белые снеговые заплаты. Промелькнули узкие, извилистые улочки горного курорта Синайи. Здесь в недавнем прошлом отсиживались от летней жары бухарестские богачи — бояре, банкиры, промышленники, удачливые купцы. Молодая Румыния выдворила вчерашних хозяев Синайи во главе с недорослем Михаем из насиженных гнезд. На заборах садиков, окружающих виллы, мелькают таблички с обозначением названий домов отдыха и санаториев для рабочих, служащих, для писателей, ученых, артистов. По улицам хлопотливо снуют штукатуры, маляры, водопроводчики. Синайя ремонтируется, прихорашивается, готовясь к открытию курортного сезона.

У Предиала, на высоком горном перевале, мы застаем позднюю зиму. Снег ослепительно блестит на склонах гор. Ледяными сосульками украшены нагруженные лесом железнодорожные платформы. Загорелые лыжники проходят по обочинам шоссе. От Предиала бесконечные витки шоссе приводят нас в долину, где, как на дне огромной каменной чаши, раскинулся большой промышленный город Брашов.

2. ТРАКТОРНЫЙ ПЕРВЕНЕЦ

Поколесив по извилистым улицам города, наша машина въезжает в широкие ворота Брашовского тракторного завода. В скромном директорском кабинете мы знакомимся с нынешним директором предприятия Ионом Триандофиреску. Он ведет нас в цехи, по пути рассказывая историю возникновения первого румынского тракторного завода.

История эта несложна, но в ней, как в капле воды, отражена борьба старого с новым, в которой рождается социализм в этой стране.

Завод был основан в 1928 году для производства самолетов. Во время войны он строил самолеты для антонесковских горе-завоевателей. В 1944 году его разбили американские бомбардировщики. Остатки оборудования в спешке эвакуации рассовали по всей стране. Опустели полуразбитые корпуса. Разбрелись рабочие, потерявшие работу.

Советская Армия, освободив Румынию от фашистского гнета, помогла вдохнуть жизнь в мертвый завод. Еще гремели бои на улицах Бухареста, а в товарных вагонах, выделенных советским командованием, уже прибывало и разгружалось на заводских дворах уцелевшее оборудование. Тогда же, в 1945 году, и возникла мысль о создании румынского трактора. Реакция, которая была еще сильна и в стране и в правительстве, сделала все, чтобы помешать созданию тракторного первенца. Было выдумано много благовидных и неблаговидных предлогов. Только организованность и сплоченность рабочего коллектива, поддержанные коммунистами, помогли преодолеть саботаж и добиться осуществления цели.

Тракторный завод родился. Рабочие не жалели сил на то, чтобы дать жизнь своему детищу. На развалинах старых цехов поднялись новые. В новых цехах стройными рядами встали станки. В проектном бюро родился нынешний тип трактора. Советский Союз помог металлом, коксом.

Год ушел на оборудование и освоение, и в памятный декабрьский день 1947 года два первых трактора, под восторженный гул голосов строителей, вышли из ворот сборочного цеха на заводской двор. Один из этих тракторов, который рабочие любовно назвали «Степкой», сейчас стоит на заводе, как воспоминание о первой трудовой победе.

Через десять месяцев был сдан тысячный трактор, а к концу марта 1949 года завод дал сельскому хозяйству страны тысячу семьсот стальных коней. На радость друзьям, на зло врагам брашовские тракторостроители настояли на своем.

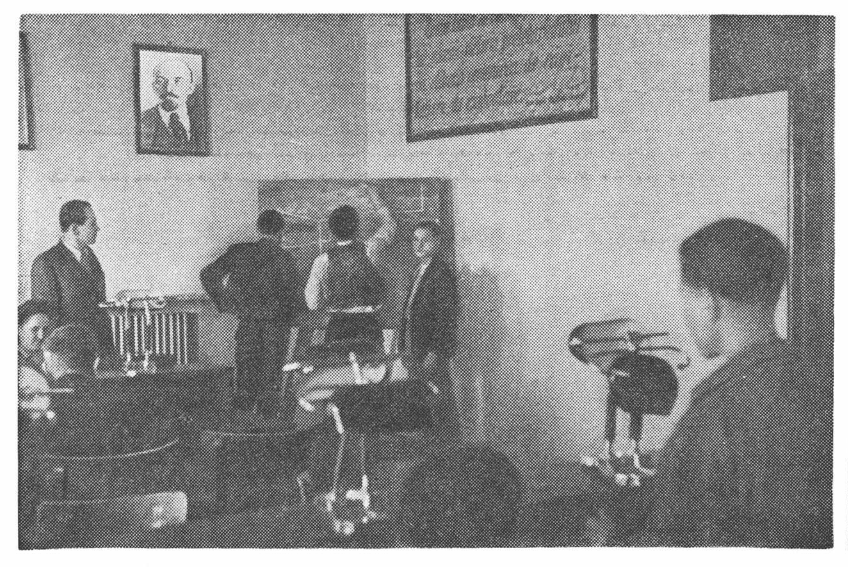
Реакционеры всех мастей сделали все для того, чтобы помешать заводу встать на твердые ноги, — и саботажем, и злобной клеветнической кампанией в своей печати, и всем, чем могли.

Приезжал на завод и заокеанский гость, некий мистер Этридж. Ходил, нюхал, скептически поджимал губы, говорил, что не выйдет эта рабочая затея. Предлагал американские тракторы. Его выслушали вежливо и вежливо отказались от «благородной помощи». Еще упорнее стали работать и добились своего.

Все ново и молодо на этом молодом заводе. Молод их трактор. Молоды рабочие, которые его создали. Молод и их директор, вчерашний литейщик, проработавший здесь тринадцать лет в заводской литейной, настойчивый, пытливый, во все детали вникающий коммунист, закаленный подпольной работой и борьбой. Ему трудно. Нет хозяйственно-административного опыта. Трудно коллективу, для которого строительство тракторов — дело новое. Но молодому директору есть на кого опереться.

Из 4600 рабочих завода свыше двух тысяч — члены Рабочей партии. За ними идет весь коллектив. Новые методы труда — соревнование, рабочая смекалка, хозяйская заинтересованность — помогут эти трудности преодолеть. Нехватает квалифицированных рабочих — организована заводская школа по подготовке молодых кадров, в которой учится 400 юношей. Старые рабочие повышают квалификацию в кружках при заводском клубе. Опыт советских тракторостроителей приходит

Первый трактор Брашовского завода. За рулем директор завода Ион Триандофиреску.



Молодые тракторостроители занимаются в техническом кружке.

В обеденный перерыв в зрительном зале клуба заседает завком.

через литературу на помощь брашовским тракторостроителям. Чтобы машины поступали в надежные руки, при заводе работает школа тракторных бригадиров для МТС. И когда директор уверенно говорит, что поставленная задача — давать триста тракторов в месяц, а за пять лет выпустить 25 — 30 тысяч тракторов — будет выполнена, нет основания сомневаться в том, что именно так и будет.

3. СТАЛЬНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ БУДУЩЕГО

Через несколько дней после посещения Брашовского тракторного завода мы очутились в Будештской МТС, тракторный парк которой составляют машины, выпущенные Брашовским заводом.

Будештская МТС молода. Она была организована осенью прошлого года и тогда же, на зяблевой вспашке, приняла боевое крещение. На вооружении станции двадцать четыре трактора, из которых восемнадцать — отечественные, брашовские. Есть, пока еще небольшой, парк уборочных машин. Есть опытные механики. Открыты и уже расширяются ремонтные мастерские. Вообще расширяется и крепнет хозяйство молодой станции. Она имеет своего квалифицированного агронома, который помогает советами крестьянам — клиентам МТС,— ведет работу по заключению договоров на вспашку и уборку.

Среди трактористов МТС десятеро имеют квалификацию первого разряда, восьмеро — второго, остальные — молодежь, недавно окончившая курсы трактористов.

Руководитель этой молодежи директор МТС Ион Чопляну — сам молодой администратор, вчерашний тракторист, крестьянский сын, изведавший в свои двадцать девять лет все мытарства подневольной батрацкой жизни у бояр. Суровая жизнь поденщика и батрака привела Чопляну в ряды Рабочей партии Румынии, научила ценить и понимать новое. Перед тем, как стать директором МТС, Чопляну был бригадиром трактористов, вел профсоюзную работу в МТС и в уезде. Трактор он любит и знает. Хорошо знает он и жизнь клиентов станции — крестьян окрестных деревень. Все это помогает Чопляну в новой и трудной администраторской работе.

Сейчас посевная здесь в разгаре. На дворе МТС нет ни одного трактора. Все они на полях. По плану, МТС должна весной вспахать 1638 гектаров в индивидуальных крестьянских хозяйствах и на полях товариществ по совместной обработке земли. Станция уже имеет договоры на всю плановую площадь. Крестьяне с охотой заключают эти договоры. Тракторы вырывают их из кабальной зависимости от кулаков, к которым раньше приходилось обращаться за тяглом. Цена в 800 лей за вспаханный гектар ниже той, которую приходилось платить кулакам. Тракторная вспашка глубже, ровнее. Для товариществ по совместной обработке земли установлен по коллективным заявкам льготный тариф — 700 лей с гектара. Есть еще одна большая льгота для хлеборобов, пользующихся помощью МТС. Они могут платить за работу или сразу деньгами или осенью, после сбора урожая, натурой.

Нынешняя весна дала МТС 1040 клиентов, объединенных в товарищества по совместной обработке земли, и заявки 700 индивидуальных хозяйств.

Поля Румынии исполосованы «паркетом» чересполосицы. Но вторжение МТС в сельскую жизнь уже принесло свои положительные результаты. Тому, кто пролетает на самолете над придунайской равниной, бросаются в глаза большие массивы пашни, не испещренной межами. Это клин товариществ по совместной обработке земли. Изведав десятилетиями горький труд на узенькой полоске, бедняки и середняки охотно объединяют свои поля в общий клин, перешагивают межу вековой разобщенности. Трактор выступает, как могучая сила будущего, избавляя бедняка от кулацкой кабалы, объединяя труд людей, расчищая дорогу для крестьянина к новой жизни в трудовом коллективе.

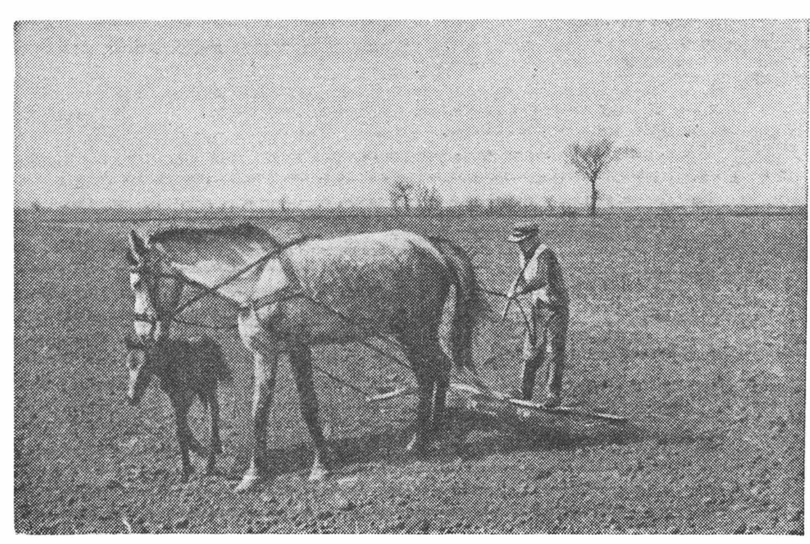
Недаром румынские крестьяне с такой жадностью разглядывают фотографии в витринах Румынского общества культурной связи с СССР («АРЛУС»), где изображена трудовая жизнь советских колхозников. Недаром они с таким горячим интересом расспрашивают приезжих из Советского Союза о колхозах и берут в читальнях брошюры, где напечатаны рассказы передовиков наших колхозов.

Нельзя сказать, что румынская деревня впервые видит трактор. Земли крупных помещичьих латифундий в свое время обрабатывались тракторами. В годы войны грабители, возглавляемые Антонеску, наворовали много тракторов на оккупированной советской земле.

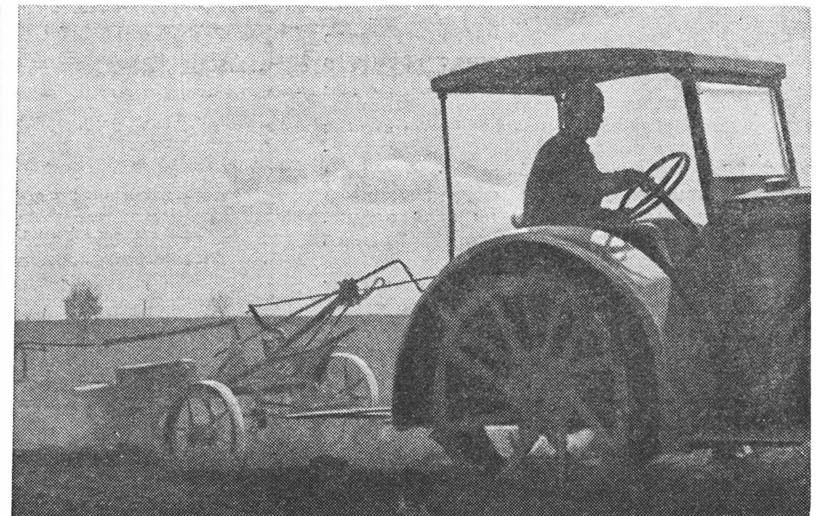
Румынский крестьянин и раньше видел тракторы. Но на своем поле он увидел их впервые лишь после того, как победила народная демократия. Увидел, поверил им и полюбил их. Ион Чопляну с сокрушением и гордостью говорит, что можно бы, опираясь на многочисленные заявки, вдвое увеличить посевной клин МТС, да не поднять его теми тракторами, которыми станция сейчас располагает.

Машинно-тракторная станция принесла в Будештскую округу не только силу трактора: вместе с ним пришли и многие другие невиданные в здешних местах новшества.

Самое яркое из них — соревнование. Будештские трактористы — все вчерашние ба-



На полях Румынии вы встретите и старую, дедовскую деревянную борону



...и вестника нового — трактор машинно-тракторной станции.

траки и малоземельные крестьяне. До сих пор они жили и трудились так, как жили и трудились их отцы и деды. Жили плохо и работали на хозяев из-под палки. И только теперь, сев за рули эмтеэсовских тракторов, они почувствовали себя людьми и хозяевами.

Труд приобрел смысл и значение. Лемехи их плугов рвут межи, разделявшие людей. Люди с доверием смотрят на них и на их стальных коней, как на вестников завтрашнего счастья.

И трактористы, чувствуя себя полпредами будущего, сами захотели быть людьми будущего. Опыт советских трактористов подсказал им, как это сделать. Так по инициативе самих трактористов и механиков возникло на Будештской МТС трудовое соревнование. В нем все принимают участие. Бригады соревнуются между собой. Идет индивидуальное соревнование между трактористами. Весь коллектив соревнуется с коллективом ближайшей Кочокской МТС. Директор Чопляну не без гордости сообщает, что по ремонту станция взяла первенство, что в индивидуальном соревновании выделились замечательные мастера тракторной вспашки — Анастас Мырджиняну, Станчу Марин, Петру Мариняну, Нягу,— выполняющие в смену по две и три нормы. По ним равняются остальные трактористы. И несмотря на то, что за рулем тракторов сидит много молодежи, еще не имеющей большого рабочего опыта, только двое — трое не выполняют нормы.

Чтобы познакомиться с одним из лучших трактористов, Анастасом Мырджиняну, мы едем в поле, где работает его бригада.

Машина сходит с асфальтового шоссе на мягкий проселок, петляющий среди вспаханных и вспахиваемых полей. Поля, осененные кронами одиноких деревьев, убегают к горизонту во все четыре стороны. Мы едем мимо конских и воловьих запряжек, влекущих плуги и бороны. Возле узких индивидуальных полосок стоят, подняв к небу оглобли, крестьянские телеги. На телегах нехитрый скарб, еда, питье в глиняных кувшинах. Возле крутятся кудлатые, обвешанные репьями псы. Пахари и бороновальщики покрикивают на лошадей и волов. Посевная идет к концу. Сидя на допотопных деревянных боронах, свистят и гикают загорелые мальчишки.

За невысоким взгорком показались силуэты трех тракторов. Один идет впереди, два других несколько поодаль — гуськом.

Мы окликаем переднего тракториста. Трактор останавливается, и с машины прыгает широкоплечий парень. На его голове кожаный шлем с очками. Лицо тракториста покрыто серым налетом пыли. Поверх зеленой гимнастерки распахнутая шубная жилетка. Молодые глаза смотрят прямо и весело.

— Анастас Мырджиняну...

Крепкое рукопожатие. И начинается разговор, в который вскоре вступают и двое других трактористов. Все трое молоды: старшему двадцать четыре, младшему еще не исполнилось двадцати.

И кажется, что это рукопожатие всей молодой Румынии, ищущей в социализме настоящего счастья.

Ревут моторы. Один за другим тракторы трогаются, волоча за собой многолемешные плуги и тракторные бороны. Железо лемехов глубоко врезается в коричневатую влажную землю, вырывая жесткие кукурузные стебли.

Пыль стелется за машинами.

А невдалеке две тощих сивых лошади, около которых бегает, смешно перебирая ногами, маленький жеребенок-сосунок, влекут по пахоте тяжелую борону, подобную тем, за которыми шли пахари и сто и двести лет назад. И мальчишка, сидя на бороне, гикает, подхлестывая притомившихся «иноходцев»:

— Гей, гей, гей!

Две эпохи сошлись на одном клочке земли. И видно, как новая, стальная, в своем стремительном движении вперед обгоняет, оставляет далеко позади старую, кондовую, дедовскую.

На полную мощность работают тракторы Будештской МТС. В круге — лучший тракторист МТС Анастас Мырджиняну.

ПРОСТЫЕ ЛЮДИ

З. ХИРЕН

Все думали, что на празднике у нас будут американцы. Но этого не случилось. «Второй фронт,— шутили солдаты,— как и всегда, опаздывает». Впрочем, уже после взятия Вены к окопам наших передовых подразделений подкатил на трофейном «оппеле» американец и, как только вышел из машины, объявил, что американская армия в его лице прибыла на соединение с советскими войсками. Тут гость добродушно рассмеялся и добавил:

— Конечно, я шучу. Я еще слишком молод, чтоб выполнять такие важные поручения. Все дело в том, что в отличие от некоторых наших генералов мне просто дозарезу хотелось вас всех увидеть. А так как упрямее меня человека на свете не родилось, я свое желание выполнил.

Это был высокий, довольно упитанный парень лет двадцати двух, не более. Несмотря на жару, он поверх суконной солдатской блузы носил стального цвета пиджак с застежками-молниями. Из-под каски, затянутой белой маскировочной сеткой, стекал ручейками пот, и американец то и дело вытирал платком свое крупное загорелое лицо. По всему было видно, что он очень взволнован.

Американца звали Уильям Сент Джон. Он сказал, что на войну отплыл из Нью-Йорка, но родился в Сан-Франциско, где работал кочегаром, и лучше всего, если мы запомним его как парня из Сан-Франциско. Тут он чиркнул спичкой о толстую подошву своих запыленных ботинок, похожих на футбольные бутсы, и закурил. Сигаретка прилипла к кончику языка и явно мешала ему говорить. Вдруг гость сделал глотательное движение, и сигаретка вовсе исчезла. Весело посмотрев на нас, он открыл рот — дымящаяся сигаретка опять сидела на кончике языка.

Фокус американца имел успех.

— У нас это называется самодеятельность,— сказал боец, стоявший поближе к гостю,— а у вас?

Уильям Сент Джон спросил, нет ли у когонибудь игральных карт, тогда он покажет и не такие чудеса, но карт не оказалось.

— Я деловой человек! Я решил первым увидеть русских, и я их увидел. Я решил первым пожать им руки и вот пожимаю,— тут он обошел всех собравшихся и каждому крепко потряс руку.

Уильям Сент Джон был первым американцем, которого мы увидели на войне. Он сказал, что ради этой встречи переплыл через океан, и несколько раз переспросил, представляем ли мы себе, что это значит.

— К чему это я спрашиваю?! — поправил он самого себя. — Ваш Сталинград сто́ит трех океанов! Война — не место для шуток, но скажу вам откровенно: ну, и шутку я сыграл со своим приятелем Хэтчем! Целую ночь проспорили с ним. Он говорил, что при всем желании я раньше его русских не увижу. Я ответил: «Хэтч, дружище, если ты так в себе уверен, давай-ка заключим пари, у тебя есть

шанс выиграть сто долларов и угостить меня коктейлем». Хэтч согласился. Он смеялся, как ребенок, и держал себя так, словно мои сто долларов уже попали к нему в карман. Потом он заснул, и я тихонько выбрался из палатки... Воображаю себе физиономию Хэтча, когда он проснулся и увидел рядом с собой мою пустую подушку! Конечно, ребята мне позавидуют; командир роты не в счет, от него мне будет нахлобучка: я нарушил порядок. Но зато я выполнил поручение моей матушки. Жаль, что вы с ней незнакомы. Когда я в последний раз был дома, она так и сказала: «Уильям, увидишь русских, передай им от меня лично привет»,— при этих словах американец полез в карман брюк и достал бутылку виски с этикеткой, на которой красным карандашом было написано по-английски: «Русским».— Конечно, я бы мог сказать, что это и есть подарок от моей матушки и что слово «русским» она написала своими собственными руками, которыми за свою жизнь сшила тысячи модных шляп для санфранцисских девчонок и дам, ну, а во время войны не меньше вот таких,— и Уильям Сент Джон снял с головы каску и показал матерчатый подшлемник.— Но лучше говорить правду. Ту бутылку, которую дала мне мать, мы с друзьями распили за ваше здоровье на Арденнах, а это копия.

Несколько раз во время разговора с американцем к нам подходил повар Даниил Кондратьевич Шафаренко и то одному, то другому шептал на ухо. И каждый раз мы называли ему имя американца.

— А отчество? — допытывался повар.

— Не называют они себя по отчеству,— в который раз уже отвечали ему, но повар, то и дело поправляя свой огромный белый колпак, настаивал на своем.

Мы так и не узнали, зачем повару в самый разгар праздничной подготовки понадобились имя и отчество американца.

Май мы встречали на склонах австрийских Альп. Над снеговыми вершинами клубились облака, и, глядя на них, мы вспоминали суровые зимы войны, снежные заносы на дорогах, мглу метелей. Теперь была весна, и мы в глубине Европы обсуждали программу художественной части нашего праздника. Участники самодеятельности, сменив гимнастерки и шинели на вышитые цветами рубахи и шелковые шаровары, ходили именинниками. Они приготовили много номеров и по секрету сообщали, что в дуэте с солдатом Дудко выступит генерал и что они исполнят «Реве та стогне Дніпр широкий».

Уильям Сент Джон прожил у нас несколько дней. Он оказался на редкость простым малым, наши солдаты сразу поладили с ним и решили показать гостю Вену, за которую недавно сражались.

Теперь в городе больше не стреляли, не звенели оконные стекла, не шныряли над головой «мессершмитты». Наступила тишина. Вена мирно спала. Спали и наши артиллеристы, намаявшиеся в тяжких боях, хотя, быть может, «боги войны» во сне еще продолжали мчаться на своих горячих конях, занимать огневые позиции, звенеть постромками на Ринг-штрассе, жечь немецкие танки на площади Шварценберга. Полотнища палаток в аллеях Шенбрунна надувались, точно аэростаты,— вот поднимутся и полетят над кружевными башнями собора Стефана, над чертовым колесом Пратера, над шпилем новой ратуши, над островерхими черепичными крышами.

Бодрствовал в ту ночь, кажется, один дневальный Дудко. «Когда Дудко на часах,— шутили в полку,— вся Европа может быть спокойна».

В Вену американец приехал с нами, когда уже наступило утро. Солнце загорелось пламенем в окнах дальних домов, и веселый птичий хоровод дружно приветствовал первые его лучи. От светлого утра, от птичьего гомона, от цветущих повсюду садов самому хотелось запеть. Не будь Дудко на часах, он тоже дал бы волю сердцу, но теперь лишь оставалось беречь голос до знаменитого дуэта.

Возле серого трехэтажного дома на улице Унгаргассе два сапера, обмакнув толстую малярную кисть в ведерко с краской, старательно выводили на воротах три волнующих слова: «Мин здесь нет». Американцу перевели надпись и объяснили, что через эти ворота проходил Бетховен, что именно в этом доме он написал «Героическую симфонию».

У здания парламента стоял советский танк. Он вошел в Вену первым. Танкисты, высунувшись из башни, грелись на солнышке. Это была знаменитая машина. Про нее кто-то в шутку сказал, что если бы на одну чашу весов положить все бомбы, снаряды и мины, которые немцы израсходовали для ее уничтожения, а на другую — самую машину, первая, несомненно, перетянула бы, но это было сказано давно, чуть ли не под Сталинградом!

Броня боевой машины после многих увечий была шершавой, как кора старого дерева.

— Вот Сталинград,— сказали гостю, и он полез целоваться с танкистами.

По Иозефплац громыхали две повозки. Стоявший на ступеньках Национальной библиотеки генерал окликнул ездовых. Две пары неказистых лошадок, весело бежавших по просторной площади, остановились.

— Лучших коней не нашли? — спросил генерал ездовых.

— С самого Ржева на них!— отрапортовали солдаты. — Ни на каких не променяем, товарищ генерал!

В руках у генерала я заметил несколько толстых томов.

— Не удивляйтесь,— сказал он мне. — Это из «Большой Советской Энциклопедии», ее немцы украли в Украинском филиале Центрального музея Ленина.

Раскрыв одну из книг, я увидел рядом с квадратной печатью Киевского музея круглую печать Национальной библиотеки Вены.

Генерал казался совершенно другим, чем в тот вечер, когда он, не отнимая от уха телефонной трубки, полулежал на столе, покрытом топографической картой. Это был план Вены. В распоряжении генерала было достаточное количество танков, орудий, самолетов. Взглянув на карту, исчерченную цветными карандашами, можно было узнать, как проходит сражение за огромный город. Генералу было известно обо всем, что происходило на каждой улице, на каждом перекрестке Вены. Не имея тогда возможности беседовать, он лишь глазами пригласил меня сесть. Теперь, после боев, генерал изменился. Он шутил, смеялся, делился своими впечатлениями.

Случайно заглянув в план города, который держал в руках генерал, я невольно улыбнулся: на том месте, где топографическими знаками были изображены артиллерийские батареи, я прочитал слова, написанные рукой генерала: «Дом Моцарта»; там, где маленькими прямоугольниками раньше обозначались танки,— «Национальная библиотека». Словом, как говорят топографы, карта была «поднята» вновь.

— По карте не все узнаешь,— улыбнулся генерал и протянул мне письмо, найденное бойцами в пустом бараке, где-то в предместьях Вены. Его писала подруге украинская девушка Фрося. Генерал посоветовал перевести письмо американцу:

«...а поезд не останавливался и еще быстрее шел, я никого не увидела, ни с кем не попрощалась. Как мы кричали, как бились о стенки, а родная, богатолюбимая Украина уходила от нас, и дождь такой великий лил, что страх. На пятый день, в субботу, мы уже были в этой «цветущей», распроклятущей неметчине... Ох, жизнь моя тяжкая! Как вспомню — плачу, света не вижу... Стоит наша темница в долине, а кругом горы высокие, покрытые лесом, а из-за леса выглядывает солнце; как посмотрю в окошко, сердце сжимается, где она, моя родная сторонушка, где вы, мои многолюбимые подруженьки, неужели вот так будет до скончания века, неужели и для нас не наступит май?..»

Кто знал, может, Фрося была в то утро где-то рядом и, слушая наших солдат, грезила о далеком селе на Украине, о цветущей за окном вишне, о подружках, распевающих родные, советские песни?..

Перевести это письмо американцу было трудно не только потому, что оно было написано по-украински... Просто у них в Америке не было девушек, переживших то, что пережила за эти годы Фрося. Хотелось рассказать Уильяму Сент Джону о тысячах таких Фрось, радовавшихся теперь вместе с нами. Наверное, это было бы ему интересно, и не только ему, но и его матери, оставшейся в Сан-Франциско. Такие, как они, простые люди, люди труда, понимают чужое горе и чужое счастье.

Прощаясь, генерал пригласил нас на праздник.

...И вот на поляне, окруженной высокими синими горами, собрались солдаты, офицеры, генералы. Всюду алели праздничные транспаранты. Торжественная часть еще не начиналась. Играла гармошка. Где-то послышались громкие хлопки и ритмичные удары каблуков. Танцор отплясывал «русскую». Кто-то дал волю сердцу и громко запел «Дальневосточную».

Все говорили о том, как этот день празднуют там, дома. Вспоминали страны, которым наша армия принесла освобождение, людей, которых мы там повстречали. Их не было сейчас на нашем торжестве, но мы знали, что они с нами в этот радостный час. Рассказывали о румынском крестьянине, много лет берегшем портрет Сталина, о венгерской семье, прятавшей у себя в доме раненого советского летчика.

Друзья были у нас и здесь, в Австрии. Полукольцом расположились на склонах гор чехи, австрийцы, мадьяры. Они распевали народные песни. Были здесь и узники, освобожденные из тюрем и не успевшие еще скинуть полосатые униформы. Пришли с красными знаменами рабочие Флорисдорфа, предместья Вены. Вместе с нами справляли праздник и такие, как Фрося.

Был здесь и Уильям Сент Джон. Сидя в тесном кругу артиллеристов, он поочередно подтягивал «Дубинушку», «Есть на Волге утес» и под конец даже рискнул поддержать генерала и солдата Дудко, когда те с вдохновением исполняли «Реве та стогне Дніпр широкий». Когда накрыли стол, мы увидели торт, приготовленный поваром Даниилом Кондратьевичем Шафаренко, и все вслух прочитали на торте слова из белого крема: «Тов. американцу Уильяму Семеновичу Джонову». Теперь мы наконец узнали, почему Шафаренко так упорно выпытывал у нас отчество заокеанского гостя.

— Но все-таки почему «Семенович»? — спросил один из нас у повара.

— А как же иначе? — невозмутимо отвечал Шафаренко,— «Сент» — значит «Сеня», ну, а Сеня, известное дело,— Семен...

Давно уже кончился дуэт, а американец все еще насвистывал «Реве та стогне...»

— Первая награда за всю войну,— с восторгом воскликнул гость, когда ему перевели наш разговор с поваром,— если не считать вот этих двух! — и он резким движением растегнул солдатскую блузу и показал два глубоких шрама. — А спросите: у многих ли из моих земляков такая память от войны осталась? Чего тут лгать, вы и сами хорошо знаете, как у нас в Америке на все это смотрят. Я-то, чорт подери, не протирал... — и американец сделал при этом выразительный жест.

...Эхом отдавались в горах звуки музыки. Братски обнявшись, солдаты с благоговением слушали. Это был час Победы. И мы знали, мы были уверены в том, что в этот самый час славят Советскую Армию простые люди всего земного шара.

...Прошло четыре года. Но такое не забывается, такое остается в памяти и в сердце навсегда. Давно вернулся домой повар Шафаренко; встретилась со своими многолюбимыми подруженьками девушка Фрося; напевая веселую солдатскую песню, выехал в поле на своем тракторе бывший артиллерист Дудко. Парень из Сан-Франциско, который провел тот далекий и знаменательный майский день в кругу этих простых людей, наверное, и поныне вспоминает со своей матушкой друзей за океаном. Он произносит: «Советский Союз»,— и в его устах это звучит: «Мир во всем мире». Он знает, на чьей стороне правда. На его ладонях не остыло тепло от майского рукопожатия наших солдат.

ПЕРЕД БОЕМ

(Отрывок из романа)

Василий ГРОССМАН

Рисунок О. Георгиева

Переправа дивизии в Сталинград продолжалась до рассвета. В донесении командующему генерал-майор Родимцев сообщал о незначительных потерях,— переправа, несмотря на сильный минометный и артиллерийский огонь, прошла успешно.

Вскоре молодой генерал сам переправился на правый берег. В нескольких метрах от его лодки шла лодка с бойцами батальона связи. Рябь, поднятая ветерком в спокойной воде затона, и волна на стрежне, там, где течение выходило из-за Сарпинского острова, желтая банка от консервов, брошенная на дно лодки для отчерпывания воды,— все сияло и сверкало. Это был ясный и легкий день, богатый теплом, светом, движением.

— Ох, и проклятая погода,— сказал сидевший рядом с командиром дивизии седой и плечистый полковник-артиллерист,— если не дождь, хоть бы дымка была, а то воздух, как стекло, одно хорошо, что солнышко немцу в глаза светит, он ведь с запада бьет.

Но, видимо, солнце не мешало немецкому артиллеристу. Со второго выстрела снаряд врезался в шедшую рядом с родимцевской лодку. В этой лодке лишь один человек, сидевший на самом носу и свалившийся при взрыве в воду, уцелел и поплыл обратно к левому берегу. На воде покачивался чей-то закрытый крышкой котелок с облупившейся зеленой эмалью. Когда уцелевший боец-связист подплыл к берегу, на песок выехал маленький автомобиль, и генерал Голиков, соскочив с него, подбежал к воде и крикнул:

— Командир дивизии цел, жив?

Боец, оглушенный взрывом и весь захваченный чудом своего спасения, махнул тяжелыми, полными воды рукавами и дрожащими губами ответил:

— Один я остался... только я подумал, обязательно бить будет, он и ударил, сам не знаю, как жив остался, плыву, не понимаю куда...

Лишь через час Голикову сообщили, что Родимцев благополучно высадился на сталинградский берег и находится на своем командном пункте.

Временный командный пункт дивизии находился в пяти метрах от воды, среди камня, глыб кирпича и обгоревших бревен, в неглубокой яме, прикрытой листом кровельного железа.

Родимцев и комиссар дивизии Вавилов, полнотелый, бледнолицый и кареглазый москвич, спотыкаясь о камни, подошли к яме, у которой стоял красноармеец с автоматом на груди.

— Есть связь с полками? — спросил командир дивизии, наклонившись над ямой.

Этот вопрос тревожил его еще на том берегу и во время переправы, и именно первые его слова в Сталинграде были о связи с полками. Из ямы выглянул начальник штаба майор Бельский. Он поправил пилотку, сбившуюся на затылок, и отрапортовал, что связь имеется с двумя полками, третий, выброшенный северней, пока отрезан от управления дивизией.

— Противник? — отрывисто спросил Родимцев.

— Жмет? — спросил Вавилов и присел на камень, чтобы отдышаться.

Глядя на спокойное, деловито будничное лицо Бельского, Вавилов удовлетворенно кивнул головой, он в душе восхищался работягой Бельским, неизменно спокойным и добродушным.

Шутя рассказывали, что однажды, когда немецкий танк въехал на штабной блиндаж и, елозя гусеницами, старался смять перекрытия, полупридавленный Бельский, светя ручным фонариком, поставил на карте с обстановкой треугольник — «танк противника на командном пункте дивизии».

«Вот бюрократ»,— шутили о нем.

И теперь, стоя по грудь в яме и отгибая рукой лист жести, он смотрел на Родимцева своими спокойными, неулыбающимися глазами совершенно так же, как неделю назад в кабинете, докладывая о наличном вещевом довольствии.

«Золото, вояка!» — с умилением подумал Вавилов, слушая Бельского.

— Новый командный пункт оборудую в трубе, — сказал Бельский, — там в полный рост стоять можно. Вода по дну течет, я велел саперам деревянный настил сделать. А главное, метров десять земли над головой — условия есть.

— Да, условия, — задумчиво повторил Родимцев, рассматривая план города, только что переданный ему Бельским,— на плане были помечены позиции, занятые дивизией.

Командные пункты полков разместились в двух—трех десятках метров от берега. Командиры батальонов и рот, батальонные и ротные минометы расположились в ямах, в овраге, в развалинах домов, стоящих над обрывом.

Тут же неподалеку разместились пехотные подразделения.

Бойцы, не ленясь, рыли в каменистой почве окопы, ячейки, строили блиндажики и землянки: все чуяли смерть, наползавшую с запада.

Не надо было смотреть на план города: прямо с воды открывалось расположение двух стрелковых полков и огневых средств дивизии.

— Что ж, затеяли здесь оборону строить без меня? — и Родимцев показал рукой вокруг себя.

— Тут и проволочной связи не нужно, — сказал Бельский, — команду голосом можно передавать из штадива в полки, а из полков в батальоны и роты.

Он посмотрел на Родимцева и замолчал: молодое лицо генерала было сердито, нахмурено; редко Бельский видел его таким.

— Кучно очень, лепитесь к воде и друг к другу, — сказал он, отошел от ямы, стал прохаживаться по берегу. Вдоль берега валялись каменные глыбы — остатки рухнувших домов, — обгоревшие стропила и бревна, куски кровельного железа.

Обрыв, ведущий к городу, был крутой и каменистый, множество тропинок вело вверх, там белели высокие городские дома с выбитыми стеклами. Было довольно тихо, лишь изредка рвались мины, слышались пулеметные очереди и винтовочные выстрелы, да с воем и свистом, заставляя всех низко пригибаться, проносился над Волгой желто-серый «мессер», хрипя пулеметными очередями и нахально постукивая скорострельной пушечкой.

Но неприятное чувство возникало не от привычных выстрелов, понастоящему жутко становилось в минуты тишины. Все люди в дивизии, от генерала до солдата, понимали, что они сейчас стоят на главной дороге немецкого наступления, — так тревожно и тихо бывает на рельсах: кажется, можешь и прилечь и присесть, но знаешь, пройдет время — и с грохотом, сипя, налетит огромный и стремительный состав.

Вскоре подошел комендант штаба, лихо отрапортовал, что оборудован новый командный пункт. Родимцев все с тем же нахмуренным, злобным выражением сказал:

— Почему в кубанке? На свадьбу в деревню приехали? Надеть пилотку!

Улыбка исчезла с широкого молодого лица коменданта.

— Слушаюсь, товарищ генерал-майор, — сказал он.

Родимцев молча пошел на новый командный пункт, сопровождаемый штабом. Он поглядывал на красноармейцев, несших к окопам и блиндажам бревна, доски, куски железа, и, покосившись на тяжело дышавшего Вавилова, спросил:

— Видел?

Жерло трубы темнело в десяти метрах от берега.

— Ну вот и дома, кажется, — сказал Вавилов.

Видимо, очень страшен был сталинградский берег в этот сияющий весенний день, если люди, уходя от теплого воздуха и ясного неба, от солнца и прекрасной Волги в черную трубу, обшитую заплесневшим камнем, в затхлую духоту, под низкий, угрюмый свод, с облегчением вздыхали и выражение напряженной суровости на их лицах сменялось умиротворением. Бойцы комендантской роты вносили в трубу столы и табуреты, лампы, ящики с документами, связисты налаживали провода телефонных аппаратов.

— Мировой у вас капе, товарищ генерал, — сказал немолодой связной, который еще на Демиевке, в Киеве передавал в батальоны приказы Родимцева. — Тут и для вас вроде особое помещение, вот на ящиках, и сенцо есть — отдохнуть, полежать...

Родимцев хмуро кивнул ему и не ответил.

Он постучал пальцем по камню, прислушался к журчанию воды под ногами и, повернувшись к начальнику штаба, спросил:

— Зачем телефоны тянем, будем голосом команду передавать: все рядом, на пляже, в купальнях сидим.

Бельский видел: командир дивизии недоволен, но так как спрашивать у начальника о причинах и поводах недовольства не полагалось, Бельский с почтительной грустью помолчал.

Родимцев прошел по трубе и снова вышел на воздух. На душе у него было тяжело, но спокойно — знакомое ему чувство, приходившее в самые трудные часы войны.

В солдатской пилотке, с накинутым на плечи зеленым ватником сидел он поодаль от общей суеты человеческого муравейника. Он казался значительно моложе своих тридцати шести лет, и посторонний, поглядев на худощавого, светловолосого военного, с юношескими чертами лица, не подумал бы, что этот кареглазый миловидный человек, рассеянно и грустно глядевший вокруг себя, и есть командир дивизии, первой высадившейся в осажденном и наполовину занятом немцами Сталинграде.

За те часы, что Родимцев был оторван от дивизии, жизнь тысяч людей, подобно воде, ищущей удобного и естественного русла, уже пошла своим чередом. Командиры рот и батальонов оборудовали себе жилье, бойцы рыли окопы, устраивали блиндажи.

— Бельский! — позвал Родимцев. — Поглядите-ка сюда, меня тут не было, и вы затеяли на берегу оборону строить. Давайте все же подумаем, — и он помолчал, приглашая Бельского подумать. — Что ж мы имеем? Один полк от нас оторван, связь с ним ерундовая. Если мы тут в пяти метрах от воды начнем обороняться, что будет? А? Нас всех, как кутят, немцы в Волге утопят. Обмолотят минометами и утопят. Вы знаете, какие у них силы?

— Что ж делать? Товарищ генерал, какое вы принимаете решение? — с тихим спокойствием спросил Бельский.

— Что делать? — задумчиво спросил Родимцев, на мгновение поддаваясь спокойствию Бельского, и тут же громко и раздельно проговорил: — Наступать, штурмовать, врываться в город — вот что надо делать. У нас одно преимущество — внезапность.

Родимцев посмотрел на часы.

— Через два часа я доложу командарму, что готов наступать... Вызовите ко мне командиров полков. Я их нацелю на новую задачу: с рассветом наступать! Проверьте связь с огневыми в Заволжье. Готовьте своих работников наступать, а не обороняться. План города вручить всем командирам и комиссарам. Они через несколько часов будут воевать на этих улицах. Действуйте! — говорил он негромко, но властно, точно легонько толкая Бельского в грудь.

Вавилов крикнул своему ординарцу:

— Немедленно вызвать ко мне комиссаров полков!

Командир и комиссар переглянулись и одновременно улыбнулись друг другу.

— В эту пору мы обычно в подкидного с тобой играли, — сказал Родимцев.

Поток человеческих действий зарябил, заволновался. Родимцев положил первый камень плотины, чтобы по-новому заставить работать духовную и физическую силу людей. Этот человек, еще несколько минут назад сидевший на камне, отчужденный от суеты и работы, со все нараставшей быстротой перехватывал людей; вскоре давление его воли чувствовали не только командиры полков и батальонов: оно сказалось во взводах, его ощутили красноармейцы. Рытье окопов и блиндажей на берегу и по обрыву уже не казалось самым спешным и важным делом...

Все чаще в полках и батальонах говорили: «Генерал отменил» «Генерал не велел», «Генерал приказал», «Первый велел», «Доложи первому», «Первый одобрил», «Первый торопит», «Первый сейчас проверять будет»... А среди красноармейцев уж шел свой разговор; по десяткам признаков стало ясно, что произошло нечто новое, совершенно иное, не то, что было час назад.

— Шабашьте, откладывай лопату, старшина дополнительные патроны выдает.

— А бутылки с горючкой вам выдавали? Еще гранаты дают, пойди — вон за будкой... А пушки на откос выкатывают...

— Родимцев приехал, наступать на город будет...

— Нашего майора, связные рассказывают, позвал да как спросит: «Ты что думаешь: я тебя в Сталинград привел ямки копать?»

— В первом взводе бойцам по сто граммов водки раздают и шоколаду две плитки.

Поезд идет на Урал

Николай КУТОВ

Словно хвороста вязанки,
Брусья медные лежат
На платформах, мчавших танки
Под Орел, под Сталинград.

На платформах тех открытых
Пролетают каждый день
Краны, каменные плиты,
Трактора для деревень.

Эшелон за эшелоном
Все туда, туда, туда,
К скользким скалам, горным склонам,
На передний край труда.

Вот рабочие. Спроси их,
Кто откуда! Ты узнал,
Что со всех концов России
Едут люди на Урал.

Их багаж почти солдатский
В вещевой войдет мешок.
У иных не чайник штатский,
А походный котелок.

Гаснут пестрые закаты,
По ночам блестят огни...
Едут люди в край богатый,
Думу думают они:

Если в дело сердце вложат,
Душу вложат, то, как знать,
Ни с каким врагом, быть может,
Не придется воевать.

Кто-то выразился метко,
Что решит в конце концов
Этот бой за пятилетку
Участь будущих боев.

Вижу станцию. По скалам
Огоньки лесных цветов;
Нагруженные металлом
Эшелоны в пять рядов.

В камне выбиты ступени...
Сети сохнут на мыске...
Как непрочный снег весенний,
Тает пена на песке.

Воду черпая бортами,
Мчатся лодки рыбаков...
Над тяжелыми хребтами
Тени темных облаков.

Где-то рядом с облаками
Дальнозоркие орлы...
Словно впаянные в камень,
Сосен стройные стволы...

Санаторий возникает
У подножия Ильмен.
Зелень сосен оттеняет
Белизну высоких стен.

За большим фруктовым садом
Ясно лестница видна,
Прямо в озеро, в прокладу
Сверху падает она.

Снова здание мелькнуло,
Скрылось в бора полутьму,
И опять стекло сверкнуло...
Здравниц много, как в Крыму!

Горы выписаны четко...
Шлет земле свои лучи
Солнце светлое, как лётка
Огнедышащей печи.

Бьет в быки плотин с налета
Непокорная вода.
От завода до завода
Протянулись провода.

Словно башня, встала домна.
Дым над синей цепью скал.
Наконец-то мы и дома!
Поезд прибыл на Урал.

В сумерки, после того, как немецкие пикировщики ушли из района заводов, командир дивизии в сопровождении двух автоматчиков пошел берегом, вдоль самой воды, на доклад к командующему.

Было тихо, лишь изредка слышались единичные винтовочные выстрелы, — должно быть, боевое охранение старалось рассеять вечернюю жуть, заглушить поскрипывание жести и шорох обваливавшихся камней.

Вернулся Родимцев через полтора часа с приказом командующего армией Чуйкова о наступлении.

Пришел час тишины. Ночь встала над Волгой в дивном богатстве своем, в синеве и мягком плеске волны, в прохладе и тепле многоструйного ветра, несущего и жар степи, и мертвую духоту улиц, и живое, сырое дыхание Волги. Миллионы звезд смотрели на город, на реку, слушали журчание воды в прибрежных камнях, слушали шопот, покряхтывания, негромкие слова людей. Работники штаба вышли из трубы, глядели то на реку, то на небо, то на силуэты командира дивизии, комиссара, начальника штаба, сидевших у воды на полузасыпанном песком бревне. Все они начали войну летом 1941 года и вместе пережили столько тяжелого и страшного, так часто видели смерть; столько холодного осеннего дождя и горячей июльской пыли, зимних метелей выпало на их долю; столько было говорено и рассказано, что они с первого слова, иногда с полуслова, а иногда и без слов понимали друг друга.

По Волге томительно медленно скользил какой-то темный предмет, и нельзя было понять: лодка ли это без весел, раздутый труп лошади, обломок ли взорвавшейся баржи.

А за спиной молчал сожженный город, и люди, глядевшие на Волгу, вдруг оглядывались, точно ловя на себе внимательный, тяжелый взгляд, наблюдающий их из тьмы. Они еще долго слушали тишину в предчувствии, что больше тишины в этом городе им не услышать.

СОВЕТСКИЕ РАДИОЛЮБИТЕЛИ

Беседа с председателем Оргбюро ДОСАРМ Героем Советского Союза генерал-полковником В. И. КУЗНЕЦОВЫМ

Ежегодные заочные выставки радиолюбительского творчества стали у нас традиционными. Такая выставка — 8-я Всесоюзная — открывается в День радио и в нынешнем году. Она по праву именуется Всесоюзной: подготовка к ней шла по всей стране — от Львова до Владивостока, от Архангельска до Еревана. А заочной выставка названа потому, что ее участник — любитель-конструктор — не расстается со сделанным им приемником, радиолой или звукозаписывающим устройством. Ему достаточно отправить в Москву описание, чертежи и фотографии конструкции. Жюри их рассмотрит, и если признает интересными, то лишь тогда пригласит автора приехать с конструкцией на выставку.

8-я заочная выставка — очередной рапорт советских радиолюбителей об их достижениях. Она свидетельствует о росте радиолюбительского движения в стране. На выставку поступили описания самых разнообразных приемников: детекторных, многоламповых, телевизоров, коротковолновой и ультракоротковолновой приемной и передающей аппаратуры, измерительных приборов. Во многих случаях любители, ставя перед собой сложные задачи, успешно и оригинально их разрешают.

В. И. Кузнецов.

Радио, изобретенное великим русским ученым Александром Степановичем Поповым, все шире и глубже внедряется в различные области техники и народного хозяйства. В наши дни радио — это не только средство передачи концерта или лекции, не только надежная связь. Радиотехнические методы сейчас применяются в морской и воздушной навигации, при закалке стали, в производстве пищевых консервов, в астрономии, в медицине. С помощью электромагнитных волн можно сушить древесину, определять влажность зерна. Широко используется радио и в современной военной технике, где все чаще прибегают к услугам радиолокации, телемеханики, электронной автоматики. Все эти проблемы неизменно привлекают пытливого советского радиолюбителя.

В СССР радиолюбительское движение глубоко патриотично, и в этом его коренное отличие от зарубежных радиолюбительских объединений. Помогая радиофикации страны, настойчиво прокладывая новые пути развития отечественной радиотехники, наши любители сознают, что они этим служат интересам социалистической Родины.

Четверть века назад у нас началось регулярное радиозещание. Оно породило и радиолюбительство. Энтузиасты строили радиостанции. Москвичи выступили инициаторами проволочной радиофикации. Они выдвинули эту идею, разработали необходимую аппаратуру. Постройка первых радиоузлов и их успешная эксплоатация доказали практическую возможность и важное значение проволочной радиофикации. Нижегородским радиолюбителям первым принадлежит честь установления связи на коротких волнах. Московские коротковолновики первыми доказали, что связь самолета с землей во время полета может быть такой же четкой и надежной, как между двумя наземными пунктами.

Наши любители были застрельщиками применения коротких волн, использования коротковолновой связи в социалистическом сельском хозяйстве. Их заслуги в развитии техники коротких волн особенно велики.

В годы Великой Отечественной войны тысячи радиолюбителей, воспитанных в осоавиахимовских кружках коротковолновиков, стали солдатами и офицерами Советской Армии. За беззаветную храбрость и мужество многие награждены орденами. Бывшим радиолюбителям-радистам Е. Кравцову и Е. Стемпковской за боевые подвиги присвоено звание Героя Советского Союза.

В нашей стране сотни тысяч радиолюбителей. Они отдают свой досуг изучению техники радио, изобретают, экспериментируют, конструируют радиоаппаратуру. Разделенные огромными расстояниями, они беседуют друг с другом на коротких волнах. Предложенные любителями нововведения, усовершенствования, конструкции нередко внедряются в промышленное производство.

Из среды любителей вышли многие крупные специалисты, двигающие вперед советскую радиотехнику. Путь от занятий в школьном радиокружке до руководства конструкторским бюро радиозавода прошли, например, лауреаты Сталинской премии Е. Н. Геништа и Н. С. Носков, автор многих любительских схем В. М. Хахарев. Член-корреспондент Академии наук СССР А. Л. Минц, проф. П. Н. Куксенко и другие видные специалисты в области радио также начинали с любительских экспериментов. В недавно опубликованном списке лауреатов Сталинской премии мы находим имена бывших радиолюбителей: В. Л. Доброжанского, награжденного за разработку новой радиоаппаратуры, и И. А. Нородицкого, одного из авторов радиотелефонной станции «Урожай».

Всемерно развивать советское радиолюбительство — одна из важнейших задач Добровольного общества содействия армии.

Пропаганда радиотехники начинается в первичных организациях Общества. Здесь проводятся лекции и беседы, создаются радиокружки, где слушатели получают элементарные сведения об устройстве простейших радиоприемников, их сборке и установке, учатся умело и бережно обращаться с аппаратурой.

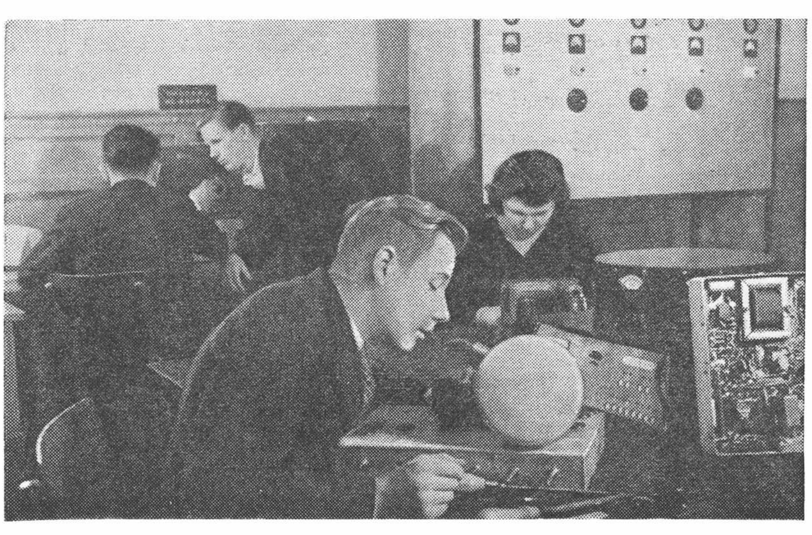
Очень важна роль радиокружков в сельских организациях ДОСАРМ. Вот один из многочисленных примеров. В селе Исакове, Вяземского района, Смоленской области, школьники-досармовцы объединились в радиокружке. Правильно сочетая изучение радиотехники с практической работой, они установили 600 детекторных приемников и полностью радиофицировали свое село. Таких кружков у нас сотни.

Любители, которые стремятся всесторонне освоить радиотехнику, направляются в радиоклубы. Здесь организованы учебные группы, курсы по подготовке радистов-операторов и других специалистов.

В лучших клубах ДОСАРМ кипит работа. Коротковолновики систематически тренируются в скоростном приеме, участвуют в соревнованиях. В лабораториях и мастерских клубов молодые конструкторы изготовляют детали, проверяют построенные приемники. К их услугам инструменты и измерительные приборы, библиотеки, читальни, консультации. На лекциях и беседах они узнают о последних технических новинках.

Через своих активистов радиоклубы поддерживают постоянную связь с научными учреждениями и радиопромышленностью. Это позволяет направлять творческую деятельность наших любителей на разрешение задач сегодняшнего дня.

Привлечь новые отряды любителей к экспериментированию, к участию в радиофикации страны, к коллективному творчеству в радиотехнике, подготовить новые кадры радистов-коротковолновиков, преданных нашей Родине, — дело каждой организации Добровольного общества содействия армии, каждого досармовца.



В Центральном радиоклубе ДОСАРМ. Слева — молодой радиолюбитель В. Г. Еремин за сборкой самодельного телевизора. Справа — инженер-конструктор Р. Г. Добрина проводит занятия с группой начинающих коротковолновиков, изучающих азбуку Морзе.

Фото Г. Дубинского

Братья Луканины

Текст С. Каневского

Фото Г. Зельма

Яков старше Дмитрия на час. Старому сельскому учителю разительное сходство близнецов причиняло немало хлопот. Впрочем, братья учились одинаково прилежно, и учителю в конце концов надоело разбираться, кому именно из них он ставит «пятерки».

Отец мальчиков был из потомственных калужских каменщиков, которые и Москву строили и Петербург возводили. Испокон векоз ходили калужские «на сезон» и гордо себя «сезарями» называли.

Подросли Яков и Дмитрий, отбыли полагающийся срок в Красной Армии, сложили в самодельный сундучок немудреный отцовский инструмент, по паре белья и под началом старшего брата Максима отправились с артелью земляков в Москву.

Пришло время — поженились, в один день свадьбу справили, жен в колхозе оставили, а сами опять на стройку.

То был тридцатый год — разворот индустриализации. Способней братьев никого в артели не было, и прораб послал их на курсы:

— Вы мастера хорошие. Попробуйте, научитесь новой, советской кладке...

И выучились! На всесоюзном показательном соревновании Яков и Дмитрий выложили кирпича в шестеро больше нормы. Московские инженеры без спора присудили им за темп и качество первую премию.

Так братья Луканины стали мастерами высшего класса, за которыми «охотились» прорабы больших строек.

Когда началась война с фашистскими захватчиками, Яков и Дмитрий работали под Москвой на реконструкции завода. Завод эвакуировали. Тысячи людей и тысячи станков поднялись с места, очутились в старинном уральском городке. И здесь славно поработали мастера-калужане.

С Урала отбыли братья на фронт и попали в артиллерийский дивизион. Попросились в один расчет, командир охотно дал согласие.

Короче говоря, Дмитрий и Яков начали поход в сталинградской степи, а завершили его в Венском лесу, имея к этому времени на боевом счету 37 вражеских танков и бронетранспортеров. Калужские — на все руки мастера! Начали войну с последних номеров в орудийном расчете, а закончили командирами 152-миллиметровых пушек-гаубиц, Героями Советского Союза.

Командующий артиллерией фронта, вручая братьям-близнецам награды, удивленно смотрел на Героев:

— Никак, друзья, не разберу, с кем из вас дело имею...

Вернулись братья домой с победою. Думали, опять взяться за кельму, податься в город. Но поглядели на разорение в деревне, — хоть сначала жизнь начинай — и остались колхоз возрождать. Правда, когда прочтут они в газетах о москвиче Федосе Шавлюгине или сталинградце Кузьме Белозерцеве,— затоскует душа. Но раз дали нерушимое слово себе и старшему брату Максиму — теперь председателю колхоза,— значит всё. Нет в колхозе людей прилежней и добросовестней Якова с Дмитрием: зимой в лесу готовят древесину, доски пилят, фуры чинят, скотные дворы строят, дома колхозникам ремонтируют, а тепло наступит — пашут, сеют, косят.

Недаром народ ценит братьев, верит им. Дмитрий избран депутатом Верховного Совета РСФСР, Яков — депутатом Калужского областного Совета.

* * *

Нынешней весной отправились братья на сессию областного Совета в Калугу. До шоссе 20 километров, ни телегой, ни автомобилем не проехать: распутица. Подвернули они полы пальто и молча зашагали неторопливой солдатской походкой по тяжелой, липкой грязи, мимо еще торчащих из кюветов ржавых скелетов немецких машин и разбитых дотов на развороченных высотках. Следы войны будоражили воспоминания о жарких схватках, и жизнь братьям казалась слишком спокойной.

Герои Советского Союза братья-близнецы Дмитрий Ефимович (слева) и Яков Ефимович Луканины.

— Яша, что дальше будет? — неожиданно спросил Дмитрий.

Брат не сразу понял его:

— Весной запахло, «на сезон» потянуло?

— Нет, я об этом давно мысль забросил. Я думаю: что нам дальше с колхозом делать? Четыре года прошло после войны, колхоз на ноги встал?..

— Встал,— подтвердил Яков.

— А дальше что, спрашиваю? Я по душам с тобой хочу поговорить, как коммунист с коммунистом. Работаем рядовыми, должностей не ищем, общество нами довольно. А вот я недоволен. Большего от нас партия требует, понимаешь, большего. Думаешь, план государственный колхоз выполняет, по трудодням неплохо выдает и ладно? Надо нам для колхоза такое дело найти, чтобы людям крепче душу зажгло.

— Живем без главного направления, вот что,— заключил Яков: мысли брата были его мыслями.— Председателя это устраивает, хлопот меньше...

Старшего брата Максима даже за глаза они называли председателем. Они ценили в нем требовательность, справедливую ко всем, без скидок на прошлые заслуги, его уменье расчетливо вести хозяйство. Это благодаря Максиму колхоз на свои деньги после войны обновил весь инвентарь, приобрел рабочих бычков, конную молотилку, грузовой автомобиль. Максим организовал зимой заготовку материалов, и теперь будут строить свинарник, телятник, овчарник. Бесспорно, растет колхоз, но медленно. А всё потому, что председателю нехватает размаха — это факт. Не таких темпов хотели бы братья. Они искали большой цели.

И нашли!..

* * *

Сидели братья на сессии, слушали доклад о бюджете Калужской области. Касаясь сельского хозяйства, докладчик между прочим заявил, что пора перестать некоторым колхозам сваливать свои слабости на войну. Он задел вопрос, который больше всего волновал Дмитрия.

В перерыве Дмитрий, в кругу депутатов, возобновил разговор, начатый еще в пути.

— Вот на Украине тоже от войны изрядно пострадали, а гляди, как в гору высоко пошли, завидно даже.

— Так ведь там чернозем, — возразил Яков.— Воткни в землю оглоблю — тарантас вырастет. А у нас суглинок. Нам особая помощь нужна.

— А что, собственно, требуется? — вмешался в разговор начальник областного управления сельского хозяйства Григорий Андреевич Ганин.— Почему бы вам не взять кредиты в Сельхозбанке? Дадим на лошадей, на локомобиль дадим. Вы народ надежный...

Ганин попал в самую точку. Кредит на закупку лошадей или локомобиля очень бы пригодился колхозу. Яков еще до сессии ездил смотреть двигатель. Сильный, на массивных колесах, с наклоненной трубой, он понравился Якову, чем-то напоминая ему пушку-гаубицу. Конечно, надо было б взять кредит. В колхозе еще много залежной земли, и будь побольше тягла и энергетики,— давно бы освоили ее. Напрасно председатель Максим боится кредитов, как чорт ладана. Видимо, придется созвать партийное собрание и прижать председателя. С кредитами дела пойдут наверняка быстрее, решили братья.

Разговор на сессии приподнял настроение, и всю обратную дорогу они рассуждали о новой, еще не ясной вполне, но интересной перспективе.

У переправы, дожидаясь плоскодонки с того берега, Дмитрий положил руку на плечо брата и задушевно сказал:

— Знаешь, Яша, мы с тобой завернем боевое дело.

— Что именно?

— Лен!

— Лен?

— Да, лен-долгунец, селекционный, рекордно урожайный.

План Дмитрия был ясен и прост: вспахать гектаров десять залежи, раздобыть семена наилучшей кондиции, посеять как можно скорее, чтобы лен успел «забрать силу», вовремя подкормить, — словом, действовать строго по уставу агротехники. И тогда рекордный урожай обеспечен. Хороший лен и государству нужен и колхозу дохода тысяч двадцать с гектара принесет. Если взяться за лен со всей энергией, то, пожалуй, в год — два можно будет колхозу и с банком рассчитаться. Лен за собой весь колхоз вверх потянет: и людей и экономику.

— Гляди, Дмитрий, сорвемся — засмеют нас. Герои, мол, артиллеристы, природные каменщики, а бабьим занятием занялись. Ты бы меня еще за прялку посадил — полный производственный цикл,— пошутил Яков и добавил: — Задача, конечно, заманчивая, но очень трудная. Впрочем, риск — дело благородное.

В районном комитете партии план нашел полную поддержку. Секретарь райкома оказался знатоком льноводства и дал братьям много полезных советов.

Радостные, возбужденные, добрались братья до колхоза. Партийное собрание и правление колхоза «прижали» председателя: он согласился взять кредиты и одобрил «удар на главном направлении» — посев льна.

Весна торопила, земля поспевала, до́рог был каждый час. Закипела большая, новая работа, которой так жаждали наши Герои. Область прислала удобрения и селекционные семена. Из МТС пришли тракторы с комплектами прицепных орудий.

Перед севом председатель созвал звенья льноводов. Он говорил на сходке уверенно и твердо. Даже седовласый конюх в овчинном полушубке, ворчун и скептик, дядя Миша, и тот пробасил:

— Добьемся правительственного урожая, будьте благонадежны.

Все поняли дядю Мишу: он намекнул на награду, которую правительство присуждает за высокий урожай. Подняли первые гектары залежи. После трудового дня собрались за чашкой чая председатель Максим и молодые звеньевые Яков и Дмитрий.

— Ну, Герои, держитесь теперь,— произнес Максим голосом старшего в семье.— Посмотрим, кто из вас лучше цель накроет...

— А вдруг все трое отличатся? — спросила Клава, дочь Дмитрия.

Мужчины рассмеялись: девушка раскрыла тайную надежду каждого. Светлую надежду, о которой братья стеснялись говорить вслух.

Колхоз «Красное Любилово», Мосальского района, Калужской области.

1. Сидели братья на сессии, слушали доклад о бюджете.

2. — А что, собственно, требуется? — вмешался в разговор начальник областного управления сельского хозяйства Григорий Андреевич Ганин. — Почему бы вам не взять кредиты в Сельхозбанке? Дадим на лошадей, на локомобиль дадим. Вы народ надежный.

3. Яков еще до сессии ездил смотреть локомобиль. Сильный, на массивных колесах, с наклоненной трубой, он понравился Якову, чем-то напоминая ему пушку-гаубицу.

4. У переправы, дожидаясь плоскодонки с того берега, Дмитрий положил руку на плечо брата и задушевно сказал: — Знаешь, Яша, мы с тобой завернем боевое дело...

5

5. Весна торопила, земля поспевала, дорог был каждый час. Закипела большая, новая работа, которой так жаждали наши герои. Из МТС пришли тракторы с комплектами прицепных орудий.

Перед севом председатель созвал звенья льноводов. Он говорил на сходке уверенно и твердо. Даже седовласый конюх в овчинном полушубке, ворчун и скептик, дядя Миша одобрительно пробасил:

— Добьемся правительственного урожая, будьте благонадежны!

6. Братья проверили в лаборатории семена на всхожесть и остались довольны:

— Самая высокая кондиция...

7. Трактор, мягко покачиваясь на гусеницах, протянул по залежи первую борозду.

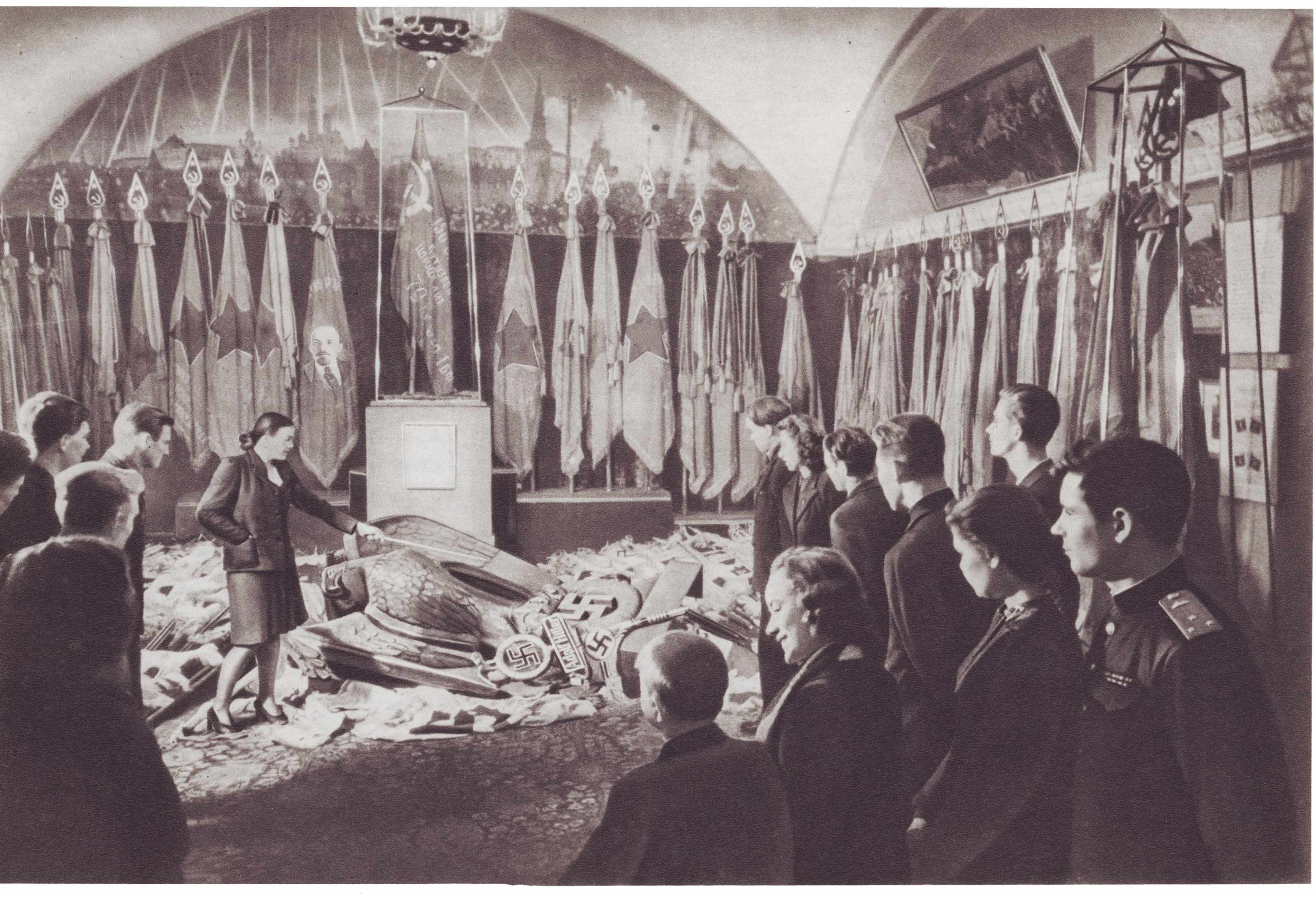
8. После трудового дня собрались за чашкой чая председатель Максим, молодые звеньевые Яков и Дмитрий.

— Ну, Герои, держитесь теперь! — произнес Максим голосом старшего в семье. — Посмотрим, кто из вас лучше накроет цель...

— А вдруг все трое отличатся? — лукаво спросила Клава, дочь Дмитрия.

9. В честь Дня Победы братья-Герои были приглашены на встречу с артиллеристами. Самолет за несколько часов доставил их на место. С удовольствием разглядывая бравых парней, Яков Луканин начал речь с любопытного предисловия:

— Дорогие товарищи! В походе от сталинградских степей до Венского леса мы уничтожили 37 немецких танков и бронетранспортеров, а также попутно заново сложили 400 печей в городах и селах освобожденной Украины. Калужские — на все руки мастера... В довоенные годы на стройках московских и уральских заводов мы вдвоем уложили миллионов двадцать кирпича, ежели не более... А теперь селекционным льном занялись...



Знаменный зал Центрального музея Советской Армии. В центре — знамя Победы, водруженное над рейхстагом, и гвардейские знамена частей и соединений, штурмовавших Берлин. На полу, под ними, поверженные знамена гитлеровской армии. Экскурсовод Т. Н. Вафина рассказывает о последних днях штурма Берлина.

Фото Г. Зельма.

ГЛУБОКАЯ ВСПАШКА

Рассказ

Савва ЗАТУЧНЫЙ

Рисунки В. Высоцкого

Была весна сорок шестого года.

На базаре шла бойкая торговля. Далеко кругом разносились завывания подростков, расхваливавших свой товар, многоголосый говор толпы... Удушливо пахло жаренными на оливковом масле орехами, лепешками, чумизой. Проголодавшиеся покупатели садились прямо на корточки у фанерных будок и переносных кухонь и торопливо ели, ловко орудуя палочками вместо ложек. Здесь же бродячий цырюльник стриг длинного китайца, согнувшегося на походной скамеечке. То и дело пробегали изможденные, голодные, мокрые от пота рикши.

И вдруг базар замер. Смолк шум, прекратилась сутолока. Из-за угла показалась похоронная процессия.

Возглавлял ее мальчик в белом халате. Медленно переставляя ноги, он нес прибитый к палке громадный портрет умершего. С холста на базарную площадь презрительно смотрели маленькие колючие глаза.

За мальчиком с портретом тянулась длинная колонна ребят. Они несли белые полотнища, по которым причудливыми мазками были разбросаны иероглифы. Полотнища вещали о заслугах умершего перед богом и людьми и клятвенно заверяли, что и в загробной жизни его ждет полное благополучие.

За ребятами торжественно двигались катафалк с тяжелым гробом и музыканты в синих шароварах, белых сорочках и фуражках с бордовыми широкими околышами. За музыкантами плелись оборванные китайцы, жизнь которых полностью зависела от того, кто сейчас лежал в гробу на катафалке. Эти люди несли макеты, изображавшие богато убранную фанзу, кресла, стулья, домашнюю утварь, — словом, все, что еще вчера окружало их господина, украшало его жизнь.

Замыкали процессию пестро разодетые монахи, люди с флажками.

Процессия заполнила всю широкую площадь, разделенную фанерными будками на две половины.

Ефрейтор Иван Козуля слез со своей повозки и стал впереди лошадей, пропуская мимо себя процессию.

— Цао Ши-ке хоронят, — неожиданно раздался около него голос; русская речь звучала четко, правильно, но гортанный акцент выдавал говорившего.— Шестьсот му[1] земли, наложницы, миллион прибыли в год... Богатые похороны.

Козуля повернул голову. Рядом с ним стоял низенький широкоплечий китаец со сверкающими глазами. На его голове глубоко сидела широкополая соломенная шляпа. Одет он был в темносинюю бязевую куртку и такие же шаровары, завернутые выше колен. Язвы, покрывавшие босые ноги, сочились кровью.

Ефрейтор не ответил. Пропустив процессию, он сел на повозку и пошевелил вожжами. Лошади тронулись. Но незнакомец не отставал. Он схватился рукой за повозку и мелкими, быстрыми шажками пошел рядом.

— Я, Гуан Ши-фу, много работал, — говорил он. — Деньги собирал на свадьбу... Но свадьбы не было. Гроб купил отцу.

Козуля еще раз вгляделся в худое, болезненно желтое лицо собеседника и, придерживая лошадей, мирно спросил:

— А что батя твой помер?

— Жив еще.

— Так чего же ты, дурья голова, гроб купил? Отца родного торопишься на тот свет отправить?

— Ты думаешь, я смеюсь? — поспешно отозвался Гуан Ши-фу. — Я не смеюсь. У вас, русских, купить живому гроб нельзя, а у нас можно. У нас это большой почет.

Козуля совсем остановил лошадей, спросил случайного попутчика:

— Ты оттуда?

Тот молча показал рукой вдаль, где виднелись горы, освещенные ярким солнцем.

— Садись, подвезу. Нам по дороге.

Китаец легко вспрыгнул на повозку и уселся поудобнее.

— Ты крестьянин? — спросил он, любуясь упряжкой.

— Колхозник, — ответил Козуля.

Слово для китайца было незнакомо, но он понял, что ответ был утвердительный.

Скоро они выехали за город, оставив далеко позади и базар и похоронную процессию.

— Это все Цао Ши-ке,— вздохнул спутник ефрейтора, показывая на поля, стиснувшие дорогу и справа и слева.

* * *

Дневальный по казарме тронул ефрейтора за плечо:

— Товарищ ефрейтор, вставайте!

Иван Козуля чуть-чуть приоткрыл глаза. В казарме было душно и жарко. Ресницы слипались.

— Товарищ ефрейтор, Бешеный сбежал!

Козуля приподнялся:

— Что Бешеный, где Бешеный?

Дневальный объяснил, что рыжий мерин сорвался с коновязи и сбежал.

— Чего же дневальный смотрел? — сердито спросил ефрейтор, садясь на койку.

Но сердился он так, для острастки. Он хорошо знал повадки своего коня и понимал, что дневальный тут ни при чем. Никого другого, кроме Козули, Бешеный к себе не подпускал.

Ефрейтор оделся и вышел из казармы, направляясь к конюшне.

Собственно говоря, конюшни у них не было: часть только недавно расположилась здесь, и построить ее не успели. Конюшню заменяла обыкновенная коновязь, кое-как прикрытая навесом.

Утро было прохладное. Молочный туман стлался над каменистым берегом тихого и спокойного залива. Продрогшие кони ржали, фыркали, били копытами.

— Эх ты, упустил! — крикнул ефрейтор дневальному по конюшне и, не дожидаясь объяснений, помчался по дороге, на которой ясно виднелись в серой пыли свежие следы лошадиных копыт.

В голубой глади залива, скованного крутым берегом, отражалось предутреннее солнце. По обеим сторонам знакомой дороги тянулись все те же бурые поля, пустые и грустные. Ровным строем стояли гробницы — шестигранные и восьмигранные низкие каменные постройки. От них веяло седой древностью. Разбросанные по полям — здесь каждый крестьянин хоронил своих родных на собственном крошечном земельном участке, — они стояли немыми свидетелями многовековой страдальческой жизни.

Немного дальше стояла причудливая постройка из обтесанного серого камня — кумирня. У входа в нее высился каменный Будда. Он, казалось, зло и надменно смеялся.

Ефрейтор спустился к заливу, куда часто водил купать своих лошадей.

Начинался отлив, и песчаный берег ширился. Не найдя Бешеного, ефрейтор поднялся по тропинке в гору. С вершины он оглядел дальние поля и узнал маленькую ветхую фанзу китайца, которого встретил вчера на базаре и подвез домой. И, как тогда, снова с сожалением покачал головой.

Фанза была слеплена из глины и покрыта стеблями гаоляна. Вместо окна зияла дыра, двери были завешаны грязной холстиной. Здесь же, в нескольких метрах от фанзы, Козуля увидел своего рыжего мерина с белыми пятнами на коленях. Он стоял рядом с истощенным, худым мулом китайца и в сравнении с ним казался гигантом.

На невспаханном поле валялась соха, а на ней сидел китаец, задумчиво наблюдавший за животными.

Увидев хозяина, мерин радостно заржал, помахивая коротко подстриженным хвостом. Гуан Ши-фу засмеялся.

— Спасибо, что задержал коня,— обратился Козуля к нему.

Тот молча кивнул головой.

— Неважная у тебя скотина,— продолжал Козуля, покосившись на мула.

— И то не моя,— ответил китаец.

Гость вскочил на лошадь, толкнул ее каблуками в живот и помчался обратно.

Через несколько часов, проезжая мимо фанзы с пустой повозкой, ефрейтор видел, как китаец медленно шагал за сохой, угрюмо погоняя мула.

— Ёёк, ёёк! — раздавались тонкие протяжные выкрики пахаря.

Ветер подхватывал их и уносил далеко в горы.

Вечером, возвращаясь обратно, Козуля остановился недалеко от фанзы и, встав во весь рост на повозке, отметил, что случайный знакомец пашет почти на том же месте.

— Э, брат,— сказал ефрейтор сам себе,— так, пожалуй, ты и до покоса не вспашешь.

Он неодобрительно покачал головой и дернул вожжи.

А на следующий день Иван Козуля поднялся раньше обычного, почистил лошадей, накормил, напоил их, по-хозяйски осмотрел свою повозку и, не торопясь, тронулся в знакомый путь. Он все делал медленно, основательно, но никогда не опаздывал.

[1] Му — 0,06 гектара.

Как и вчера, Козуля поехал мимо фанзы и снова увидел Гуан Ши-фу за сохой. Но на этот раз он слез с повозки и направился к пахарю. Тот еле двигался за сохой и ежеминутно вытирал грязным рукавом куртки потный лоб.

Китаец приветливо улыбнулся, не останавливая мула.

— Ёёк, ёёк! — покрикивал он.

Тощий мул после каждого окрика дергался с места. От рывка соха наклонялась в сторону — и бурая земля мелкими волнами то поднималась, то падала.

— Эх ты, единоличник! — с добродушной досадой сказал ефрейтор китайцу и побежал к своей лошади.

Он выпряг из повозки мерина и деловито повел его к сохе. Затем выпряг мула и поставил в оглобли своего рыжего коня.

Мерин легко и быстро пошел по твердому грунту, рядом шагал китаец, по бронзовому лицу которого все шире и шире расплывалась улыбка, а в темных глазах разгоралась искорка радости.

— Хо-хо! — сказал он, устремив пронизывающий взор на раскрасневшегося ефрейтора.

— Чего хо-хо? А ты смотри, как по-нашенски, по-советски работают, — говорил Козуля, показывая на вспаханную землю.

Она, казалось, живыми волнами плескалась под сохой, переворачивалась и ложилась черными рядами.

— Кабы сюда наш плуг да трактор, вот тогда бы ты похохокал!

Козуля говорил серьезно, забыв, что собеседник многого из его слов не понимает.

Земля здесь была совсем иная, чем в родном колхозе,— и не такая сочная и не такая пахучая. Но Иван знал, что любая земля, если приложить к ней ум и руки, будет родить. И ефрейтор еще раз с досадой и грустью сказал:

— Да, кабы вам трактор, как у нас, да плуг ростсельмашевский...

Скоро был вспахан почти весь участок Гуан Ши-фу. И как-то по-другому стало дышать поле, по-другому выглядела земля. Давно Иван Козуля не чувствовал такого приятного ощущения, такой хорошей радости. Он словно попрежнему шагал по колхозным полям, ощущал знакомый запах прелого весеннего чернозема...

Он не заметил, как весь промок, как волосы прилипли к мокрому лбу, как солоно стало во рту.

И только когда солнце поднялось во весь рост, Козуля посмотрел на залив и спохватился.

— Пора ехать! — сказал он новому знакомцу.

Поле было вспахано, и тот не знал, как благодарить Козулю. Он хлопал его по плечу и приговаривал:

— Хо-хо, спасибо.

— Не надо спасибо. По нашему обычаю после хорошей работы положено отдохнуть, покурить. Давай присядем.

Козуля так же, как вчера его собеседник, вытер рукавом лоб, и они пошли к большому камню.

Гость затягивался крепким табаком цыгарки, а хозяин сосал трубку — длинный мундштук с небольшим чубуком.

Они оба молчали, думая каждый о своем.

— Вот что, дружок, — сказал наконец Козуля, — не понимаю, за каким тебе чортом ковыряться одному на таком клочке? Собрались бы такие, как ты, да и работали сообща, все вместе... Понимаешь?

Он поднялся, подошел к мерину, ласково погладил коротко подстриженную гриву, взял за повод и повел к повозке. Китаец остановил ефрейтора и низко поклонился ему.

— Брось кланяться, мы этого не любим, — сказал тот с досадой. — Бувай здоровенький.

— Спасибо,— ответил пахарь и показал на открытую дверь фанзы. — Зайди, и я и отец просим.

— Сейчас, брат, некогда. В другой раз как-нибудь. А пока прощай, живи в достатке.

Ефрейтор шел, а Гуан Ши-фу смотрел на его широкую могучую спину и тихо, радостно чему-то улыбался.

Уже отъехав далеко, Козуля обернулся и увидел, что китаец все еще стоит на том же месте и о чем-то думает, всматриваясь в широкую долину, где лежат бескрайние поля умершего Цао Ши-ке.

Хартия прав человека

Иржи Светозар КУПКА

В предпраздничный вечер
летели на стол телеграммы,
как будто счастье увидеть хотели,
как будто хотели
побыть они с нами.

А черные буквы
с раскрытых страниц «Руде право»
нам говорили: в огне —
Суматра,
Борнео,
Ява.

В тот час, когда рабочий Иозеф
нес подарки, домой спеша,
в далекой стране чужие солдаты
шли глухой тропою,
на груди у них автоматы —
«сделано в США»,—
а в ушах
хозяина голос:
Бей! Бери! Вперед! Гоу!

Когда поутру рано
взметнули вдруг марш похода
трубы и барабаны,
тысячи созывая
у проходной завода,
стал рабочий Иозеф
лицом к друзьям на собраньи,
такую он речь сказал:

— Не один генерал,
не один президент,
не один король,
не один дипломат,—
а вся эта банда
(кто же ее не знал?)
обрушила на свободу
пушечных залпов шквал.

Вот какую культуру,
вот какую поэзию
несут королевский дом
и дюжина министров
народу Индонезии.

Каратели идут —
слышны их залпы нам:
армия захватчиков,
клянясь цивилизацией,
терзает Вьетнам.

И в солнечной Греции
слезы детей не унять:
о наша родина,
родина храбрых,
страдалица-мать!

И тянутся руки жертв,
о помощи умоляя,
и эхом полнится мир:
Испания,
Бирма,
Малайя!

А в тех краях, где ружья молчат,
эта же банда
кого стережет, как пес?
Рабочего в железных наручниках:
как бы решетки тюрьмы не
разнес!

Я присягаю пред вами всеми —
так сердце мое мне приказало —
этою фрезой, резцами стальными
я помогу человеку
за колючей изгородью капитала.

Я пятилетку закончу не в пять, а
в четыре!
Я понимаю — иначе нельзя!
Так говорю я, рабочий Иозеф,
солдат без мундира.
Клянусь партбилетом, друзья!

Голос Иозефа
не устает металлом греметь,
огонь прошел по собранию...
Око за око!
Зачинщикам бойни ответь
социалистическим соревнованием!

Слышишь, ткачиха из Либерца,
как стонет: скорее — «про́нто!» —
обездоленный люд
аргентинских степей?

Дай руку и помоги
всему народному фронту
прогнать за тропик Рака
бандитов доллара скорей!

Не заживают раны
на теле негров
у озера Тача:
жжет хозяйская плеть,
как огненное литье...
«Спасите!..»
Ты слышишь, фабрика имени
Готвальда?
Слово твое?

«Свергните Франко! —
в тюрьмах кричит народ.—
Когда мы выйдем из ада?»
Встречным планом спешите
помочь,
ты, Чешско-Моравский завод,
вы, металлистов бригады.

Со своими станками на помощь
спешим!
И об этом от Рима до Нью-Йорка
скажите открыто,
«Унитà»,
«Юманите»,
и «Дейли уоркер»!

Уже колонны людей труда
не измерить на мили и ярды!
Пусть знают на Уолл-стрите,
когда
в их окна наш марш ударит:
мы здесь!
Здесь все —
два миллиарда!

Над Спасской башней
рубином горит на просторе
звезды негасимой жар.
Герои труда
от Пильзна до Желтого моря
несут человечеству
сталинский дар.

Новый мир, рожденный из крови
и грохота боя,—
гордость и слава века!
Мы
пером пятилеток,
доблестью трудовою
пишем
хартию прав человека.

Перевел с чешского
Анатолий Кудрейко

ЧИТАТЕЛЬ «ПРАВДЫ»

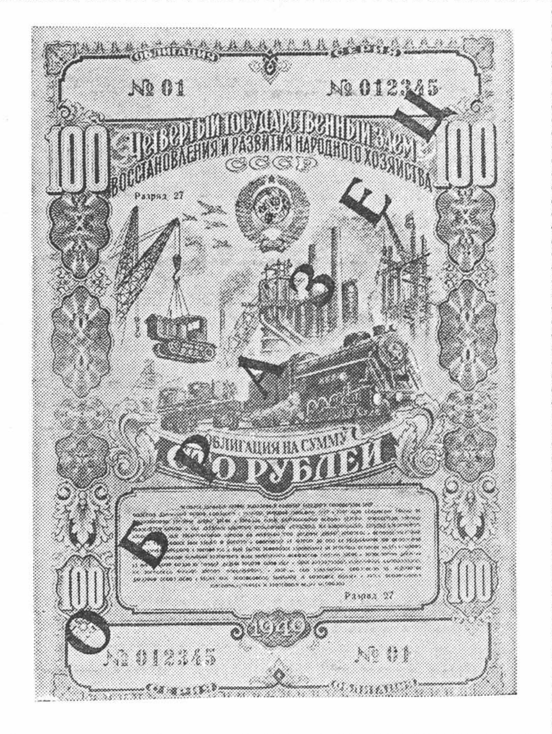
НОВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЕМ

Когда этот номер журнала «Огонек» уже подписывался к печати, радио передало весть о том, что советским правительством выпущен новый заем — Четвертый государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР. Средства займа будут крупным вкладом советского народа в дело досрочного выполнения пятилетнего плана.

Заем выпущен на тех же условиях, что и предыдущий,—на сумму 20 миллиардов рублей, сроком на 20 лет, облигации — достоинством в 500, 200, 100, 50 и 25 рублей. Доход по займу выплачивается в форме выигрышей, причем одна треть облигаций выигрывает, а остальные выкупаются по их нарицательной стоимости.

За годы, истекшие после окончания Великой Отечественной войны, советский народ уже дал взаймы своему государству более 77 миллиардов рублей. И за один только 1948 год населению выплачено в виде дохода по займам около 1,4 миллиарда рублей.

Едва радио разнесло весть о новом займе, во всю мощь прозвучал голос народа. По всей необъятной стране состоялись митинги, на которых советские люди говорили о своей любви и преданности великой Родине, большевистской партии, родному Сталину. Дружно и организованно подписывались на заем трудящиеся. Все росли и росли многозначные цифры подписки, превращаясь в миллионы и миллиарды. Народные средства, поступающие по займу в государственный бюджет, помогают осуществлению грандиозных задач построения коммунистического общества в нашей стране.



Развернув газету, Степан Сергеевич Храмов сдвинул на лоб очки, и они утонули в густых серебряных волосах. Едва умолк гудок, в большой, светлой комнате людей собралось уже столько, что многим пришлось стоять: нехватило стульев. Зря опасались, что будет мало народу; говорили: «Правду» получают на дом, вывешивается она в витринах, есть в красном уголке, — кто же придет? А вся старая гвардия явилась! Екатерина Андреевна Рязанова, группарторг, хотела было записать в свою синенькую тетрадку присутствующих, да отказалась от этой затеи: все новые люди появлялись. Тут и такие, что лет по сорок — пятьдесят, если не больше, на заводе работают и, наверное, помнят те времена, когда «Правду» приходилось прятать от чужих глаз.

Владимир Ильич Ленин в конце июля 1912 года в статье «Итоги полугодовой работы» писал: «Пятаки и гривенники, собранные вместе, снабженные пометками: «от группы рабочих с такой-то фабрики», дали возможность судить и о настроении рабочих и об их сознательности, сплоченности, отзывчивости на рабочее дело». Среди других городов, участвовавших в сборе денег на «Правду», Лениным было названо и Сормово.

«Рабочие Петербурга, — писала в то время «Правда», — положили начало. Их энергии обязан пролетариат России первой ежедневной рабочей газетой после тяжелых лет безвременья. Будем же продолжать их дело, дружно поддерживая и развивая рабочую газету столицы — первую ласточку той весны, когда вся Россия покроется сетью рабочих организаций с рабочими газетами.

Эту Россию нам, рабочим, еще **предстоит** создать, и мы ее **создадим**».

...Пришли не только старики, но и молодые рабочие. Несколько недавних учеников ремесленного училища заняли место у окна.

— Мустафой его прозвали, помните, в кинофильме такой был? — рассказывал мне до собрания про одного из них Степан Сергеевич. — Никому не подчинялся. Поверите, на своей голове сиденья от табуреток ломал. А я незадолго до этого шефство над молодыми по партийной линии взял. Что же мне, из-за этого от своего обязательства отказываться? Ничего, думаю, пусть он Мустафа, а столяром все же станет! Призвал я его к себе, а он такую физиономию скорчил... «Хороший ты, — говорю, — парень». «Здравствуйте, пожалуйста, — отвечает, — вот уж и хороший! Не похваливайте, все равно учиться не буду». На другой день опять позвал его: «Стыда в тебе нет, на весь цех один ты такой». А он свое. Потом два дня прошло, и гляжу: сам является. «Что, — говорю, — скажешь, товарищ Пожалуйста?» «Учиться хочу, только не табуретки делать, а что-нибудь поважнее». «Можно и поважнее обучить», — отвечаю. И в самом деле, будто вся дурь вылиняла, стал усердно работать. После на фронт уехал, письма присылал: «Спасибо, отец, что на путь направили». Еще звонит мне как-то по телефону председатель райсовета: «Не узнаете? Да я у вас в деревообделочном работал, и вы же меня в партию рекомендовали». И верно, вспомнил. Высоко пошли люди... — усмехнулся старик.— Был у нас один парень, теперь бы ему за пятьдесят перевалило, да помер. Он все в первые годы революции сокрушался: «Старые инженеры кончаются, а без них пропадем». И хоть не принято так о покойниках отзываться, но скажу: дурная то была голова. Поглядите на наших заводских инженеров. Ведь все больше вчерашние рабочие. Ну, а те, кто и поныне у станков трудится? Редко среди них встретишь человека, который бы не учился. По вечерам в нашем заводском техникуме тесно, и все знакомые лица, все наши ребята.

...Временами Степан Сергеевич посмотрит в глубину зала, а затем продолжает чтение «Правды». Статья называется «Творческая инициатива строителей коммунизма». Посвящается она сормовичам и коломенцам.

Накануне газета опубликовала письмо великому вождю советского народа товарищу Сталину от работников коломенского завода имени В. В. Куйбышева и завода «Красное Сормово» имени А. А. Жданова.

В комнате стоит тишина. Степан Сергеевич, как и многие из здесь присутствующих, сам участвовал в составлении письма, о котором сообщается в газете.

Степану Сергеевичу 74 года. Его дед был крепостным крестьянином. Отец работал у помещика и получал двадцать копеек в день. Трудовая деятельность самого Степана Сергеевича началась с того, что он погонял лошадей на молотьбе за пятачок в день. Затем он ушел на заработки в Сормово, поступил на завод учеником-столяром и с тех пор с цехом не расстается.

Давно бы старику на отдых, и пенсия ему приличная назначена, но, если не хотите с ним ссориться, об этом лучше не напоминайте. Он технолог деревообделочного цеха. Всю войну возглавлял этот цех. Врачи говорили: «Вам больше на свежем воздухе бывать надо». А он сердился: «Что они понимают? Для меня самый лучший воздух — заводской. Уйду с завода — и сразу зачахну».

Если спросить в партийной организации о лучшем агитаторе цеха, назовут Храмова. Вот и «Правду» стал он читать рабочим по собственной инициативе. Однако считает, что цель не достигнута, если после читки не задают вопросов, не вносят предложений. Об этих предложениях можно узнать из дневника группарторга Рязановой. Степан Сергеевич — сам рационализатор. Он посоветовал Рязановой созвать партийную группу и подготовить доклад по вопросу, который волнует рабочих.

Степан Сергеевич приглашает меня к себе домой. Он шагает, постукивая палочкой по асфальту. Прохожие то и дело раскланиваются со стариком, точно весь город знаком с ним. В новых, красивых больших домах, где живут стахановцы, уже зажглись огни. Я предполагал, что здесь именно и живет Степан Сергеевич. Оказывается, ошибся. Правда, ему не один раз предлагали сюда переехать, но не хочется покидать старое гнездо. Туда и орлы все слетаются. Вот, скажем, сын Александр недавно явился. Назначили его директором завода в другом городе. Конечно, зря от сормовичей уехал. Ведь тут же, в деревообделочном, Александр вступал в партию. Ему бы строить суда или паровозы, а он в другую область ударился. Выше отца ростом стал, в дверь не пройдет.

Вот и домик возле речки. Через всю комнату лежат мягкие половички. В углу письменный стол. У окна этажерка с книгами. Две полки целиком заставлены Собранием сочинений Владимира Ильича Ленина. На стене портреты Ленина и Сталина. Беру один из томов. На полях много пометок, сделанных самим стариком и детьми.

— Вы видели Дом пионеров? — спрашивает меня Храмов.— Помещение маленькое, в нем и четырехсот мест нет. Прежде там происходили партконференции, и, представьте себе, тесно не было. А вот вчера вы присутствовали на такой же конференции во Дворце культуры. Зал чуть ли не на две тысячи человек рассчитан. А заметили вы там хоть один пустой стул?

В Сормове говорят: «Живем под одной крышей». Почти все вступали в партию на заводе. Здесь есть целые семьи коммунистов. Такая семья и у Степана Сергеевича.

Старик продолжает начатый на улице разговор о сыне Александре:

— Ты мне, Саша,— говорю я ему,— все про технологический процесс производства толкуешь. Технология, технология! На то тебя советская власть и учила, на то ты институт кончал, чтобы в той технологии разбираться. А вот лучше скажи про человеческую технологию. Как с людьми советуешься, как учишься у них? Это самый главный университет. Уж больно не уважаю, когда некоторые начальники голос повышают. Это ты учти в своей директорской работе. Если такое прорывается, ты это дело брось,— послушай отца!.. Поставлен директором,— значит, государство тебе доверило все: и людей, и оборудование, и выполнение плана. Ты в цепи государственной звено, а звено должно быть крепким...

Я ему говорю, Саше-то,— продолжает Степан Сергеевич. — Приедешь к себе на завод и разберись, что нужно сделать по цехам применительно к каждому человеку.

А Саша мой мне ответил, когда я ему посоветовал никогда голоса не повышать: «Ведь люди, отец, на свете разные бывают. Вот, скажем, как-то я заболел. Приходят меня навестить помощники. Заботу проявляют. А я их спрашиваю: «Как с заданием?» «Нет,— говорят,— не справились, не успели». Тогда уж, извините, такое я им сказал... А вы, папа, иначе поступили бы? Какие же они мне гости, когда о работе не подумали?» Тут,— добавил Степан Сергеевич,— пришлось мне признаться, что и я бы таких гостей — за двери.

...Кто-то постучался. Вошел почтальон и положил на стол свежий номер «Правды».

— Давно ли вы выписываете «Правду»? — спросил я у Степана Сергеевича.

— С самого основания,— ответил он,— с 1912 года, когда внес первый рубль.

З. АБРАМОВ

КОМУ СЛУЖИТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Американский конгресс ассигновал крупные суммы на организацию в Западной Европе разведывательного центра. Это дало повод английскому еженедельнику «Стейтсмен энд Нэйшен» написать в марте этого года о том, что «в США шпионаж поднят на высоту дипломатической профессии».

Журнал далее говорит: «Огромные средства и деньги вложены в разведку,— ясно для чего». Но хотя и ясно, журнал ставит точки над і: «Ни одна возможность не должна быть упущена среди народов советской сферы влияния, а также на Западе».

Хотя шпионаж — это профессия секретная, но уже давно никакого секрета нет в том, что американскими ведомствами создана обширная шпионская сеть в Европе. Ее основная задача — борьба против рабочего класса и демократической интеллигенции, борьба против СССР и стран народной демократии.

Нет никакого секрета и в том, что шпионская, разведывательная служба англо-американских общих и специальных ведомств слилась с диверсионной работой, с организацией подпольных заговоров против демократических стран.

Лондонский журнал «Экономист» в марте текущего года указывал на «склонность некоторых американских и английских официальных лиц к политике плаща и кинжала».

В переводе с языка феодальной старины на современный, империалистический это и означает политику шпионажа и диверсий.

Одним из орудий, применяемых в этой политике, является капиталистическая печать. Дело заключается не только в том, что она, по указаниям и директивам разведывательно-диверсионных органов, ведет разнузданные антисоветские кампании лжи и клеветы, разжигает военную лихорадку, отравляет атмосферу. Дело также в том, что работники реакционной печати, в особенности ее иностранные «собственные» и «специальные» корреспонденты, превращаются в работников разведки, в шпионов и диверсантов. Только под этим углом зрения до конца понятны настойчивые требования английской и американской дипломатии о полной, ничем не ограниченной «свободе информации», о наделении иностранных корреспондентов в Восточной Европе фактически дипломатической неприкосновенностью. Жизнь показала, что «свобода информации» в этом смысле для представителей желтой прессы равнозначна свободе шпионажа и свободе организации противоправительственных заговоров в Восточной Европе.

Накопилось уже много фактов, разоблачающих работу военно-дипломатического шпионажа. Во всех судебных процессах над заговорщиками в Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии неизменно фигурируют дипломатические работники США и Англии. Их провал вызывает бешеную злобу в кругах англо-американской реакции. На процессе кардинала Миндсенти в Венгрии раскрыта роль американского посольства в Будапеште, как гнезда шпионажа и заговоров.

Вместе с официальными дипломатами сплошь и рядом фигурируют и англо-американские журналисты. Они занимаются тем, что систематически снабжают свою печать злостной дезинформацией. Но это лишь часть их работы, и иногда не самая существенная. Другая, важнейшая, заключается в том, что через них идет тайная связь между посольствами и реакционными заговорщиками. Эти, с позволения сказать, журналисты являются той силой реакции, вокруг которой группируются контрреволюционные элементы в государствах, где эти журналисты числятся «корреспондентами» американских телеграфных агентств и газет. Правительствам стран народной демократии приходилось высылать иностранных корреспондентов именно по этой причине.

Это использование капиталистическими разведками журналистов для шпионской работы, шпионов — для журналистской происходило и раньше. В отношении Советского Союза оно практиковалось с самого начала Октябрьской социалистической революции. Об этом говорит старый, превосходно осведомленный американский журналист Виллард в своей книге «Газета на ущербе». Он пишет об американском телеграфном агентстве Ассошиэйтед пресс: «Оно использовало в Советской России в качестве корреспондентов офицеров морской пехоты или людей, связанных с капиталистическими группами, заинтересованными в интервенции».

Это же относится и к большим американским газетам, в частности к газете «Нью-Йорк таймс», претендующей на звание наиболее «культурной» газеты в США. Советскому правительству пришлось на первых же порах своей деятельности высылать журналистов, изобличенных в шпионаже и провокациях. Виллард, которого ни в какой мере нельзя назвать другом Советского Союза, вынужден признать, что, «отказываясь допустить корреспондентов «Нью-Йорк таймс» в свою страну, Ленин имел больше оснований для этого, чем любой другой руководитель государства».

Соединение в одном лице журналиста и шпиона бывало, таким образом, и раньше, но ныне оно стало распространенным явлением, стало характерной чертой капиталистической журналистики. Это показывает, до какой степени деградировала журналистская профессия на службе капитализма. О какой «свободе печати» может быть речь в условиях, когда издательские компании находятся в тесной связи с центрами разведывательных органов.

Шпионско-журналистская деятельность породила таких растленных мастеров своего дела, как Буллит. Он бывший дипломат, ставший журналистом. Но во всех своих обличиях он прежде всего грязнейший шпион.

Уайт называет себя журналистом, редактором, но его поездка в Советский Союз и вышедшая вслед за тем клеветническая книжка разоблачили его как шпиона.

Недавно из Советского Союза был выслан разоблаченный, как шпион, американский корреспондент Роберт Магидов. Вот что пишет о нем Аннабелла Бюкар в книге «Правда об американских дипломатах»:

«Роберт Магидов долгие годы жил в Советском Союзе, хорошо изучил страну и русский язык. Он женился на русской женщине и, таким образом, обзавелся здесь родственными связями.

В американском посольстве Магидов слыл хорошо информированным человеком. Он был полезен и ценен для посольства, так как систематически передавал разные сведения о Советском Союзе... Я считаю, что американские разведчики, действующие под прикрытием издательства «Мак Гроу-Хилл», неслучайно остановили свой выбор на Магидове и поручали ему собирать шпионскую информацию о Советском Союзе. Американским разведывательным органам было известно, что Магидов хорошо знаком с советскими условиями и имеет опыт шпионской работы».

В шпионаже была изобличена также американская журналистка Анна-Луиза Стронг, высланная из Советского Союза.

В книге Аннабеллы Бюкар раскрыта картина обработки разведывательными органами США американских журналистов, направляемых в Советский Союз. В американском посольстве в Москве этим занимались специальные работники. Некто Дэвиз «имел также задание от руководства американского посольства поддерживать тесный контакт с американскими корреспондентами в Москве для разведывательных целей, а также для возможных провокаций».

Эти американские корреспонденты снабжали свои газеты явно вымышленными сообщениями клеветнического характера. Они выдавали себя за «очевидцев». Марка «собственного корреспондента» должна была придать маску правдивости их вымыслу. Но, как разоблачает их Бюкар, это даже не был их собственный вымысел. Ложь для них заготовлялась разведчиками в американском посольстве. Дэвиз «снабжал их хитроумной ложью собственного изготовления о советской жизни и Советском Союзе. Большинство из этих корреспондентов, присланных в Советскую Россию для сбора материалов именно такого рода, которые передавал им Дэвиз, были очень довольны, что им не нужно самим трудиться над стряпней подобной клеветы».

Да это и понятно, ибо журналистика США давно стала школой развращения и продажности. Конечно, и в этой среде встречаются отдельные журналисты, дорожащие своей честью, сохранившие достоинство работника печати, пытающиеся отвоевать для себя некое подобие независимости. Но не эти отдельные примеры журналистской порядочности характерны для американской журналистской профессии. Типична именно продажность, вытекающая из усвоенного взгляда на журналистику как на бизнес и на печать как на промышленность.

Продажность и шпионаж идут рука об руку в американской журналистике. Это делает ее одной из опаснейших профессий для мира и безопасности народов.

Слияние американской буржуазной журналистики со шпионажем на службе у поджигателей войны стало настолько заметным явлением, что его не могла не отразить художественная литература. В пьесе К. Симонова «Русский вопрос» показан американский журналист, высланный из Советского Союза. Он действует в пьесе как провокатор.

В кинокартине «Встреча на Эльбе» видная сотрудница американской разведки появляется в советской оккупационной зоне Германии как журналистка. Она принимает деятельное участие в организации заговора, помогает руководителю подпольной фашистской организации спастись от преследования.

В пьесе Н. Вирты «Заговор обреченных» американская журналистка осуществляет шпионскую связь между заправилами Уолл-стрита и главарями антидемократического заговора.

Она и сама организует террористические покушения на вождей народа, снабжает оружием диверсантов.

Материалом для этих художественных образов послужила действительная жизнь. Это не вымысел. Это факты.

Такова изнанка той «свободы печати», о которой кричат боссы американской журналистики. На деле это свобода лжи и клеветы, рассчитанной на разжигание агрессивной войны. Это свобода шпионажа и диверсий. Крики поджигателей войны потому так яростны, что их намерения разгаданы и ясны народам, что их усилия тщетны, что подлинная демократия, возглавляемая советским народом, достаточно сильна, чтобы дать сокрушающий отпор наглым посягательствам на свободу и независимость демократических государств.

ПОЛИТИК

Ян ДРДА

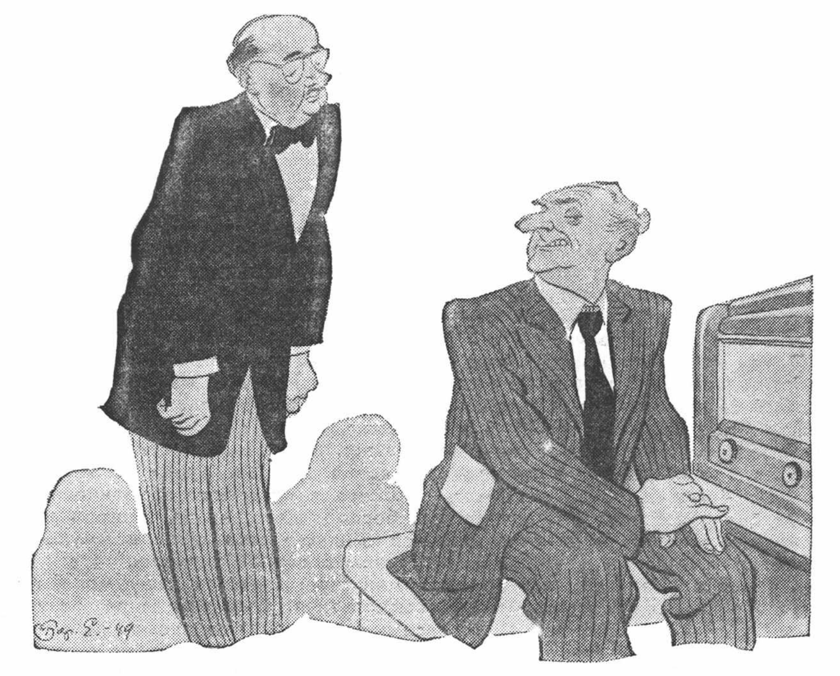


Рисунок Бор. Ефимова

Министра сегодня не ждали.

По субботам он обычно не бывал в министерстве, верный своей старой привычке кейфовать в конце недели над любимыми книжками или отдыхать в своей загородной вилле. Его неделя завершалась заседаниями правительства по пятницам, и этот день был достаточно утомительным: президиум заседал по многу часов — в табачном дыму в напряженной атмосфере, в постоянном выжидании подвоха со стороны другой партии, в обдумывании очередного маневра. Министр иронически говорил, что пятничное заседание подобно игре в перетягиванье каната и любил подчеркивать, что и здесь ловкостью больше добьешься, чем силой. При этом он думал о себе, крепко верил в свою ловкость. Он был глубоко уверен в своем исключительном политическом таланте. Отдавая предпочтение классическому образованию, министр в душе сравнивал себя с государственными деятелями Эллады и древнего Рима. Красноречию учился он у Цицерона, проводил много времени, придумывая изысканные ораторские приемы, тонкую игру слов, меткие выражения, изящные лирические пассажи. «Ах, — думал он, — если бы я посвятил себя литературе, какой замечательный писатель вышел бы из меня!» Ранее министр проявлял свое дарование в журналистике, — с каким наслаждением читал он до сих пор старые строки, сходившие с его блестящего пера! — а теперь, главным образом, — в красноречии. Слова классика о меде, источаемом устами, не были пустой фразой, во всяком случае в применении к нему: когда он слушал сам себя, то не раз почти физически ощущал вкус золотистого, сверкающего, как янтарь, чудесного меда, текущего тонкой, легкой струйкой. Многие знакомые, особенно дамы, утверждали, что именно так звучал его голос по лондонскому радио в годы оккупации: «Слезы подступали к глазам, сердце таяло, и слушатель даже не обращал внимания на содержание речи, поверьте мне, пане профессор!»

«Я был подобен Одиссею, — отвечал он им нежно модулирующим, трогательным голосом, — и только эфир связывал меня с родной Итакой. Герой, преследуемый враждебными богами и мечтающий увидеть хотя бы дым родной страны». Само собой, его волновали тогда и материальные заботы: когда он отправлялся в эмиграцию, пришлось оставить здесь две типографии, три процветающие фабрики, в которые он вкладывал много денег, свою гордость — газету, ну, конечно, и ту приятную тихую виллу возле Моравии. К счастью, как ему передали за границу, предприятия в руках «преданных Империи немцев» не снизили своей доходности, и их экономическое положение даже упрочилось. Он только опасался, не дойдет ли сюда с Моравы смерч фронта, сметая и фабрики и оборудование. Но и в этом ему повезло: его предприятия, во время войны потучневшие, как овцы, остались нетронутыми, а «верный Империи немец» в майские дни перед своим арестом послал ему даже письмо, в котором заверял, что он честно руководил заводами. Этот наивный человек предлагал свои услуги и на будущее время. Конечно, это было невозможно. Кошицкая программа намечала выселение немцев, и хотя у министра и были особые соображения, но он не мог открыто высказать их. А кроме того рабочие его заводов сами привели «верного Империи» в полицию, найдя его спрятавшимся в квартире возлюбленной. Но министр остался джентльменом по отношению к этому нацисту, в конце концов вполне приличному человеку. В то время он был министром юстиции, и ему легко удалось вытащить милого немчика из когтей органов государственной безопасности, а потом потихоньку до суда отправить его в Германию первым транспортом. «Фер плей»[1] — таков был лозунг министра, особенно по отношению к человеку, который столь разумно вел себя в хозяйственных делах.

Но сегодня министр все же пришел в министерство, несмотря на то, что была суббота. Элегантный, замечательно отдохнувший, в прекрасной форме. А ведь он почти не спал. После вчерашних знаменательных событий его голова тактика почти всю ночь горела от обилия различных комбинаций: он продумывал этот грандиозный политический план, который они наконец провели вчера именно так, как договорились. Он не мог оставаться один, не мог говорить об этом и со своей глупой, хотя и молчаливой, хорошей женой. Ему хотелось быть среди людей, в штабе, как он говорил, на поле боя, хотя бы в министерском кабинете за министерским столом. Вчера наконец они подали в отставку. Его партия и две другие, с которыми они договорились. Четырнадцать министров. Словно бомба разорвалась; у премьера-коммуниста, вероятно, земля заколебалась под ногами. И внешняя форма их действий была весьма изысканна. Просто не явились в зал заседания. Послали туда только один министерский портфель, слабый волосок, на котором висел Дамоклов меч их угрозы. Надеялись, что премьер поймет и, не решаясь поставить свою партию под угрозу изоляции, размякнет, станет на задние лапки. Разумеется, из этого ничего бы не вышло: они твердо решили довести дело до конца и прижать к стене премьера и коммунистическую партию, пока те испустят дух. Это был психологический трюк, тонкий психологический трюк, рассчитанный на слабость противника. Затем после долгой паузы они послали служащего за этим министерским портфелем. Он унес его, и в зале осталось четырнадцать пустых стульев. Но за четырнадцатью пустыми стульями скрывалась блестящая, тонко продуманная шахматная партия, в исходе которой премьера ожидал неизбежный мат. И министр почти смаковал острый вкус интриги.

Едва он сел к столу, прибежал секретарь, изображая на своем асиметричном лице преданную улыбку. Министру хотелось вступить с ним в длительную беседу, спросить, что нового произошло со вчерашнего дня, как реагируют господа из правительства, что говорит об этом Прага, которая, по мнению министра, давно уже ждала свержения коммунистического ига. Разве эти славные пражские жители не кричали в прошлом году во время съезда партии господина министра: «До будущего съезда сметем все звезды!»?!

Ему очень захотелось произнести речь, развернуть блестящую логическую цепь государственных соображений, но не излишне ли делать это перед рядовым человеком, который все равно не понял бы всей тонкости дела. Поэтому он только сказал с дружеским поощрением, словно наделяя знаком отличия:

— Ну что, коллега?

— Коммунисты начинают шевелиться, господин министр, — зашептал секретарь, склоняясь перед ним, как кельнер, поверяющий тайны меню. — И некоторые из наших потянулись на Староместскую... изволите себе представить — человек двенадцать, из низов. Готвальд еще ночью сообщил о созыве митинга.

Конечно, министр знал обо всем. Уже с полуночи. Но это сообщение вызвало у него смех, жемчужный, благожелательный, веселый смех человека, стоящего выше такой ерунды. Боже сохрани, он не собирается недооценивать Готвальда. Уж если так сложилась судьба, что не надолго, пока все будет приведено в порядок, чехословацким премьером стал коммунист, то в общем Готвальд из них самый приемлемый. «Это довольно разумный человек, — подумал министр, — не вскакивает, не кричит, терпеливо обсуждает вопросы, видно, он и вправду заинтересован в том, чтобы Национальный фронт продолжал существовать. Но, господи боже, как может он дальше существовать при этой идейной нетерпимости коммунистов, при их неуменьи идти на компромисс, при их якобинстве, — какая нелепость для разумного человека! Если бы они, сидя в своих премьерских и министерских креслах, побольше учились у покойного Тузара, у Бехине, у Габермана! Тогда можно было бы сохранить Национальный фронт А разве под этим пышным названием разумный человек не представляет себе что-то вроде новой коалиции, при которой само собой надо координировать интересы всех партнеров? Но, с одной стороны, присоединиться к коалиции — хотя они и избегают этого слова,— а с другой — вести дело к социализации, словно они всерьез собираются провести в жизнь то, что обещали на предвыборных собраниях! Ах, господи, так же коалиционная политика не делается! Ну, теперь уже и ей настанет конец. Будет вполне естественно, если коммунисты попадут в то же положение, как и их французские коллеги. Оппозиции, демонстрации, митинги, протесты... ну да, это именно те проявления их упрямой шахтерской веры, которую они называют политикой».

— Так господин премьер Готвальд проводит митинг протеста? Ха-ха-ха! — министр разразился новым каскадом смеха и показал тонким пальцем на термометр за окном: — Сколько там градусов, коллега?

Секретарь услужливо подскочил к окну.

— Двадцать ниже нуля... морозец хороший, господин министр!

«Ну, померзнут товарищи, померзнут! Так им и нужно, если они не понимают, что политика не делается на улице».

— Да, пане коллега, — обратился он к секретарю с изречением, достойным государственного деятеля, — они делают политику на улице! Видно, до самой смерти не понять им, что от сотворения мира политика всегда делалась в кулуарах. Великие дела всегда решаются спокойно, за столом, только романтики... господин премьер ничему не научился. Остался таким же, как и при первой республике Романтик!

Министр умолк и слегка усмехнулся, вспомнив, что однажды и он сам был вовлечен депутатом парламента Готвальдом в романтическое

[1] «Честная игра» (по-английски).

дело. Это было в тридцать восьмом, в дни сентябрьского кризиса. Собственно говоря, разумный человек должен был бы сразу понять, что Британия с Францией имеют серьезные причины не желать войны... и хотят ликвидировать кризис сухим путем. Ведь Чехословакия не играла особой роли в европейском контексте... об этом Черчилль сказал Рипке уже тогда в тридцать шестом. Конечно, Запад не мог допустить, чтобы Чехословакия стала троянским конем, на котором коммунизм въехал бы в Европу... Ну, конечно, министр признает, что он тогда не понял всех тонкостей империалистической политики. Если бы в то время у него были такие связи с Англией, как сегодня... тогда другое дело. Но он был только депутатом, в партии играл второстепенную роль и не имел информации из первых рук. Ему показалось, что Запад ничего не имеет против решительной политики Чехословакии, что пришла пора свергнуть коалицию аграрников и создать новую, несколько более левую.

Тогда коммунисты выступили с романтическим предложением создать правительство Национального сопротивления. Ну что же, неплохое, хотя и слишком патетическое название. Если б это предложение одобрили и поддержали в Лондоне и в Париже, если бы оно имело реальную основу, можно было бы пойти на это, хотя коммунисты и тогда не были «салонными» политиками. В конце концов перед Западом можно было бы аргументировать тем, что в интересах объединения всех сил и избежания общественных беспорядков... ну да, дворцовый мир, ну, какое-нибудь незначительное министерство дать коммунистам... это было бы правильным решением в данной ситуации.

Легкий мороз пробегает по коже министра: в какую кашу мог бы он попасть, если бы сразу же не выскользнул. Коммунисты за одну ночь подняли на ноги всю Прагу, все карлинские, высочанские, либенские, смиховские заводы, народ кричал на улицах: «Платите по счету, оружье — народу!» Толпы пришли к парламенту. Правительство Годжи пало, а Готвальд обратился с балкона старого парламента к стотысячной толпе: «Держитесь, не отступайте!», — разжигая толпу, а люди снизу отвечали, что будут защищать республику. Романтик! Пока он выступал, в кулуарах испекли правительство Сырового, и все определилось... Готвальд предлагал в тот же день идти к президенту, но министр, разумеется, извинился, он торопился на обед в Общественный клуб. Куда там, можно ли дальше идти вместе с коммунистами! Мрачная тень заботы пробежала по лбу министра, еще и сейчас ему неприятно это воспоминание, особенно о последующей встрече с Готвальдом... Он тогда испугался и заявил Готвальду: «Мы трусы... Вы имеете право плюнуть нам в лицо...» Конечно, и тогда это нельзя было понимать дословно... в напряженный момент человек может поддаться настроению. Это было, конечно, только образным выражением.

— Если бы вы любезно разрешили, вероятно, уже там говорят... — оторвал его секретарь от этих неожиданно всплывших неприятных воспоминаний.

Министр молча кивнул головой.

Радиоприемник тихо щелкнул, магическое зеленое око стало нагреваться. Потом шум превратился в не очень громкую, спокойную, плавную речь. Он узнал этот характерный голос с легким моравским акцентом.

«Призываю всех вас к бдительности и боевой готовности, — уже ясно зазвучало из приемника. — Призываю вас всех, настоящих чехов и словаков, всех вас, рабочие, крестьяне, ремесленники и интеллигенты, к единству и к объединению. Создавайте в округах, районах и областях комитеты действий Национального фронта из демократических и прогрессивных представителей всех партий и всенародных организаций. Подавите в зародыше всевозможные провокации реакционных агентов...»

Еще не умолкли последние слова премьера, и словно из глубины моря поднялся сильный, гулкий, продолжительный грохот, словно шум грозы в горах, порождаемый колоссальной общей волей. Отдельные неясные слова, словно грохот каменных глыб, летящих со скал, вздымались в новых и новых взрывах. Только по ритму министр угадал, что стотысячная толпа повторяет второй и третий раз все ту же фразу, смысл которой он понял при дальнейших повторениях: «Предателей долой из правительства! Предателей долой из правительства! Предателей долой...»

— Выключите, коллега! — нервно крикнул он секретарю.

Но смех снова вернулся к нему, на этот раз не клокочущий, но кислый, кривящий губы, и, уже не задумываясь над тем, что он изливает поток своих тайных мыслей перед услужливым секретарем, министр разразился тирадой:

— Комитеты действия! Вы слышали? Дилетантские глупости! Точно так же, как в тридцать восьмом! Тогда хотели поднять движение национального сопротивления, раздавать винтовки по фабрикам, деревенским дядюшкам, кричали о защите каждой фабрики, каждой хаты, каждого забора. А теперь вместо того, чтобы договариваться, где следует, возбуждают народ и выдумывают какие-то комитеты действия. Теперь будут орать на улицах, чтобы согреться, а мужики и высочанские рабочие решат, что они тоже политики, что понимают больше министров! Демагогия! Но мы покажем пану Готвальду через пару дней такое правительство, что он не успеет и глазом моргнуть!..

Только теперь министр заметил свое волнение и прикусил язык. Ну, конечно, увлекся перед дураком секретарем; от этого их понимания демократии у него всегда закипала кровь: депутации от народа к парламенту, толпы на площадях... Запах толпы всегда был ему противен. Ну, хорошо, там действительно их было много, на Староместской площади... но как противна, даже отвратительна такая куча людей. Сто, двести тысяч... все же это толпа. А если миллион, два миллиона, шесть миллионов... толпа, толпа, толпа. Оди профанум вульгус ет арцес! «Шесть миллионов... но ведь это уже народ, не так ли?» — нашептывал ему дьявол-искуситель. «Народ? Откровенно говоря, я не верю в народ. Народа нет! Есть толпа... как та, что гремела сейчас в радиоприемнике, безликая, отвратительная... а потом есть личности... личности, как я, и эти личности будут творить то волнующее, манящее искусство, которое называется политикой, будут блюсти равновесие мира. Это принадлежит им по праву их воспитания, их происхождения, их исключительной интеллигентности, а в конце концов и их экономической мощи. А толпа будет слушаться, слушаться во веки веков, или...»

Не закончив тайную мысль, он упрямо и с наслаждением вернулся к кулуарной тактике, которую они на этот раз избрали. «Вчера подало в отставку четырнадцать человек, сегодня это могут сделать следующие... Майер же наш, и в его партии мы имеем влияние... а потом пусть товарищи одни поиграют в правительство несколько деньков. В конце концов они пойдут в Град с мольбой, чтобы президент передал власть кому-нибудь другому, потому что им как-то не удается свести концы с концами.

А потом мы будем диктовать свои условия: нам нужно министерство внутренних дел, национальной обороны, земледелия... и так далее, и так далее.

Потом у господина депутата Готвальда окажется больше времени для митингов и собраний протеста!»

Министр задрожал от радости, представляя себе вытекающие из этого результаты: ослабеет союз с русскими, будет пересмотрена политика национализации, промышленность вернется в разумные руки предпринимателей... Настанет приятная, радостная жизнь, окрепнет наша классическая демократия, мы распустим Национальные комитеты, покончим с глупой шахтерской идеей народоправия. Очутимся там, где были перед Мюнхеном, снова получим широкое доверие великих держав, они придут к нам с инвестициями, поднимут всю экономику... Ах, чего только нельзя предпринять в международном масштабе!

Неприятное чувство сразу исчезло, у министра зашумело в голове от радостного волнения. Он с удовольствием вспомнил о вчерашнем портфеле, который они приказали унести как символ конца из зала заседания, и радостно потер руки, как человек, предвкушающий наслаждение.

На Староместской площади народ метал свой жребий. Он стоял здесь уже третий час при двадцатиградусном морозе. Над тесно сомкнутой толпой возносилась Песня Труда, серьезная и возвышенная в своей простоте, как стародавний хорал гуситских предков. Только в полдень массы пришли в движение, и вместе с ними пришла в движение история их отчизны. Была суббота, двадцать первое февраля тысяча девятьсот сорок восьмого года.

Перевод с чешского С. Шмераль

МИСТЕР БЕНТОН ИНСТРУКТИРУЕТ...

Происходившая в прошлом году в Женеве Международная конференция по вопросам свободы печати и информации ярко продемонстрировала стремление американских газетных монополий захватить под прикрытием так называемой «свободы печати» контроль над газетами и журналами западноевропейских и других государств, оказавшихся в кабале у Уолл-стрита.

Делегация США на конференции в основном состояла из крупных газетных бизнесменов, торговцев рекламой и кинопромышленников, пытавшихся протащить решения, открывающие двери других стран для экспансионистов США и облегчающие подрывную деятельность поджигателей войны. Делегацию возглавлял У. Бентон — бывший помощник государственного секретаря США по пропаганде, хозяин крупной рекламной фирмы «Бентон энд Боулс». Для проведения угодных им решений американские делегаты широко использовали своих марионеток, образующих американскую машину голосования на многих международных конференциях.

Этот снимок показывает, как мистер Бентон инструктирует на конференции по вопросам свободы печати и информации в Женеве руководителя делегации китайского гоминдановского правительства Чжан Пин-чуня.

Черновики Пушкина

ТАТЬЯНА ЛАРИНА

Публикация черновиков «Евгения Онегина», начавшаяся много лет назад, завершена в большом академическом издании сочинений Пушкина полностью; изучение этих черновиков позволяет нам лучше понять и осветить историю создания прославленного пушкинского романа. Здесь мы скажем о рукописных вариантах «Онегина», связанных с созданием образа Татьяны Лариной.

Современники поэта указывали то на одну, то на другую из числа знакомых Пушкину женщин, как на прототип или, как говорили в то время, «оригинал» пушкинской Татьяны. Они ссылались при этом на одну из строф последней главы романа, где говорится:

«А т а, с которой образован
Татьяны милый идеал...»

Между тем в одной из опубликованных в наше время рукописей «Онегина» сказано по-другому:

«А т е, с которых образован
Татьяны милый идеал...»

Мысль о том, что, создавая образ своей любимой героини, Пушкин поэтически обобщил черты многих русских женщин, а вовсе не рисовал идеализированный портрет той или иной из своих современниц, высказывалась исследователями. Теперь вопрос о том, как создан был образ Татьяны, ясно решается словами Пушкина, а не комментаторами поэта.

Из черновиков мы узнаем, что Пушкин сначала назвал Татьяну Наташей. Это имя в те времена нередко можно было встретить и в дворянских семьях и на страницах русских романов. Между тем, назвав свою героиню Татьяной, Пушкин заметил: «Впервые именем таким страницы нежные романа мы своевольно освятим»; в примечаниях к «Онегину» Пушкин подчеркнул, что имя Татьяны могло казаться читателям-дворянам слишком простонародным для романа (поэт заметил, что многие сладкозвучные имена «употребляются у нас только между простолюдинами»).

Имя любимой героини Пушкина определилось в черновиках романа не сразу. Но ей предстояло не только изменить свое первоначальное имя. В ходе развития романа Татьяну ожидала перемена гораздо более важная — превращение из уездной барышни в знатную даму, неожиданное не только для Онегина, но и для читателей.

В черновых, впоследствии отброшенных, вариантах «Евгения Онегина» Татьяна при первом же появлении в Москве привлекла к себе общее внимание:

«Архивны юноши толпою
На Таню издали глядят,
О милой деве меж собою
Они с восторгом
говорят...»

Ее привозят в московский театр:

«И обратились на нее
И дам ревнивые лорнеты,
И трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов».

Но Татьяна, привезенная «из глуши степных селений» в столицу, Татьяна, на которую Онегин не обратил внимания, едва ли могла при первом своем появлении вызвать общее восхищение в московском свете. Превращение в «законодательницу зал» ей еще предстояло. И в окончательном тексте романа Пушкин рассказал о первом появлении Татьяны в столичном театре совсем иначе:

«Не обратились на нее
Ни дам ревнивые лорнеты,
Ни трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов...»

И даже о восторженных «архивных юношах» Пушкин в окончательном тексте написал:

«Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагосклонно говорят...»

Читатель в конце седьмой главы расстается с Татьяной, появление которой в московском свете осталось незамеченным. И вдруг видит ее изменившейся до неузнаваемости в последней главе романа. Онегин встречает ее в Петербурге, и мы читаем:

«Хоть он глядел нельзя
прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести...»

Когда же успела совершиться эта удивительная перемена?

Между седьмой и нынешней восьмой — последней — главой «Евгения Онегина» существовала, как мы знаем, еще одна глава, в которой описывалось путешествие Онегина по России. Публикуя из этой уничтоженной главы только отдельные отрывки, Пушкин печатно соглашался с мнением поэта и критика Катенина, заметившего, что исключение этой главы «вредит... плану целого сочинения; ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным». Пушкин писал, что он все же «решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики».

И только совсем недавно: больше чем через сто лет после смерти Пушкина — мы узнали, что за причины заставили его исключить из своего романа целую главу. В одном из архивов отыскалась копия письма Катенина, в котором он писал, вспоминая свои разговоры с Пушкиным: «Об осьмой главе Онегина слышал я от покойного в 1832 году, что сверх Нижегородской ярманки и Одесской пристани Евгений видел военные поселения, заведенные графом Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению, и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую, и как бы оскудевшую» [1].

Пушкин высказал в этой, не дошедшей до нас главе «Онегина» такие смелые суждения, которые могли бы привести его в Сибирь, если б запретные строфы дошли до сведения жандармов и царя.

Черновики «Онегина» дают нам возможность мельком увидеть, как возникали в образе Татьяны-барышни черты, которые отчасти объясняют возможность превращения, совершившегося с ней в конце романа. В той сцене, где Пушкин описывал приезд Онегина на празднование именин Татьяны, первоначально было сказано:

«...вдруг упала
Бедняжка в обморок — тотчас
Ее выносят — суетясь,
Толпа гостей залепетала,
Все на Евгения глядят,
Как бы во всем его винят...»

Но, отбросив этот черновой вариант, Пушкин рассказал о неожиданном приезде Онегина с Ленским к Татьяне иначе:

«...Она приветствий двух друзей
Не слышит, слезы из очей
Хотят уж капать; уж готова
Бедняжка в обморок упасть;
Но воля и рассудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишком
И усидела за столом».

...Скрыть следы волненья, вдруг отразившиеся на ее лице, Татьяна не смогла. Но «воля и рассудка власть превозмогли». Татьяна не лишилась чувств.

Когда превращение Татьяны совершилось и она, став знатной петербургской дамой, после долгой разлуки встретилась с Онегиным, Пушкин написал:

«Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило...
...Ей-ей! Не то, чтоб содрогнулась,
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она».

«Воля и рассудка власть превозмогли» на этот раз всецело. Татьяна нашла в себе силу отвергнуть Онегина.

Но даже и этот, всем известный исход романа не сразу, кажется, определился в творческом воображении поэта. До нас дошел рассказ о том, что Пушкин, окончив последнюю главу «Онегина», сказал: «А Татьяна моя, представьте, ведь отказала Онегину».

И. ФЕЙНБЕРГ

---

[1] Письмо это, написанное Катениным редактору сочинений Пушкина Анненкову через полтора десятилетия после смерти поэта, было опубликовано в 1940 году П. А. Поповым в статье «Новые факты жизни и творчества А. С. Пушкина».

ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА

На снимке изображена группа участников товарищеской встречи молодых стахановцев заводов и фабрик столицы с учащимися школы-студии Московского Художественного театра.

Гости будущих актеров и постановщиков рассказывали о своих производственных достижениях, о том, как они выполняют пятилетку. Молодые стахановцы делились своими взглядами на искусство.

— Побольше трудитесь над современными советскими пьесами,— говорит работница завода «Каучук» тов. Кузина.— Вы не представляете, сколько разговоров бывает у нас в цехах и красных уголках после просмотра таких пьес! Стоит послушать, с каким волнением обсуждает рабочая молодежь понравившиеся ей сцены, как она критикует игру артистов. А что делается, когда наши комсомольцы видят на сцене людей родственных им профессий, которых они сравнивают с собой, со своей жизнью! Хорошие пьесы, затрагивающие актуальные, злободневные темы, помогают нам работать, воспитывают самые лучшие чувства. Почаще бывайте на заводах, больше знакомьтесь с нашей жизнью. Это поможет вам правильно показывать молодых рабочих и работниц, находить те детали и штрихи, которые обогатят ваш труд, позволят точно и верно воспроизвести образ молодого человека сталинской эпохи.

Ткачиха комбината Трехгорной мануфактуры тов. Чертова, бригадир комсомольско-молодежной бригады Автомобильного завода имени Сталина тов. Щербаков, стахановцы тт. Поляков, Махалин, Третьяков и другие дополнили выступление тов. Кузиной рассказами о труде и жизни рабочей молодежи своих предприятий. Все единодушно рекомендовали студийцам больше внимания уделять пьесам советских драматургов, глубже и серьезнее изучать нашу действительность, чаще бывать на заводах, фабриках, в колхозах.

С ответным словом выступили тт. Толмачева и Зайцев, рассказавшие об учебе воспитанников школы. Студийцы продемонстрировали гостям свои успехи, показав отрывки из пьес и инсценировки литературных произведений.

Фото А. Гостева

Повесть о воинах-освободителях

«Величие нарастающих событий и сознание того, что эти невероятные события в какой-то мере зависят непосредственно от него, переполняли Хому неизведанной доселе гордостью... Сейчас он стоит у всех на виду, проходит в параде перед всеми народами. В разных землях знают его и стар и мал. Издали узнают по гвардейской походке, по знаменитой пилотке с бессмертной звездой».

Так описывает дважды лауреат Сталинской премии Александр Гончар состояние своего героя Хомы Хаецкого, его мысли, его чувства в тот момент, когда полк офицера Самиева, пройдя с боями полмира, стоял на последнем рубеже Великой Отечественной войны: готовился к освобождению измученной, истерзанной фашистскими захватчиками Праги.

Всем ходом повествования, каждой строкой своей глубоко взволнованной патриотической книги А. Гончар подчеркивает, что чувства Хомы Хаецкого присущи всем его боевым друзьям, всем советским людям. Герои книги законно причисляют себя к армии «рядовых гвардейцев человечества», отчетливо ощущают, что они имеют «свой определенный вес на великих весах истории». Этим определяют и проверяют все свои поступки Евгений Черныш и Маковей, Владимир Сагайда и братья Блаженки, Вася Багиров и Ягодка, майор Воронцов и подполковник Самиев. Все они верные сыновья социалистической Родины, единая, дружная, боевая семья, сражающаяся под славным непобедимым советским знаменем. Вспомним бесстрашного разведчика «вечного солдата» Казакова. «Он чувствовал, что ведет разведку не только от себя, но и от имени того нового мира, который послал его вперед, поддерживая своего отчаянного посланца во всех его мытарствах». «В этой войне, — говорит автор, — все приказы, все задания, даже самые сложные, приходились Казакову по душе потому, что вели к единой ясной цели, к которой сам он неудержимо стремился».

Да, цель была ясна. Мы, люди Страны Советов, считали своим долгом разгромить полчища нацистской Германии, освободить родные земли и все свободолюбивые народы мира от фашистской чумы. Так приказал Сталин, так велела нам наша совесть и честь. Во имя этого воины полка Самиева сквозь огонь форсировали бесчисленные реки. Во имя этого артиллеристы били и били по врагу даже тогда, когда на них горели рубашки. Во имя этого погибли смертью храбрых скромные труженики войны: командир роты минометчиков Юрий Брянский, его преемник Иван Кармазин, смелая, чистая сердцем Шура Ясногорская и многие, многие другие.

А. Гончар ярко показывает благородство советских людей и гнусность выродков человечества—фашистов. Первые — это освободители и верные друзья; вторые — поработители и звери. Если фашисты на австрийской станции пытаются сжечь невольников, то советский воин Хаецкий сбивает замок с пылающих дверей пакгауза, выпускает людей на свободу. Хома предстает перед нами в этот миг как чудо-богатырь, как представитель всего советского народа, как олицетворение всей нашей великой Советской Армии. Повернувшись к объятому пламенем бараку, Хома принимал от чехов и поляков, украинцев и французов их «арбайтскарты» и огрызком толстого карандаша выдавливал на них: «Освобожден, освобождена, освобожден, освобождена...» И вчерашние невольники понимали: это он, советский воин, «дал им нынешний ветреный вечер, и эти широкие дороги в родные края, и звонкий завтрашний день».

Но Гончар показывает не только разницу между советскими воинами и гитлеровскими устроителями «нового порядка»: он также показывает, как велика разница между Советской Армией и армиями американцев, англичан. Когда воины полка Самиева, не щадя крови и жизни, освобождали в Чехословакии один населенный пункт за другим, американские «летающие крепости» бомбили чехословацкие заводы и фабрики. Это был чудовищный погром под видом военной помощи. Не поэтому ли повстанцы Праги обращались к Советской Армии, а не к американцам: «Руда Армата, на помоц, Руда Армата, на помоц...» Да, поэтому! И каждый советский воин, подобно Казакову, рвался вперед, восклицая: «Прага восстала!.. В Праге баррикады!.. На помощь братьям! На выручку!..»

Книга «Злата Прага» является заключительной частью трилогии «Знаменосцы». Рассказывая в ней о последних неделях и днях войны, о светлом празднике Победы — 9 мая, о вступлении наших доблестных войск в Прагу, Александр Гончар подводит нас к логическому выводу: радостна наша победа. Кровь, пролитая советскими людьми, не пропала даром. Мы принесли много жертв, мы имели много потерь, но мы стали еще более сильными, чем в начале войны. Наша великая сила и наше великое счастье в том, что мы приходили к народам не как завоеватели, а как освободители.

Книга А. Гончара зовет вместе с тем к бдительности. В ней много мест большой мобилизующей силы. Вот одно из них:

«...этот тип безусловно считал себя созданным для господства над народами, — говорил Сагайда, проходя мимо убитого немца. — Я думаю, сидя где-нибудь в мягком кресле с сигарой в зубах, он представлял себя господином мира. Долго ли? Взять и бросить в мясорубку миллион или десять миллионов простого народа... Пусть гниют в окопах, пусть валяются в госпиталях, а ему что? Ему тепло, ему спокойно, ему подай на тарелке весь мир! Где гарантии, что со временем не вынырнет откуда-нибудь новое чудовище, какой-нибудь Гитлер?»

Сколько презрения в этих словах простого советского человека!

Но пусть новые поджигатели войны не забывают выразительного жеста Хомы Хаецкого, Хомы, который, увидев в глубине послевоенного бытия охваченный тревогами земной шар, невольно положил руку на свой автомат.

Пусть они не забывают, что в нашей армии до сих пор служат Маковеи, люди, отчетливо осознающие, что и после войны «надо кому-то на границах стоять».

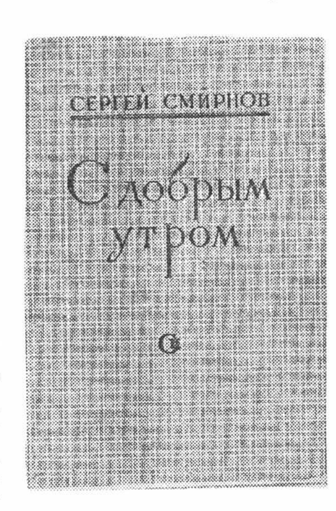
Пусть они не забывают, как наши воины несли великий сталинский рапорт Ленину, как они шли к пражскому домику на Гибернской улице, где в январе 1912 года Владимир Ильич руководил VI конференцией большевиков.

Пусть они не забывают и нашего последнего марша по улицам Праги в майские дни 1945 года. Полк Самиева шел тогда монолитной, сомкнутой колонной при развернутом знамени, лицом к солнцу. Таким шел он через весь город. Испытанный всем. Готовый ко всему. Полк Самиева — это частица нашей страны, но вся наша страна подобна этому полку. Она испытана всем. Она готова ко всему. Она зорко стоит на страже мира во всем мире.

К. ПОЗДНЯЕВ

А. Гончар «Злата Прага». Журнал «Новый мир» № 1 за 1949 год.

От первого лица



Два издательства почти одновременно выпустили книжки стихов Сергея Смирнова. И в обоих сборниках мы узнаем знакомый нам голос автора книжки «Друзьям», вышедшей десять лет назад.

Да, мы узнаем этот своеобразный, звонкий голос веселого рассказчика разных историй о детстве и юности, о труде и учебе, о себе и своих друзьях. И нам становится приятно от того, что нас сопровождает такой хороший поэт-жизнелюбец, такой неутомимый и интересный рассказчик. Нам он покажется веселым и нужным спутником, которого мы охотно пригласим с собой и на тяжелую трудовую вахту, и в многоверстный учебный поход, и в дальнее плавание, и всюду, где приходится трудно и где кто-то из нас может устать и повесить нос. Поэт ободрит такого своим словом, вернет ему веру в себя добродушным смешком над слабостью, хорошей шуткой возвратит ему временно утраченное творческое настроение.

Поэт говорит о самом себе:

«Хотелось бы мне
до последнего вздоха
Не хныкать ни в стужу,
ни в зной,
Работать и знать, что
живу я неплохо,
Что людям не скучно
со мной».

Это — похвальное стремление поэта. Конечно, не во всех стихах он стремится во что бы то ни стало вызвать улыбку. У Сергея Смирнова есть чувство меры, вещей и обстоятельств. Стихи «Разъезд Дубосеково» (памяти 28 гвардейцев-панфиловцев) или «Прощание» (памяти гвардии майора Ахминеева) исполнены суровости и сердечной печали о погибших однополчанах. Но опять-таки печаль эта нас не демобилизует, не заставляет утратить волю к борьбе:

«И, всех живых
в свидетели беря,
Неоспоримо наше
утвержденье,
Что кровь героев
пролита не зря!» —

повторяем мы вместе с автором, потому что для нас и для него

«Не смерть, а жизнь
вздымается в зенит».

Поэт счастлив, что живет на родной советской земле, движется, работает, каждый день ждет новых радостей. И он не жалеет о прожитом, потому что по его собственному, глубоко оптимистическому и верному выражению, «вся жизнь впереди, а не сзади осталась».

Сергей Смирнов — поэт и агитатор. Интересный, увлекательный агитатор за дружбу, за любовь, за радость жить и творить на пользу социалистического общества. Он агитирует фактами, взятыми из повседневной жизни советских людей, фактами, порой незначительными, случайными. Но он достигает при этом поэтических обобщений.

Вот стихотворение «Откровенный разговор». Поэт идет с женой, которая сердится, что муж ее часто ездит в длительные командировки, редко бывает дома. Простой, казалось бы, «семейный конфликт», который если и мог занять воображение скучного, все опресняющего литератора, то явился бы для него темой утомительного, многостраничного разговора языком той же семейной прозы. Смирнов в обычной своей поэтической манере пишет небольшое сюжетное стихотворение, оставаясь веселым и умным агитатором-патриотом:

«Чем шуметь да омрачать
свиданье,
Улыбнись и выслушай
меня:
Человек без нового
заданья —
Все равно, что печка
без огня!
И еще запомни, друг
мой милый,
Ныне мало Родину
любить, —
Надо, чтоб она тебя
любила.
А таким не просто стать
и быть!»

Глубокая мысль об общественном долге, о проявлении патриотизма советского человека: всегда гореть в работе, трудом заслужить любовь Родины! Такова мораль — не навязчивая, просто выраженная поэтом. Он не мыслит себе жизни без постоянного горения, без творчества, которое для него — естественное состояние человека.

С душевной любовью говорит Сергей Смирнов о хороших, простых людях—творцах всех богатств, строителях коммунизма. Он замечает положительные черты честных тружеников, помогает им развивать в себе эти черты советских людей, которым чужды нравы капиталистического мира.

У Сергея Смирнова нет стихов, написанных вне времени и без адреса. Он хорошо видит своего читателя, говоря с ним «от первого лица» или поздравляя его «с добрым утром». И читатель благодарен за это поэту.

А самому поэту читатель советует и впредь разговор по всем предметам

«...Вести от первого лица!
Хранить лишь то, что
сердцу свято,
Чтоб песня выглядела так,
Как вещевой мешок
солдата
В часы походов и атак!»

Вл. ХАРЬЮЗОВ

Сергей Смирнов «От первого лица». «Молодая гвардия» 1948 г.
Сергей Смирнов «С добрым утром». «Советский писатель». 1948 г.

Коротко о новых книгах

Э. М. МУРЗАЕВ. НЕПРОТОРЕННЫМИ ПУТЯМИ. Записки географа. Государственное издательство географической литературы.

Автор этой книги советский географ Э. М. Мурзаев, как говорит он сам в предисловии, мок под дождями в Хэнтейских горах, страдал от жажды в знойных и сухих Кара-Кумах, утопал в снегах Монгольского Алтая, бродил, увязая в гобийских песках. Он мерз на заоблачных вершинах Тянь-Шаня и купался в теплой и соленой воде Кара-Богаз-Гола. Плавал на больших озерах, плутал в тайге. На Устюрте он узнал силу каспийских ураганов.

И всюду, пишет автор, «где бы я ни путешествовал, куда бы ни ездил, где бы ни ходил, я всегда помнил о Родине, чьи наказы выполнял, о советском народе, которому служил».

Маршруты экспедиций, описанных в книге, проходили большей частью по малонаселенным областям Средней и Центральной Азии.

ДЕРЕК КАРТЭН. ТАКОВА АМЕРИКА. Сокращенный перевод с английского. Вступительная статья Н. Сергеевой. Издательство иностранной литературы.

«Куда идет Америка и почему она идет по этому пути?», «Почему в настоящий момент англичане ощущают на своих затылках горячее дыхание банкиров с Уолл-стрита?»

На эти — общий и частный — вопросы английский прогрессивный журналист Дерек Картэн старается дать ответ в своей книге. Наиболее яркая ее часть — сильный разоблачительный памфлет, посвященный Америке «шестидесяти семейств».

КУКРЫНИКСЫ [М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов].

«КОНЕЦ».

МИРНЫЕ БУДНИ

Тысячи солдат и офицеров Советской Армии, демобилизовавшись, вернулись к своим семьям, к своим обычным мирным профессиям. Но те, кто остался в рядах армии, — в чем их сыновний долг перед Родиной, каких трудов, каких подвигов или свершении ждет она от них в мирное время?

Такой вопрос, естественно, возникает перед каждым, кто задумается над призванием советского воина — воина первой армии в мире, борющейся за то, чтобы не существовало войн. Эта высшая цель, которой служит советский солдат, неизбежно придает ему особые нравственные качества, особые черты характера и общественного поведения, невиданные и немыслимые ни в какой армии капиталистического государства.

Советская драматургия сделала уже несколько плодотворных попыток показать замечательные черты нашего воина, готового в дни мира, как и в дни войны, отдать все силы служению Родине, проявить мужество, выдержку, стойкость героя и высокую гуманность человека, выросшего в социалистическом обществе.

Воспитательная роль нашей армии, формирование советского офицера, его призвание в мирное время раскрываются в таких пьесах, как «Призвание» А. Кузнецова и Г. Штайна или «Мирное утро» Е. Мина и А. Минчковского.

Пьеса «Призвание», подчеркивая высокий интеллектуальный и моральный уровень советского офицерства, далеко выходит за пределы специфически военной тематики. Ее главные персонажи — офицеры пехотного училища — предстают перед нами как люди широкого кругозора, неразрывно связанные с интересами народа, с жизнью Советской страны. Старший лейтенант Нестрадаев, оказавшийся черствым себялюбцем и карьеристом, выглядит в их среде человеком случайным, чуждым. Он вызывает всеобщее осуждение и терпит крах.

Противопоставленный Нестрадаеву капитан Журавлев завоевывает любовь товарищей. Он видит призвание советского офицера в умелом воспитании сознательных, храбрых воинов, преданных социалистической Родине.

В пьесе «Мирное утро» рассказывается о том, что не всем офицерам в равной степени ясен их долг в мирное время. Мы встречаем здесь среди других персонажей капитана Чепурного, остро переживающего переход к мирной жизни. Отважный, закаленный в боях офицер «привык к тревожной и опасной жизни». Ему «скучно» в тихом, дальневосточном городке, где стоит теперь его понтонный батальон, и он с пренебрежением относится к армейским будням: учеба да учеба!..

* * *

Новая пьеса И. Прута «Тихий океан», поставленная Центральным театром Красной Армии, также переносит нас на Дальний Восток, в обстановку мирных будней.

Советская подводная лодка «Дельфин», возвращаясь из учебного плавания, держит курс на свою базу. Из зрительного зала виден один отсек корабля. В отсеке все тщательно прибрано и надраено до блеска; моряки бреются, готовясь к выходу на берег, где их ждут семьи, друзья, невесты. И вдруг — оглушительный треск, мощный толчок, и «Дельфин» неподвижно замирает на дне океана: наскочили на мину!

Зрители были подготовлены к этому происшествию. В прологе к спектаклю мы слышали недвусмысленный сговор с пленным самураем некоего американца, которого японец почтительно именует «сэр». «Сэр» предложил японцу возглавить команду пленных самураев и выйти на подводной лодке в разведывательный рейд к советским берегам. Он не возражал, если японцы оставят в русских водах мины. За эту операцию «сэр» обещал отпустить самурая на свободу.

Что же происходит в отсеке затопленной лодки, получившей пробоину? Как поведут себя советские моряки, заживо погребенные на дне океана, и обреченные на мучительную, медленную гибель? Ответ на этот вопрос и составляет главное содержание пьесы.

В герметически закрытом отсеке семь человек. В соседнем отсеке в пробоину хлынула вода, и это грозит гибелью оставшимся там людям. Но семь моряков ничем не могут помочь товарищам: вода преграждает им путь. Остается только ждать, — ждать либо помощи с берега, несмотря на прерванную связь и невозможность сообщить об аварии на базу, либо... гибели.

В помещение проникает хлор, дышать становится все труднее. Семь моряков перед лицом смерти. В такие моменты ярче обнажается душа человека, глубже раскрываются ее свойства. Эти замурованные в отсеке люди не мечутся в отчаянии. Они думают прежде всего не о себе, а о товарищах по экипажу, о тех, кому грозит быть затопленными. Мучительно сознавать, что нельзя помочь им.

В распоряжении семи моряков только четыре кислородных маски, и когда они решаются на последнее средство — попытаться выбраться в этих масках из корабля через торпедные аппараты, каждый хочет уступить эту возможность товарищу. Молодой кок Куракин, самый неподготовленный из экипажа к трудностям подводной службы, первым выбывает из строя, теряя сознание от удушья, и все спешат поделиться с ним драгоценным запасом живительного кислорода.

Чувство дружбы, забота, участие, подлинная гуманность советских людей, советских воинов, спаянных священными традициями боевого товарищества, пронизывают собою все мысли и поступки героев пьесы.

Этим проникнуты и сцены пьесы, происходящие на берегу, в которых правдиво показаны неразрывная связь советского народа с его воинами, горячая забота и тревога «о тех, кто в море».

Объединенными усилиями моряков, оставшихся на базе, и самой команды «Дельфина» удается устранить повреждения. Подводная лодка всплывает и благополучно возвращается к родным берегам.

В той обстановке, которая сложилась в видимом на сцене отсеке подводной лодки «Дельфин», убедительно раскрываются различные черты характеров моряков. Мы видим взыскательного до придирчивости, но душа-человека старшину Григорьева (артист А. Иванов), нежно любящего свою Надю торпедиста Грушевского (А. Мальков), его преданного друга Панычука (Г. Гай) — упрямца, непоколебимо сурового в вопросах морали и человеческого долга, наивного, простодушного кока Куракина (артист Н. Пастухов), физически слабого, тщедушного парня, не желающего воспользоваться кислородной маской, так как все равно, дескать, он не сумеет выплыть на поверхность.

Запоминаются электрик Берман (артист Ю. Чернышов) — внешне замкнутый, деловито сухой юноша, который оказывается лирическим поэтом и читает такие проникновенные стихи о горячо любимой матери, что они заставляют оттаять даже суровое сердце Панычука; трюмный матрос Вахтанг Джибелли (в этой роли очень выразителен артист В. Зельдин). В минуты смертельной опасности этот матрос хочет быть достойным воспитавшего его комсомола. Нас горячо привлекают его порывистость, темперамент и страстная, полная живых образов речь.

В создавшейся обстановке особую ответственность ощущает не только за себя, но и за своих подчиненных офицер флота Орлов (артист И. Каменский). Перед ним задача: в минуты опасности сохранить спокойствие команды, поддержать высокое политико-моральное состояние советских воинов. Он заботливо справляется о личных делах своих матросов, внимательно и чутко беседует с каждым из них. Когда силы подчиненных слабеют, Орлов по-будничному вспоминает, что наступил час обеда, и приказывает коку накормить людей из имеющихся запасов. Конечно, многим не до еды, но сам Орлов ест подчеркнуто «с аппетитом», уговаривая и остальных следовать его примеру. И, наконец, когда гибель кажется уже почти неизбежной, Орлов, расстегивая ворот кителя (дышать становится все труднее), так же по-будничному вспоминает, что «по расписанию» сегодня должен быть вечер самодеятельности. Кок и один из торпедистов играют на баяне, Берман читает стихи.

Казалось бы, при сложившихся обстоятельствах сцена эта может выглядеть надуманной, неправдоподобной. Но и автор, и режиссер (Д. Тункель), и исполнители сумели с большой убедительностью передать благородную волевую собранность советских людей, стремящихся не сдаться, не пасть духом, поддержать друг друга.

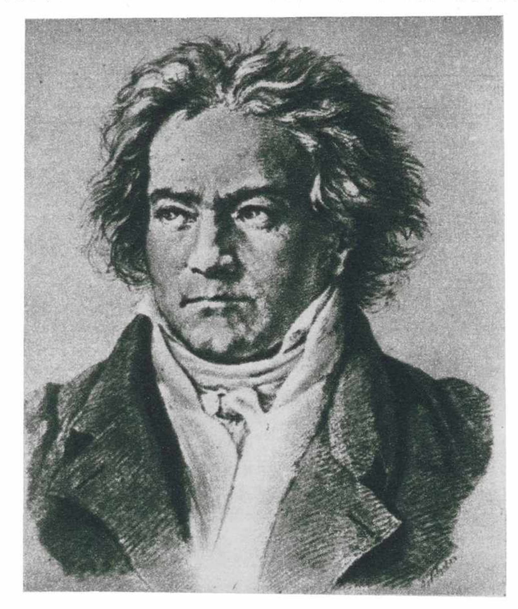
Драгоценные черты душевного благородства советских воинов не возникают сами собой. Они воспитываются всем нашим строем и, в частности, доблестной Советской Армией. Вот почему так важны скромные армейские будни, которые показались «скучными» капитану Чепурному. Именно дни учебы, закалки, духовного роста советских воинов и моряков дают им возможность накопить те физические и моральные силы, которые могут понадобиться в любой час, на любой географической параллели. — хотя бы это было и мирное время, хотя бы это был и тихий океан.

А. СИНИЦИНА

«Тихий океан» И. Прута в Центральном театре Красной Армии. Сцена в подводной лодке. Слева направо: старшина Григорьев — А. Иванов, кок Куракин — Н. Пастухов, электрик — Ю. Чернышов, старший лейтенант Орлов — И. Каменский, торпедист Грушевский — А. Мальков, матрос Панычук — Г. Гай. Рассказывает матрос Вахтанг Джибелли — В. Зельдин.

Фото Б. Игнатовича

Симфония братства народов



Людвиг Бетховен.

Сто двадцать пять лет назад впервые прозвучала Девятая симфония Бетховена — итог исканий и венец творчества великого художника.

Трудный жизненный путь прошел ее автор. Материальная нужда и борьба за существование омрачали детские годы Людвига Бетховена. Одиннадцати лет он уже играл в театральном оркестре, чтобы заработать на пропитание.

В расцвете творческих сил Бетховену суждено было испытать несчастье, особенно трагическое для музыканта,— резкое ослабление слуха; болезнь, все прогрессируя, довела композитора почти до полной глухоты.

Моменты подавленности и скорби сменялись в душе Бетховена мощным притоком жизненной энергии. «Я схвачу судьбу за горло»,— писал он как-то одному из своих друзей. Борьба с судьбой и преодоление ее ударов — таков был закон жизни гениального художника.

Современник французской революции, Бетховен был духовно близок ее стремлениям и порывам. Его величайшие создания органически связаны с могучими ритмами революции, с ее героическими напевами. Пафос борьбы за свободу окрыляет партитуры Бетховена, и мы не раз слышим в них призывы и отзвуки революционной бури конца XVIII века. «Музыка должна высекать огонь из груди человека»,— говорил композитор. И этому завету отвечают все его лучшие произведения.

В течение многих лет Бетховен мечтал написать монументальное произведение на текст оды Шиллера «К радости», и на склоне своих дней он создает знаменитую Девятую симфонию с заключительным хором на слова этой оды, восславляющим радость жизни и братство народов.

День первого исполнения симфонии — 7 мая 1824 года — явился большим событием в жизни Вены и остался знаменательной датой в истории музыкального искусства. Величественное творение Бетховена покорило аудиторию. Весь зал, как один человек, восторженно приветствовал композитора.

...Сумрачными звучаниями начинается первая часть симфонии. Но вот все покрывает чеканная, героическая тема — тема человека, могуществом мысли и воли покоряющего темные силы. Перед нами развертываются картины величия человеческого духа — музыка говорит о его борьбе, стремлениях, порывах. Слышится тяжелая мерная поступь траурного марша. Но вслед за ним снова звучит та же мужественная тема: гордая мысль человека непобедима, он торжествует над самой смертью.

Сверкающий вихрь звуков — такова вторая, быстрая часть симфонии.

Третья часть — тихая, созерцательная песня, безмятежная и мечтательная. Это как бы передышка перед грандиозным финалом, в котором запечатлена основная идея всего произведения.

Простая, всем понятная народная мелодия положена в основу этого финала — тема радости, которую так ждут страдающие люди. Чтобы воспеть эту радость композитору недостаточно средств симфонического оркестра: к инструментам здесь присоединяется лучший из музыкальных инструментов — человеческий голос.

Песнь радости на слова оды Шиллера исполняется в сопровождении оркестра несколькими певцами-солистами и хором. Все нарастает светлая, плавная мелодия, выливаясь в мощный, солнечный гимн во славу жизни — гимн свободных, братских народов. «Соединяйтесь, миллионы!» — поет хор, и в этом возгласе мы слышим пламенный призыв великого художника и человека к современникам и потомкам; ощущаем как бы предчувствие тех идей, которые спустя двадцать лет после смерти Бетховена бросил в мир гениальный «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса.

Всеобщим, захватывающим дух ликованием народа, слившегося в едином жизнерадостном, восторженном порыве, заканчивается симфония.

Советским людям, гражданам страны победившего социализма, близки мысли и чувства, которыми проникнута вдохновенная Девятая симфония, прочно вошедшая в репертуар наших симфонических концертов. Недаром на торжественном концерте для делегатов исторического Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, съезда Сталинской Конституции, прозвучало это пламенное произведение Бетховена.

И с особой силой звучит эта великая симфония радости и братства в наши дни, когда все прогрессивное человечество объединилось в борьбе за мир, за свободную, счастливую жизнь.

Б. САВЕЛЬЕВ

«ДВЕ СУДЬБЫ»

В Драматическом театре имени К. С. Станиславского

Этому театру только два года, он самый молодой в Москве. Но зрители уже успели его узнать и полюбить. О его спектаклях часто говорят, иногда спорят, их охотно посещают. Дорога в уютный «подвал» на улице Хмелева хорошо знакома москвичам.

История этого театра особенно примечательна тем, что он организован из театральной студии, созданной самим К. С. Станиславским.

Этой студией Константин Сергеевич руководил в течение трех лет: он занимался с учениками, работал над этюдами, проводил репетиции пьес «Три сестры», «Вишневый сад», «Гамлет», «Ромео и Джульетта». Занятия прекратились только за месяц до его смерти.

Пройдя долгий подготовительный путь, студия стала ныне Драматическим театром имени К. С. Станиславского. В него вошла группа «старых» студийцев, но в основном коллектив состоит из театральной молодежи.

Театр бережно хранит творческие заветы основателя студии, находя в них опору своим исканиям. Он стремится быть близким, понятным и нужным широкому зрителю. Обращаясь к богатству классической драматургии, чутко прислушиваясь к голосу современности, он учится творить реалистически, жизненно и правдиво.

И маленькая сцена театра превращается то в гостиную дома Прозоровых, где, задыхаясь от гнетущей пошлости провинциального существования, живут, тоскуют, любят чеховские три сестры, то становится трудолюбивым, шумным, дружным колхозом «Парижская коммуна» из пьесы П. Нилина «В тиши лесов».

Накануне XI съезда комсомола театр имени Станиславского показал новую работу — пьесу Зеленского и Хигеровича «Две судьбы», подлинным героем которой является советский молодой человек — наш современник. Его голос звучит здесь сильно, свежо и страстно, вызывая взволнованный отклик у зрителей.

...Героя пьесы молодого ученого-казаха Сарсена Омарова мы встречаем впервые в стенах воспитавшего его Московского университета. Мы видим далее, как юный геолог Омаров начинает свой трудовой путь во имя науки, стремясь открыть народу несметные богатства, таящиеся в недрах спаленной солнцем казахской земли.

Сарсен — мечтатель и борец. Он верит в то, что среди пустынных равнин его родного Карзагана возникнет город с большими домами, залитый светом мощных электростанций. Здесь будут университеты и лаборатории, среди песков зазеленеют сады и расцветут розы. Героически борется советский ученый за осуществление своей большой мечты, и Родина помогает ему победить.

Постановка режиссера Б. Флягина (одного из учеников Станиславского) сделана с большим вкусом. В спектакле немало актерских удач. Особенно хорош Сарсен Омаров в исполнении С. Маркушева и В. Нещипленко, создавших каждый по-своему, но одинаково верный и проникновенный образ борца за передовую науку.

О. ПОЗДНЕВА

«Две судьбы» в Драматическом театре имени К. С. Станиславского. В роли Сарсена Омарова (справа) С. Маркушев, Евгения Курбатова — Г. Колчицкий.

Фото О. Игнатович

Выставка произведений народного искусства

В Киеве открыта выставка народного искусства и изделий художественной промышленности. В двенадцати залах Музея украинского искусства собрано более 3500 экспонатов, над которыми работали свыше тысячи художников и мастеров народного искусства. Широко представлены украинские вышивки, ковры, резьба по дереву, декоративная архитектура, керамика, фарфор, фаянс, стекло, одежда, ткани, изделия из дерева, пластмассы и т. п.

Незабываемое впечатление оставляют художественные гобелены — портреты великих вождей большевистской партии и советского государства В. И. Ленина и И. В. Сталина, портрет Н. С. Хрущева, гобелен «Воссоединение Украины».

Над этими гобеленами по эскизам художников М. Иванова, Ф. Деряжного, Д. Шавыкина трудились народные художники и учащиеся Киевского художественно-промышленного училища под руководством мастера народного творчества Н. Вовк.

«Иду в партизаны» — так называется полутораметровая скульптурная группа, вырезанная из грушевого дерева ужгородским резчиком В. Свида. Молодой гуцул с винтовкой и походным мешком за плечами прощается в поле со своим отцом. С большим мастерством выполнены им также фигуры «Гуцулка» и «Гуцул».

В. Ондриховский из города Львова привез на выставку множество скульптур, вырезанных из дерева. Особенно запоминаются «Дроворуб», «Пильщики», «Женщина с корзиной», «Красноармейская разведка», «Гуцульский танец», «Нападение волков на оленя».

В другом жанре работает резчик по дереву П. Верна (Киевская область). На выставке экспонированы его бюсты выдающихся украинских писателей Т. Шевченко и И. Котляревского.

И. Гончар (киевские центральные экспериментальные мастерские) — мастер керамики. Он использует мотивы украинского народного юмора для отделки бытовой скульптуры.

С И. Гончаром соперничает искусный мастер керамики А. Грядунова, ручная роспись которой отличается изяществом и свежестью.

Широко представлена майолика. Г. Морозова (Академия архитектуры УССР) выполнила бюсты В. И. Ленина, И. В. Сталина, Л. Н. Толстого. Хорошо сделана скульптурная группа «Воссоединенная Украина» работы А. Оверчук.

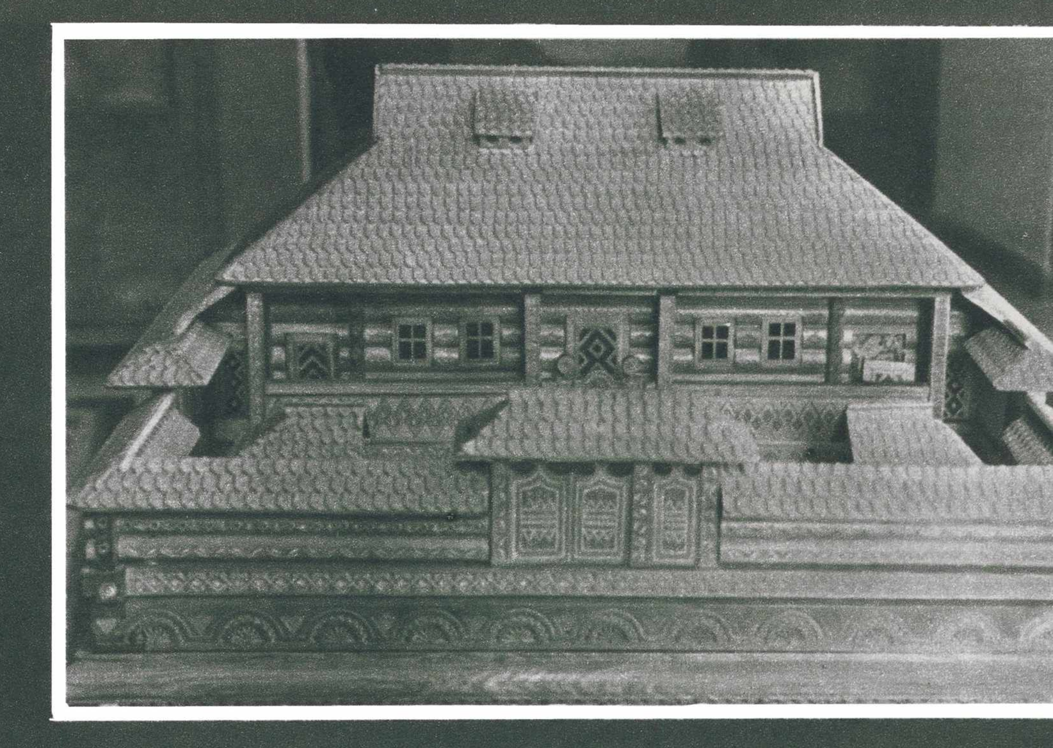
Среди экспонатов выставки народного творчества достойны быть отмеченными декоративные вазы В. Тарасова («Москва», «Орден Победы», «За оборону Одессы»), юбилейная ваза Г. Малицкого «Салют победы», фарфор Веры и Галины Павленко, декоративная роспись П. Глущенко, украинские ковры П. Власенко, оригинальные работы из каменной кристаллической соли А. Дельцова.

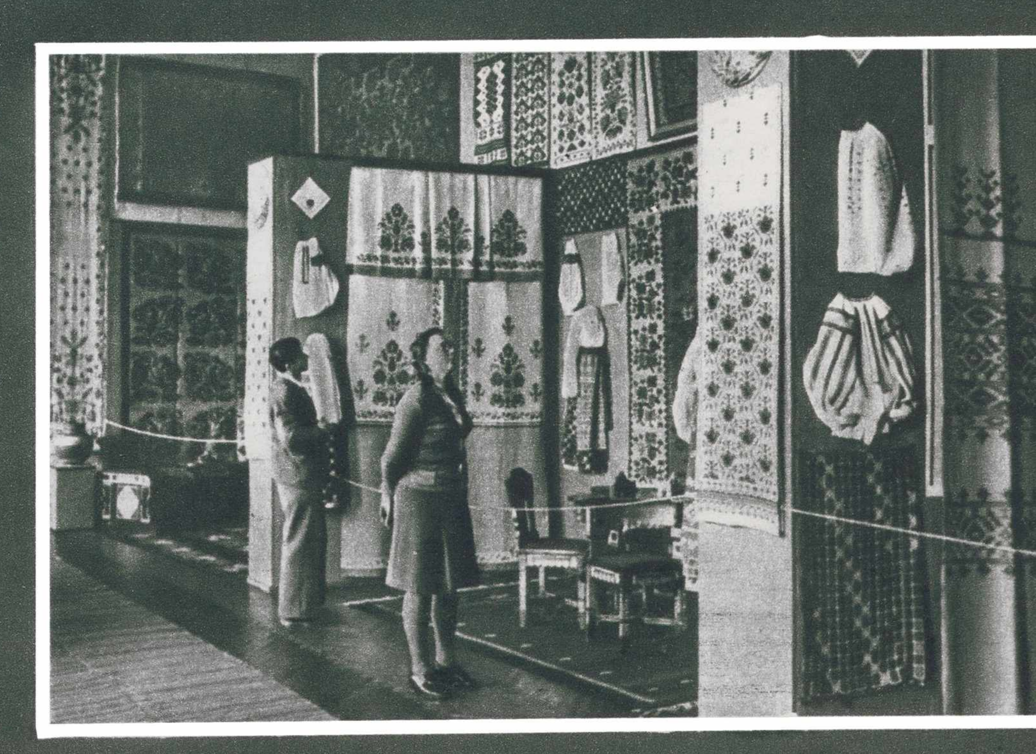
Выставка народного творчества Украины — еще одно яркое свидетельство того, что социалистический строй создает все необходимые условия для выявления и подлинного расцвета талантов из народа.

С. ГЕРАСИМОВ

НА СНИМКАХ: внизу — изделия из керамики; справа (сверху вниз) — художественная резьба, модель усадьбы, вырезанная из дерева; образцы мебели и шахмат; в зале вышивок.

Фото Н. Козловского



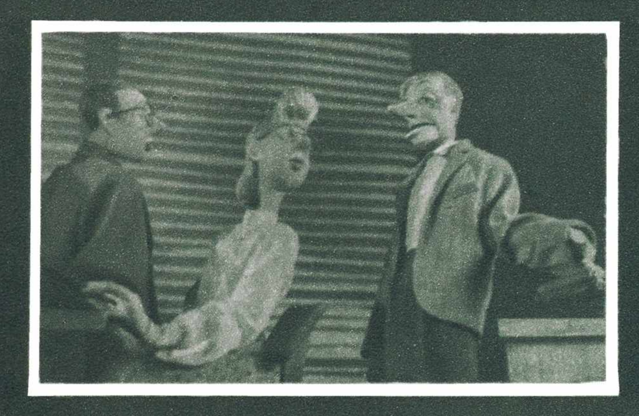


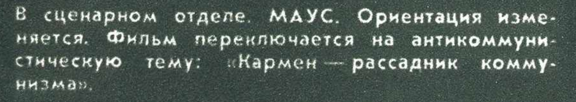
„Под шорох твоих ресниц“

КИНОРЕЖИССЕР БАДЖЕР. Фирма меняет ориентацию. Фильм переключается на антикоммунистическую тему!

Звезда экрана Родди Питтер в роли Хозе. Его улыбка ценится на вес золота. Его физиономия застрахована в 500 тысяч долларов!

АССИСТЕНТ РЕЖИССЕРА МАУС. Моему шефу не нравится, что я размышляю. Хочу отучиться! Пробовал виски, не помогает. Головой об стену три раза в день — помогает.





В сценарном отделе. МАУС. Ориентация изменяется. Фильм переключается на антикоммунистическую тему: «Кармен — рассадник коммунизма».

Государственный Центральный театр кукол показал премьеру нового спектакля «Под шорох твоих ресниц».

Художественный руководитель театра, лауреат Сталинской премии, народный артист РСФСР Сергей Владимирович Образцов считает, что театр кукол особенно силен в жанрах сказки и сатиры. Сатирический жанр утверждается С. Образцовым в его личных выступлениях на концертной эстраде и в ряде спектаклей Центрального театра кукол.

Новая постановка театра — пьеса Е. Сперанского «Под шорох твоих ресниц» — является сатирой на реакционную киностряпню Голливуда. Тема пьесы — типичная история создания стандартных американских фильмов, которыми дельцы Голливуда заполняют экраны кинотеатров Америки и наводняют «маршаллизированные» страны Европы.

В пьесе рассказывается о том, как вдохновлявшая многих истинных художников и музыкантов новелла Проспера Меримэ «Кармен», взятая в основу очередного американского фильма, подвергается в целях злостной пропаганды, ведущейся лакеями Уолл-стрита, различным «переработкам».

Яркий тип цыганки Кармен превращается у киногангстеров сперва в экстравагантную американку, увозящую Хозе на гоночной машине «Блеф-02», а затем, в соответствии с требованиями оголтелых реакционеров, становится «красной Катькой» — «агентом Москвы, ведущим подрывную работу в Испании».

Спектакль поставлен С. Образцовым, режиссер — Е. Сперанский, художник — А. Андриевич, композитор — А. Цфасман.

Фото Э. Гутгарца

Директор фирмы «Вулфенд компани» — Джейкл, его любовница — Эллен Лей.

ЭЛЛЕН. А кто будет играть Кармен, мой поросеночек!

ДЖЕЙКЛ. Ну, это я еще не знаю, крошка.

ЭЛЛЕН. Как это не знаете! Я буду играть Кармен, слышите вы! Кармен — или я превращу вас в руины!

Девушки на конкурсе дублерш для Эллен Лей. Внешние данные: волосы цвета горящей соломы, зеленые глаза с японским разрезом, длина ноги — 145.

Жила-была девочка. Обыкновенная, большеглазая, смешливая, советская девочка, с ленточками в косичках. Каждый день, как и миллионы ее сверстниц, она ходила в школу и каждую неделю приносила табель с отметками, дававшими ей право радоваться своим успехам.

Рассказ об этой девочке мы начали в прошедшем времени, хотя говорить о ней следует в настоящем и еще больше в будущем времени. Зовут ее Надей. Она и сейчас аккуратно ходит в школу в девятый класс и весьма прилежно учится.

С некоторых пор Надя стала привлекать к себе пристальное внимание множества советских людей. Имя и фамилию Нади Хныкиной, ученицы 22-й женской школы Тбилиси, можно неоднократно встретить в таблице всесоюзных спортивных рекордов, установленных в прошлом году. А замечательный рекордный прыжок в длину на 5 метров 59 сантиметров, совершенный ею осенью прошлого года и являющийся достижением международного класса, принес 15-летнему подростку почетное звание мастера спорта.

За последние месяцы поток писем, поступающих в столицу Грузии, пополнился корреспонденцией, идущей со всех концов страны в адрес Нади Хныкиной. Ей пишут школьницы Украины и Урала, московские студентки, суворовцы из поволжского города, воины-пограничники, домашние хозяйки, мастера спорта.

Не праздным любопытством продиктованы эти письма. «О тебе и твоих успехах мы прочитали в газете,— пишут ей.— От всего сердца поздравляем с необыкновенными рекордами и присвоением звания мастера спорта». Письма пронизаны заботой об успехах Хныкиной, о том, чтобы эти успехи не вскружили ей голову, чтобы она не останавливалась в своем спортивном росте, чтобы хорошо училась в школе. Со всей страны доходят до тбилисской школьницы дружеские голоса: «Расти, Надя, настоящим советским человеком, большой, первоклассной спортсменкой. Помни, что твой успех — гордость для нас всех».

Каждая победа советского человека в труде радует наш народ. Радует народ и каждая значительная победа, одержанная советским человеком в спорте. «Твой успех — гордость для нас всех»,— как постоянное напутствие для Нади Хныкиной звучат эти волнующие слова.

* * *

Погода портилась угрожающе быстро. Тяжелые тучи, подгоняемые теплым ветром, плотно закрыли ясное, морозное солнце. К тому моменту, когда начались забеги на последнюю дистанцию — 5 тысяч метров,— лед катка начал таять и покрываться водою.

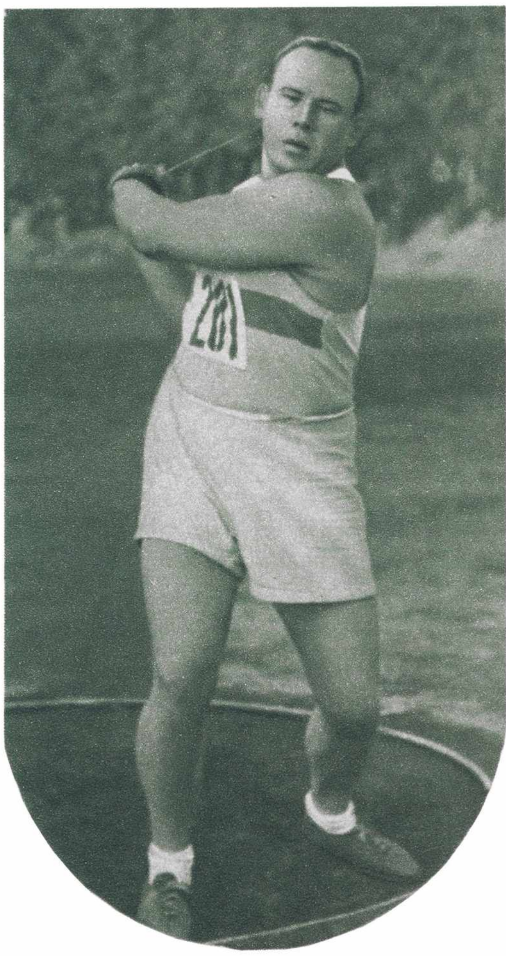
Это было 13 февраля нынешнего года — во второй, заключительный день соревнований на первенство мира по конькам для женщин,— соревнований, до предела насыщенных острой борьбой. Тысячи зрителей, съехавшихся в тихий норвежский городок Конгсберг не только со всех концов Норвегии, но и из других стран, озабоченно поглядывали на небо, на лед: дорожка стала мягкой, и плохое скольжение делало весьма трудными и сложными дальнейшие состязания.

Хотя судьи уже объявили, что советская спортсменка Мария Исакова, выиграв три дистанции, окончательно и прочно завоевала звание чемпиона мира, борьба на последней дистанции представляла значительный спортивный интерес. Ведь оставались второе, третье и другие призовые места. Оставались места в первом десятке. Оставались места, которые участницам состязаний предстояло занять по результатам этого последнего забега и по сумме очков, завоеванных на всех четырех дистанциях.

Труден заключительный бой. Принять его, всеми силами бороться за победу — таково было единодушное решение участниц советской команды. К этому их звало стремление еще выше вознести спортивную славу Родины, пославшей их на ответственнейшие соревнования. К этому их обязывало патриотическое сознание, что каждый успех советского спортсмена — это гордость всего народа. И они довели борьбу до конца и все завоевали почетные места.

НАША ГОРДОСТЬ

Э. ВИШНЯКОВ



Вверху — мастер спорта Надя Хныкина. Внизу — известный борец и метатель Иоганнес Коткас.

Но спортивный интерес, слава родной страны, гордость своего народа оказались понятиями маловесомыми в глазах некоторых буржуазных спортсменов, едва они увидели, что добиться личных выгод в этом соревновании уже не удастся. Перед самым началом забега судьи объявили, что две участницы решили отказаться от продолжения и завершения борьбы.

Публика совершенно равнодушно отнеслась к этому сообщению. Выход двух спортсменок из борьбы остался почти незамеченным. Любопытно, что подавляющее большинство зрителей составляли норвежцы и что спортсменками, сложившими оружие и уклонившимися от завершения борьбы, оказались представительницы Норвегии — Ларсен и Кельдстведт.

Отказ от борьбы в ответственном соревновании, от борьбы за спортивную честь своей страны — ведь случись подобное на любом советском стадионе, человек, именующий себя спортсменом и проявивший малодушие, был бы осужден зрителями как недостойный носить это звание, как дезертир с поля боя.

Нет, у советских и зарубежных зрителей, у советских и буржуазных спортсменов совершенно различные представления о том, что такое спортивная честь и как ее надо защищать...

* * *

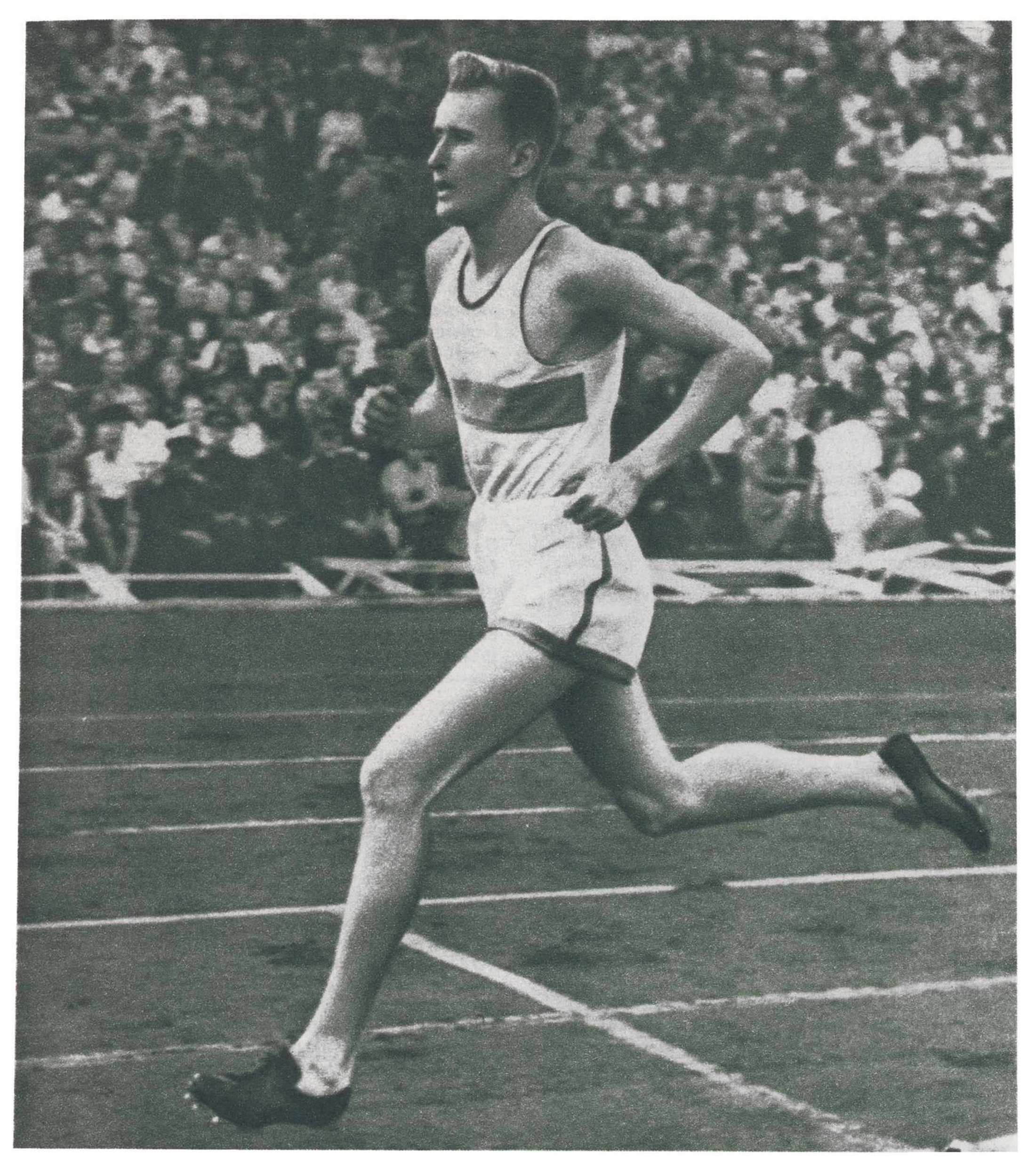
«Теоретики» и проповедники буржуазного спорта, особенно в Англии и Америке, затрачивают массу усилий, стараясь доказать, будто спорт является частным делом каждого, находится вне политики, существует для самого спорта и служит лишь средством наращивания мускулов. В конечном счете, весь этот «культ мяса» преследует одну цель: замаскировать истинную сущность и задачи буржуазного спорта. А задачи эти сводятся к тому, чтобы оболванить широкие массы трудящихся и в первую очередь молодежь, отвлечь их от общественной жизни и классовой борьбы и, прививая им звериные инстинкты, дух волчьего индивидуализма, шовинизма, человеконенавистничества, готовить кадры для империалистических армий.

В противовес этому наше советское физкультурное движение не только не скрывает, но, наоборот, всячески подчеркивает, что его цель — помогать партии большевиков в коммунистическом воспитании трудящихся, в укреплении их здоровья, в подготовке советского народа к труду и к защите социалистического Отечества, в выращивании смелых, сильных, бодрых и жизнерадостных патриотов нашей Родины, строителей коммунизма, готовых вступить в борьбу с любыми трудностями и преодолеть их.

В самом деле, наши спортсмены живут одной жизнью со всем своим народом. Они стремятся быть и оказываются первыми в труде, а когда приходит надобность,— и на поле брани. Они подтвердили это в грозные дни Отечественной войны, когда во всей полноте сказалась их физическая и моральная закалка. Они подтверждают это своими сегодняшними трудовыми подвигами у станков, в шахтах, у штурвала комбайна, в полеводческих бригадах. Выработанные спортом ловкость, сноровка, уменье экономить движения и ценить доли секунды приносят им одну производственную победу за другой.

Всеми условиями советской жизни, в том числе и обстановкой в физкультурных организациях, воспитывается и оттачивается характер советского спортсмена-патриота. С большой силой сказывается это воспитание в период спортивной зрелости нашего атлета. Посмотрите, с каким трудолюбием тренируются Александр Пугачевский или Николай Каракулов, добиваясь успеха в беге. Вспомните, с какой методичностью восстанавливали и в конце концов восстановили свою спортивную форму штангист Евгений Лопатин и пловец Леонид Мешков, возвратившиеся с фронта с тяжелыми ранениями.

Наиболее яркое выражение патриотизм советского спортсмена получает тогда, когда происходит встреча с зарубежными спортсменами, когда советскому атлету-патриоту дается почетное поручение Родины.



Александр Пугачевский.

Фото Н. Волкова

Прага. Соревнования боксеров славянских стран. Случилось так, что в первый день соревнований наш спортсмен Иван Князев, в результате ошибки на ринге, потерпел тяжелое поражение. Известно, что тот, кто побывал в нокауте, не скоро приходит в полную спортивную форму. Но в трудных обстоятельствах советский спортсмен, поддержанный товарищами, собрал всю свою волю и на другой день сумел нокаутировать очередного противника.

Большие состязания на первенство Европы по классической борьбе. В схватке с турком Чакманом советский борец Иоганнес Коткас повредил себе ребро. Ни гримасой, ни жестом Коткас не выдал своей боли. Он тушировал своего противника, он выходил на ковер в последующие дни, одерживал победу за победой, с честью защищая спортивную славу нашей страны. Только после окончания соревнований друзья Коткаса узнали о его травме: до этого он не хотел о ней сообщать.

Все свои физические и моральные силы мобилизует наш спортсмен-патриот. Он как бы аккумулирует в себе волю народа к победе и почти неизменно добивается желанного успеха, все выше поднимая над Европой и миром спортивное знамя советской Отчизны.

Нигде в мире нет такой заботы о молодежи, таких условий для духовного и физического ее совершенствования, как в нашей стране. Всегда и повсюду советский спортсмен ощущает всенародное внимание и любовь к физкультурникам. И он видит свой патриотический долг в том, чтобы в дополнение к успехам в труде добиваться успехов и в спорте.

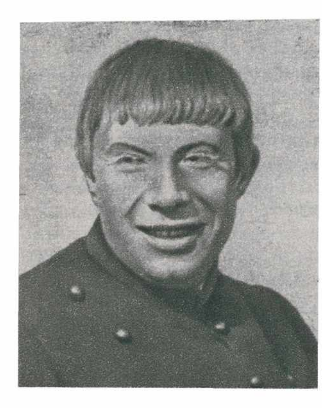
Горячий советский патриотизм, настойчивость в достижении цели, сознание ответственности перед Отчизной, перед родным народом — вот что определило успех советских шахматистов и женщин-конькобежцев на первенствах мира, успехи наших легкоатлетов, борцов, баскетболистов на первенствах Европы.

После женского первенства мира по конькам спортивный обозреватель норвежской газеты «Морген постен» Яльмар Иоганнесен писал о Марии Исаковой: «Она знает, что такое воля к победе».

Да, Мария Исакова, как и вся славная армия советских спортсменов, знает, что такое воля к победе. Эта воля питается горячим и животворным патриотизмом людей, хорошо понимающих, что их успехом гордится весь народ.

Люди советского спорта

Артист Николай ОЗЕРОВ



Н. Озеров в роли Джо из спектакля Московского Художественного театра «Пиквикский клуб».

Когда стрелки часов показывают восемь, зрительный зал, затихая, погружается в полутьму. Свет рампы освещает занавес с улетающей чайкой.

Добродушный Пиквик, раскланиваясь, представляет своих друзей: Топмана, Снодграса, незадачливого спортсмена Уинкля. Но вот появляется на сцене молодой Джо. Кто этот артист? Каждый зритель, знакомый со спортом, без труда узнает его... Ведь это Озеров! Да, этот молодой актер лучшего драматического театра страны Николай Озеров — известный теннисист и, несмотря на свою молодость, уже заслуженный мастер спорта.

Озеров на корте — давнишний любимец зрителей. Еще 12 лет назад мальчик Коля Озеров выиграл абсолютное первенство СССР среди юношей. Он продемонстрировал тогда незаурядные способности к теннису. В 1939 году семнадцатилетний юноша получает всеобщее признание как спортсмен: он поочередно побеждает всех столичных мастеров ракетки во главе с Б. Новиковым и становится чемпионом Москвы. Широкую популярность в спорте Озеров завоевал в 1944, 1945 и 1946 годах, когда он три раза подряд выиграл звание чемпиона СССР по теннису.

Озеров привлекал зрителей не только победами, но и своей творческой, темпераментной игрой, смелой, сильной, изобретательной.

Его игра не имела ничего общего с монотонной и однообразной перекидкой, которая часто превращает теннис в скучное зрелище.

Любители спорта видели предельно быструю, полную эффектных неожиданностей, оригинальную игру. Каждый мяч разыгрывается Озеровым по-новому: теннисист не задерживается на задней линии, а постоянно стремится к сетке, чтобы «убить» мяч. Его всегда остроумная игра — не набор теннисных трюков, рассчитанных на аплодисменты, а результат тонкой ориентировки, учета обстановки, уменья в любом положении найти верное решение.

Это настоящая, острая, увлекательная, осмысленная игра-борьба.

Однако в конце лета 1947 года, после трех с половиной лет непрерывных побед, Озерову пришлось вкусить и горечь поражений. Он несколько раз проиграл Б. Новикову, Э. Негребецкому, Е. Корбуту, С. Андрееву, М. Корчагину.

Добившись побед, Озеров не задумывался над необходимостью дальнейшей работы над собой. Он рассчитывал на свои способности, остановился в росте и не почувствовал, как догоняют его другие мастера.

Но Озеров — волевой советский спортсмен, которого не сломили неудачи. Он понял, что без большого напряжения сил, без кропотливой, повседневной, целеустремленной тренировки, без хорошей общей физической подготовленности ему не под силу будет вновь стать первым теннисистом страны.

С таким же упорством, с каким Озеров-актер овладевает в театре все новыми и новыми ролями: Джо в «Пиквикском клубе», краснофлотца Границы в «Офицере флота», адъютанта генерала Кривенко в «Победителях», Хлеба в «Синей птице»,— Озеров-теннисист совершенствует на корте «пушечные» подачи, отшлифовывает удар слева.

Недавно любители тенниса вновь приветствовали Озерова как победителя, который продемонстрировал результаты своей серьезной тренировки — сильную и точную подачу. Озеров в хорошем стиле выиграл у своих главных соперников С. Андреева, Э. Негребецкого и Е. Корбута и занял первое место во всесоюзных соревнованиях теннисистов на закрытых площадках.

Можно с уверенностью ждать от актера-спортсмена новых успехов. Мы его увидим и в алой майке чемпиона на корте и в большой роли на сцене МХАТ, ибо упорное совершенствование — надежный путь к вершинам искусства, к мастерству.

В. ВЛАДИМИРОВ

Н. Озеров после выигранного матча.

Разговор по душам

Фельетон

Е. СЕРГЕЕВ

— Уилсон, мы должны улучшать наши радиопередачи. Срочно и радикально, — сказал Бинг, постукивая кулаком по столу.

— В принципе я с вами согласен, шеф, — кислым тоном ответил Уилсон, — но, как главный редактор...

— Никаких «но»! Час тому назад мне звонил сам Эндрью Вудс. Они там в Вашингтоне чертовски недовольны последними программами, особенно для России. Вудс назвал их жвачкой старой коровы. Он орал на меня, как одержимый: «Тупость! Однообразие кретинов! Паршивая шарманка, а не голос нашей могучей страны!» и всякие такие словечки. Что вы на это скажете, а? Нужно немедленно мобилизовать наши силы!

— Все это так, шеф. Но вот о силах-то я и хотел говорить. Впрочем... пусть они сами скажут за себя, — и подобие улыбки раздвинуло узкие, бескровные уста Уилсона.

— На днях я приказал запрятать парочку микрофонов в столы холла, где собираются эти самые силы. До начала передач полчаса, и они уже там. Поверните-ка на пульте вон тот оранжевый рычажок. Послушаем, а затем продолжим разговор.

Бинг с недоумением взглянул на Уилсона, утонувшего в кресле, пожал плечами, но рычажок все же повернул.

...В холле действительно все были уже в сборе. За ближайшим к буфетной стойке столиком сидел обрюзглый, с тройным подбородком и иссиза-лиловым носом Козуль-Роговский, маленький, лысый Фунтиков с вечно мокрой, отвисшей губой и сухопарый с глазами навыкате и шрамом на правой щеке Забурдаев. По соседству расположились черный, как грач, румын Пупеску и кругленький, словно весь составленный из полушарий, Ян Шманек. Поодаль возле окна устроились графиня Урусова — женщина, напоминающая цветом своей кожи и выражением лица египетскую мумию, и лощеный, молодящийся пан Стефан Ендаховский.

Оттого, что за окнами было пасмурно, моросил безустали дождь и время от времени противно визжали тормоза автомобилей, в комнате царила тяжелая скука.

— Собачья тоска, господа, — бубнил Фунтиков, — ну прямо таки до судорог. День за днем одно и то же. Такая канитель, словно сам из себя кишки выматываешь...

Забурдаев с ненавистью посмотрел на его мокрую, шлепающую губу, но ничего не сказал и только засопел. Козуль-Роговский же сжал своими цепкими пальцами стакан с какой-то ядовито-зеленой жидкостью и решительным жестом опрокинул его в горло.

— Ведь, в сущности говоря, копаешься в помоях по самые локти, — продолжал Фунтиков так же монотонно. — Ночи не спишь, — все думаешь, чем бы таким ошарашить. На днях, ей богу, дошел до того, что стал сочинять оду. И все плохо, все не так. Бинг волком смотрит, Уилсон на каждом шагу шпыняет...

— Да замолчи ты, чертова перечница! — рявкнул вдруг Забурдаев. — И без этого тошно, а он еще слюни распустил. Из-за таких вот сопливых социалистов нас за океан швырнуло, а теперь ему то не так, это не по нраву. Попался бы ты мне в девятнадцатом под Ростовом, я бы тебе показал, как рагу делают, — лицо Забурдаева налилось кровью, а глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит и шлепнуться на мрамор столика.

— Ладно, Мишель, успокойся, — примирительно сказал Козуль-Роговский и пододвинул Забурдаеву наполненный до краев стакан. — Выпей вот для укрепления нервов... И ты уже давно не есаул, и Фунтиков — не меньшевик. А все мы, брат, изгои, так сказать, пушинки мироздания на тыльной части планеты.

— Нет, позвольте, — заволновался заметно побледневший Фунтиков. — Кто ему дал право меня оскорблять? Мы же не в казарме, господа. Меня, Фунтикова, одного из лидеров русского меньшевизма, вдруг называют сопливым социалистом. Меня, хранителя великих принципов свободы и демократии! Это возмутительно!

Забурдаев, протянувший было руку к стакану, сложил кукиш и сунул его под нос окончательно растерявшемуся Фунтикову:

— Вот тебе что хранить, жаба! Я такому проходимцу даже старые рейтузы не доверю. Было время — думал, помогут имение сохранить, капиталы уцелеют, а что получилось?

— Мишель, я решительно призываю тебя к порядку, — нахмурился Козуль-Роговский. — Веди себя прилично, как подобает дворянину.

Забурдаев неохотно опустил руку и, не глядя на стакан, поднес его ко рту.

— А что до твоих капиталов, — продолжал его укротитель, — то там, небось, были одни лишь долговые обязательства. У меня вот банк ухнул, предприятия пропали, и то я молчу. К чему теперь эти глупые воспоминания?

Фунтиков, ерзавший на стуле, пытался что-то сказать, но Козуль-Роговский величественным жестом призвал его к молчанию.

— Ты, Мишель, не дебоширь, а вдумайся. Фунтиков-то ведь прав. В самом деле, разве этот бездушный карьерист Бинг нас не эксплоатирует? Пятьдесят долларов в неделю за такую адскую работу! Да мне лично Геббельс больше платил. Правда, в марках, но зато кормили как! Украинское сальце, первосортные смоленские яички, настоящая водка. Да-с, пожили...— и Козуль-Роговский даже зажмурился от удовольствия. — А здесь меня тошнит от их проклятого мяса с вареньем и маринованных огурцов с сахаром.

— Мало ли от чего тошнит, — скрипнул зубами Забурдаев, — да куда денешься! Жри, что дают.

— В том и трагедия, что некуда,— вставил наконец Фунтиков.— Разве вот только в Англию...

— Дудки, — перебил его Козуль-Роговский и по примеру Забурдаева непроизвольно сложил три пухлых пальца воедино.— Прежде всего, если барин плох, то в лакейской еще хуже. И затем там свои Фунтиковы изгаляются, а в безработных совсем пропадешь.

— Значит, нечего и болтать, — проворчал есаул. — Вот дождемся своего, тогда с большевиков за все получим.

— Глупо, Мишель, глупо, — пробасил Козуль-Роговский. — С них уже тридцать два года собираются получать. И не такие, как мы с тобой, валеты, а настоящие тузы. Да много ли получили? Нет, брат, пакты — это одно, а факты — другое. Давайте-ка мы лучше предъявим Бингу свои требования. Пункт первый—сдельная оплата труда. Чтение, допустим,— пять долларов в час. Заметка с фантазией — 20 центов строка. Поставки очевидцев — от 15 до 30 долларов за штуку. Дневник заключенного в советском лагере — 100 долларов за печатный лист.

— А если с фотографиями? — заинтересованно спросил Забурдаев. — У меня их штук сто из Дахау.

— На десять процентов дороже, — безапелляционно ответил Козуль-Роговский.

— Теперь пункт второй — авторское право. Кстати, пока не забыл, — Козуль-Роговский оглянулся и окликнул Ендаховского:

— Вы что же это, миколайчиков сын, авторитет мой подрываете? — сказал он строгим тоном подошедшему поляку. — Третьего дня я написал, что все продукты, вплоть до лука и чеснока, вывезены из Польши в СССР, а вы вчера ляпнули, будто Россия доставила вашим землякам пирамиды продовольствия, чтобы подкормить их перед нападением на Англию. Нельзя же так, молодой человек! Перелицевали, так подождите, по крайней мере, недели две — три. Нехорошо-с...

— Что за счеты между своими! — откликнулся прислушивавшийся к разговору Шманек. — А помните, господин Козуль-Роговский, как вы мое совершенно роскошное восстание в Праге провели через день в Бухаресте? Ведь я же не обиделся.

— А у меня затем удержали 30 долларов из жалованья, — встрепенулся Пупеску. — «Вы не следите за событиями в своей стране», — заявил мне этот мерзавец Уилсон.

— И вообще, господа, — процедил наконец Ендаховский, — я попросил бы без нотаций. Если ваш собутыльник Кравченко пристроился в разведку, то это еще не значит, что ваши акции пошли вверх. Вы не имеете права третировать молодые, свежие силы.

В комнате поднялся неимоверный гам. Размахивая пустой бутылкой, Забурдаев утробным голосом рычал: «Расшибу, шляхта проклятая!» Фунтиков, вскочив на стул, от волнения непрерывно шлепал нижней губой о верхнюю, да так, что брызги летели во все стороны. Урусова растянулась было на диване в обмороке, но тотчас вскочила и вцепилась в шевелюру Пупеску.

Кто знает, чем бы это все кончилось, если бы не раздался вдруг резкий звонок — сигнал начала передач. Мгновенно в холле воцарилась тишина, и все бросились к столикам за своими портфелями и папками.

— Через три минуты в студию, господа, — предупредил своих коллег Козуль-Роговский. — Последняя проверка. Фунтиков, он же профессор Иванов, здесь?

— З-з-здесь!

— Бежал неделю тому назад из Хабаровска. Заикание на нервной почве.

— Так точно.

— Только не несите вы, бога ради, отсебятины. В прошлый раз ляпнули вдруг, что шли из Батума в Турцию по льду через Черное море. Ну какой там, к дьяволу, лед! Хорошо что Уилсон не заметил.

— Заключенный Петров из лагеря № 147265, расположенного на Невском проспекте, здесь?

— Здесь, — прохрипел Забурдаев.

— Помните же, никаких «о'кэй», «шерифа» и тому подобное! Вечно путаете, алкоголик вы этакий. Пошли.

...В динамике прозвучал топот ног, и все утихло. Бинг рванул оранжевый рычажок к себе и выскочил из-за стола.

— Ну и собрали же вы банду! — крикнул он Уилсону. — Ведь это же шваль, какой свет не видел.

— А где вы найдете других, дорогой шеф? — спокойно ответил Уилсон. — И затем, они там, в Вашингтоне, ругают нас не за вольное обращение с истиной, а, как это, за «жвачку старой коровы». Ну, что ж, будем придумывать что-нибудь поострее... Кстати, идея поштучной оплаты совсем недурна. Появится настоящий стимул, не правда ли?

Почтовые марки Болгарии

Демократические изменения в государственном строе Болгарии нашли свое отражение в тематике почтовых марок, выпущенных народной республикой.

С чувством глубокой любви болгарский народ произносит имя вождя советского народа и прогрессивного человечества всего мира товарища И. В. Сталина.

На одной из марок на фоне Спасской башни Кремля мы видим портрет товарища И. В. Сталина.

На другой марке запечатлен основоположник коммунистической партии Болгарии Дмитрий Благоев.

Несколько почтовых марок посвящено освободительнице Болгарии от ига фашизма — Советской Армии.

В ознаменование заключенного болгаро-румынского договора о дружбе и взаимопомощи издана марка в 40 левов с изображением зданий двух парламентов: вверху — румынского, внизу — болгарского; между ними — лавровая ветка, перевитая алой лентой с надписью «Бухарест и София». На марке в 100 левов — мост через реку Дунай, по сторонам которого развеваются государственные национальные флаги — так показана граница между дружественными, миролюбивыми странами.

Одна марка изображает памятник, установленный в Софии в честь русских воинов, павших за освобождение Болгарии на Шипке. На марке обозначены две даты: слева 1878 год — год русско-турецкой войны за освобождение Болгарии от турецкого ига, справа 1944 год — дата освобождения Болгарии Советской Армией от фашизма.

На марке изображены две фигуры: молодого бойца Советской Армии и старого болгарского воина.

Марка светлокоричневого цвета в 60 левов посвящена болгарским пионерам (сентябристам).

Большое место в тематике почтовых марок занимают мотивы культурного отдыха трудящихся Болгарии.

В ознаменование Объединительного 2-го конгресса профессиональных союзов (ОРПС) изданы две почтовые марки. Сюжетом одной марки служит показанная на фоне заводских сооружений фигура рабочего с молотом в одной руке и с красным знаменем — в другой. На второй марке (воздушной почты) изображен на переднем плане рабочий с молотом, слева — земной шар и почтовый самолет.

Большой интерес представляет марка, выпущенная по случаю 100-летия со дня смерти болгарского патриота и общественного деятеля периода культурного возрождения Болгарии — В. Е. Априлова.

Серия из пяти почтовых марок посвящена болгарским патриотам и мастерам художественного слова — писателям Вапцарову, Яворову, Христо Смирненски, Вазову, Славейкову. На марке, изображение которой мы даем, запечатлен портрет Христо Смирненски, болгарского поэта-коммуниста. В русском переводе имеется сборник избранных стихов Смирненски под названием «Да будет день». В своих произведениях поэт горячо приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию и призывал свой народ последовать примеру русских братьев.

Почтовые марки, выпущенные в последнее время в Болгарии, рассказывают о новой жизни болгарского народа, о его борьбе за социализм.

К. ГОРМИН

ВПЕРЕДИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Первые в мире теплоходы

Сорок шесть лет назад, в июне 1903 года, в Петербурге, на Выборгской стороне, был спущен на воду новый корабль. Судно это внешне ничем особенным не отличалось, разве только дымогарная его труба была уже и короче обычной, и над ней не вились белые облака пара. Но их и не могло быть, ибо пар на судне не применялся. Корабль, носивший название «Вандал», приводился в движение дизельмоторами. Это был первый в мире теплоход.

Дизельмотор, в котором движущая сила получалась с громадной экономией топлива, «для нас, русских инженеров, — писал основоположник отечественного и мирового теплоходостроения профессор Константин Петрович Боклевский, — имел особенное значение. С таким двигателем каждое русское судно могло бы дойти из любого порта нашей страны до Владивостока, не заходя в иностранные гавани за топливом...»

Всю свою энергию К. П. Боклевский посвятил борьбе за строительство теплоходов. В январе 1903 года он составил проект судна водоизмещением в 6 тысяч тонн, приводимого в движение дизелями...

Вскоре был сооружен первый корабль нового типа, оснащенный двигателями завода «Русский дизель». Это и был нефтеналивной пароход «Вандал». Еще через год строится второе такое же судно — баржа «Сармат».

Расчеты Боклевского блестяще подтвердились, и он пытается обратить внимание правительства на свои предложения. В 1904 году он ставит перед адмиралом Рождественским вопрос о необходимости организации плавучих угольных баз для снабжения эскадры, идущей на театр военных действий. Для этого Боклевский советовал переоборудовать обыкновенные пароходы и снабдить их дизельными установками. Рождественский на докладе Боклевского начертал: «Фантазия, далекая от реального осуществления».

Но русские инженеры смело идут по пути, прокладываемому Боклевским. В 1907 году был сооружен корабль «Мысль». Строитель его, инженер Корейво, назвал свое детище «теплоходом».

В 1908 году в Петербурге строится дизельная канонерская лодка «Шквал». Затем на заводе «Русский дизель» создается дизельмотор с реверсом, т. е. с переводом движения на обратный ход. Это первый в мире двигатель такого типа. Через некоторое время реверсивный дизель устанавливается на подводной лодке «Минога», и тем самым открывается новая эпоха в развитии подводного плавания.

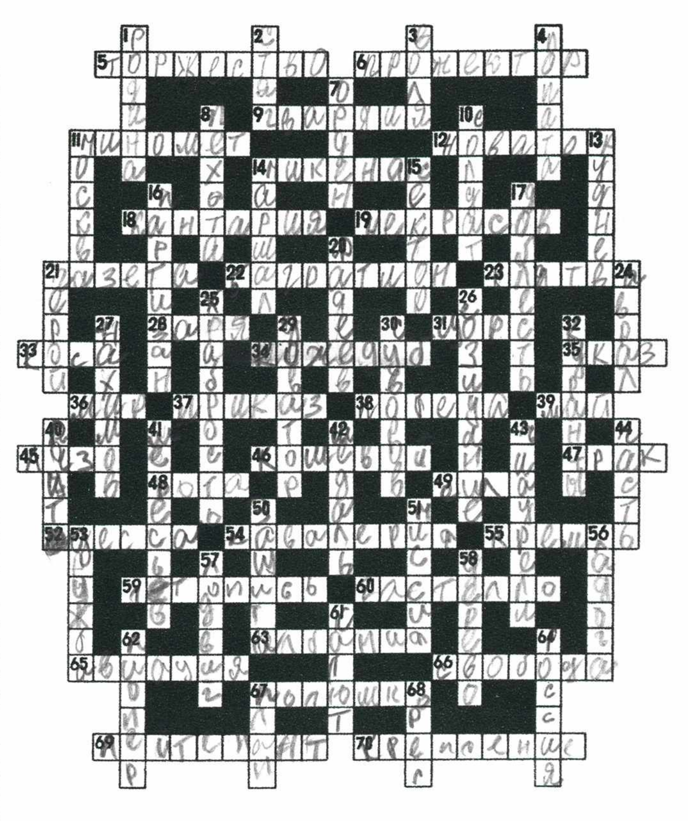
Сейчас верфи всего мира строят теплоходы. Но родина их — Россия.

На первой странице обложки: потомки русских полководцев — внук героя гражданской войны В. И. Чапаева Валентин Чапаев (слева) и праправнук фельдмаршала М. И. Кутузова Борис Прокофьев на занятиях в авиационном училище. **Фото И. Акуленко.**

На последней странице обложки: Волга в мае. **Фотоэтюд Е. Тиханова**

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» С. ЕГОРОВ (Москва)



По горизонтали:

5. Большое празднество. 6. Прибор с сильным источником света. 9. Отборные войска, удостоенные за подвиги особой почести. 11. Род оружия. 12. Вносящий новшества. 14. Автор скульптурной группы «Победа» для памятника в Калининграде. 18. Герой Советского Союза, водрузивший знамя Победы над рейхстагом. 19. Русский поэт. 21. Периодическое издание. 22. Русский полководец. 23. Присяга. 28. Начало, зарождение радостного, светлого. 31. Герой гражданской войны. 33. Узкая отмель, идущая от берега. 34. Прославленный советский летчик. 35. Постановление верховного органа власти. 36. Дружеские, согласные отношения. 37. Распоряжение. 38. Боевой успех. 39. Месяц победоносного окончания Великой Отечественной войны. 45. Герой гражданской войны. 46. Руководитель организации «Молодая гвардия». 47. Звено гусеничного движителя. 48. Организационно-тактическая единица пехоты. 49. Мощь. 52. Город-герой. 54. Конница. 55. Сердце Москвы. 59. Запись исторических событий. 60. Советский летчик-герой, погибший смертью храбрых. 63. Народная республика. 65. Род войск. 66. Отсутствие ограничений в общественно-политической жизни и деятельности. 67. Популярная советская военная песня. 69. Воинское звание. 70. Сооружение в виде деревянных сводов или распорок.

По вертикали:

1. Отечество. 2. Знамя. 3. Сознательное стремление к осуществлению цели. 4. Принадлежность сапера. 7. Правительственная награда. 8. Род войск. 10. Рядовой. 11. Столица СССР. 13. Героический комиссар партизанского отряда. 14. Воинское звание. 15. Часть круга. 16. Участник отряда, действующего в тылу врага. 17. Высшее душевное мужество. 20. Советский писатель. 21. Совершивший подвиг. 24. Сбор команды на палубу. 25. Бесстрашие. 26. Творчество. 27. Русский адмирал. 29. Прославленный советский генерал, погибший в боях за Родину. 30. Гениальный русский полководец. 32. Башенные часы с музыкой. 40. Средство связи. 41. Герой произведения Б. Полевого. 42. Награда. 43. Режиссер фильма «Клятва». 44. Войсковое подразделение. 50. Оборона. 51. Дипломатическое представительство. 53. Взаимная привязанность. 56. Озеро, через которое осажденный Ленинград снабжался продовольствием и боеприпасами. 57. Героический поступок. 58. Растение. 61. Приветствие. 62. Член детской организации в СССР. 64. Государство. 67. Производственная программа. 68. Русский город, в честь освобождения которого был произведен первый салют в Великую Отечественную войну.

ОТВЕТЫ

на кроссворд, помещенный в № 18

По горизонтали:

9. Пролетариат. 10. Иллюминация. 12. Ангар. 13. Порыв. 14. Штамп. 15. Рупор. 18. Революция. 23. Салют. 24. Опора. 25. Смена. 26. Город. 27. Народ. 28. Титан. 29. Простор. 31. Трава. 33. Слава. 35. Радио. 36. Спорт. 37. Аэропорт. 38. Бригадир. 41. Ртуть. 42. Тираж. 43. Федерация. 46. Сцена. 49. Песня. 50. Конституция.

По вертикали:

1. Транспарант. 2. Весна. 3. Парад. 4. Карпов. 5. Пловец. 6. Смотр. 7. Знамя. 8. Физкультура. 11. Урал. 16. Родина. 17. Солидарность. 18. Ранг. 19. Оратор. 20. Юность. 21. Ясли. 22. Демонстрация. 23. Сатира. 29. Приоритет. 30. Репарация. 32. Репатриация. 34. Возрождение. 39. Кредит. 40. Плакат. 44. Юноша. 45. Герой. 47. Колхоз. 48. Митинг.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А — 05210. Подписано к печати 3/V — 49 г. Изд. № 234. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 822. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Сухуми, Дом туриста ВЦСПС.

ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВЦСПС ОРГАНИЗУЕТ ТУРИСТСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ:

В Москву и Ленинград

По Черноморскому побережью Кавказа
(Аше — Сочи — Хоста — Гагры — Ахали-Афони — Сухуми — Зеленый Мыс — Батуми).

По горному Кавказу
(Военно-Грузинская, Военно-Осетинская и Военно-Сухумская дороги и Теберда).

По Закавказью
(Баку — Тбилиси — Гори — Батуми).

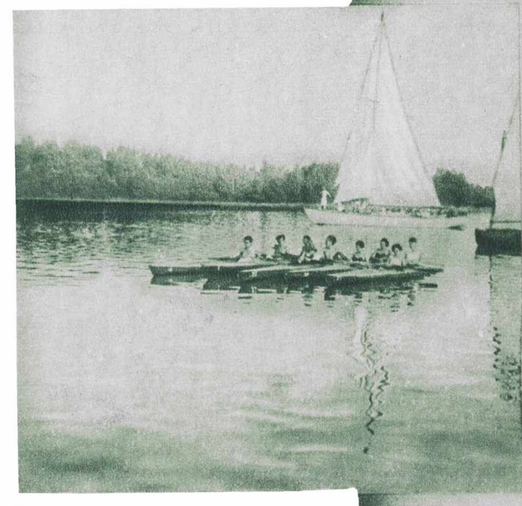
По Крыму
(Симферополь — Бахчисарай — Ай-Петри — Алупка — Ялта — Алушта).

По Закарпатской области
(Ужгород — Мукачево — Берегово — Солотвино — Ясеня),

а также на озеро Селигер, Лисицкий Бор на Волге, Бородино, Приозерск на озере Вуокса и в другие районы.

К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина организован специальный туристский маршрут по пушкинским местам (Ленинград — Пушкинский заповедник в Псковской области).

Продолжительность путешествий от 10 до 25 дней.



Озеро Селигер.

Военно-Осетинская дорога.

Приобрести путевки и получить все справки можно в отделениях туристско-экскурсионного управления ВЦСПС:

Москва, Арбат, ул. Веснина, 21.

Ленинград, бульвар Профсоюзов, 19.

Рига, ул. 13 января, 3.

Таллин, Рахукохту, 2—8.

Симферополь, Проездная, 5.

Кисловодск, проспект Сталина, 5.

Сочи, ул. Войкова, 19.

Дзауджикау, Ростовская ул., 9.

Тбилиси, Саба-Сулхана, 11.

Ужгород, ул. Духновича, 2.

Баку, Парк имени Низами.